
Андрей
Ливадный
Зона отчуждения
Эксмо

Annotation

2607–2608 гг.

Солнечная система чудовищно перенаселена и страдает от недостатка природных ресурсов. Колонизация других звездных систем затруднена — все мало-мальски приличные миры уже освоены теми, чьи предки четыре века назад были выброшены с Земли в полную неизвестность в ходе Великого Исхода. Всемирное правительство во главе с Джоном Хаммером увидело единственно возможный выход из сложившейся ситуации…

Так начиналась Первая галактическая война.

* * *

От автора:

Данный роман, являющийся самостоятельным произведением, написан мной после многочисленных просьб читателей, присылавших на мой электронный адрес отзывы о прочитанном.

В контексте «Истории Галактики» книга логически объединяет между собой романы «Дабог» и «Черная Луна».

Андрей Ливадный Зона отчуждения (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 5)

ПРОЛОГ

Земля. 2213 год

Низкая, свинцово-серая облачность, образованная смоговыми испарениями, клубилась на высоте пятисот метров, затягивая беспросветной пеленой среднюю часть города-мегаполиса.

Со стороны казалось, что ядовитые облака делят усеченную пирамиду человеческого муравейника на две неравные части. Все, что находилось ниже их покрова, причудливо смешивало в своей архитектуре жилые кварталы, действующие производства, многоуровневые транспортные артерии, и оттого эта часть города казалась сплошной промышленной зоной, под смоговым покровом которой царил постоянный сумрак… Тут даже днем не выключалось освещение улиц и желтели нездоровым, искусственным светом миллионы окон. Стеклобетонные коробки человеческих жилищ образовывали плотные массивы полностью автоматизированного, но, тем не менее, дискомфортного и угнетающего пространства, где суммарная плотность населения доходила до уровня сотен и даже тысяч человек на один квадратный метр площади основания.

Совсем иная картина открывалась глазу выше слоя испарений.

Здания и городские уровни, поднимающиеся над отметкой пятисотметрового нивелира, казалось, вырываются из серой пелены смога, вздымаясь к небесам огромными пирамидальными комплексами, где обитали люди среднего класса. Между отдельными уступчатыми зданиями оставалось достаточно места для воздушного транспорта, а автомобильные дороги вились спиралями, огибая жилые комплексы пологими витками серпантина, словно серые, навек омертвевшие лианы, вскарабкавшиеся по стенам сверхнебоскребов в заоблачную высь…

Еще выше, на плоских стеклобетонных полях, объединяющих архитектуру верхней части мегаполиса, среди разреженных перистых облаков, под пластиковыми куполами виднелась зелень оранжерей и располагались отдельно стоящие дома наиболее состоятельных граждан Земного Альянса.

Зона смоговых облаков, разделявшая город на две неравные части, была необитаема: здания здесь не имели окон, а транспортные артерии приобретали вид герметичных тоннелей.

Внизу царил ад для миллиардов, а наверху, над серым клубящимся морем облаков, простирался если не рай, то нечто схожее с ним, по

понятиям двадцать третьего века, конечно. Здесь над слоем ядовитых облаков жили и работали уже не миллиарды, а лишь миллионы избранных.

Два пространства городских уровней, разделенные безжизненной прослойкой, разнились во всем, словно понятие «высота» стало теперь не только физической величиной, но и градационной отметкой социума. Каждый, обитающий внизу, мечтал подняться над непроницаемым покровом смоговых испарений, а те, кому удача, личные качества или же право рождения уже позволили подняться над серым, клубящимся морем, боялись в одночасье рухнуть вниз, внезапно скатившись по ступеням социальной лестницы.

Мало кто признавался в своих страхах или стремлениях, но даже короткой экскурсии по вертикали разделенного надвое исполинского города и беглого взгляда на его обитателей хватало, чтобы понять: огромным человеческим муравейником правят древние как мир чувства, здесь идет настоящая бескомпромиссная и жестокая борьба за *выживание*.

Впрочем, если присмотреться к ослепительным росчеркам рекламы, которую чертили тонкие лазерные лучи на сером подбрюшье смоговых облаков, можно было понять: у обитателей нижних уровней исполинского мегаполиса есть еще один способ обрести иную жизнь, вырваться из серых, сумеречных, безысходных будней.

Над кипящим от людской суеты многомиллиардным «нижним» городом феерия лазерных лучей рисовала объемные пейзажи призрачных райских планет, на орбитах которых, по утверждению рекламодателей, побывал первый внепространственный корабль-разведчик «Ванкор».

Рядом с фантомными пейзажами далеких миров фон облаков, служивший проекционным экраном для лазерных лучей, давал более конкретную информацию: на данный момент десять фирм-отправителей предлагали свои услуги всем, кто пожелает покинуть перенаселенную прародину в поисках Земли Обетованной.

Десять колониальных транспортов, недавно построенных на стапелях космоверфи, ждали своих пассажиров. Девять из них расположились на орбитах между Землей и Луной, а непосредственно под загрузкой, состыкованный со станцией «Вегас», находился в данный момент колониальный транспорт «Кривич»; далее по списку следовали «Кассиопея» и «Беглец». Названия остальных семи кораблей пока что не афишировались, — их очередь на рекламу придет лишь после старта перечисленных космических левиафанов, каждый из которых готов был унести к звездам до трехсот тысяч погруженных в сон колонистов…

…Звезды, которых не было видно с поверхности укрытой смогом

Земли, казались призрачными, далекими и такими же нереальными, как нарисованные лазером пейзажи обращающихся вокруг них планет. То, что автоматическому кораблю-разведчику удалось совершить серию внепространственных прыжков, сфотографировать при помощи зондов поверхность некоторых миров и в конечном итоге вернуться в Солнечную систему, являлось скорее удачей, чем осознано выполненным, целенаправленным маршрутом, но об этом скромно умалчивали рекламные проспекты, внедряющие в сознание миллиардов людей совершенно иную мысль.

Благодаря теории гиперсферы, опубликованной известным ученым-астрофизиком Иоганном Ивановым-Шмидтом, звезды стали доступны любому, кто пожелает к ним полететь, — вот основной аспект, на который делался упор в рекламной кампании фирм, строивших огромные колониальные транспорты.

«Каждая силовая линия аномалии космоса ведет к реально существующему физическому объекту», — утверждали росчерки лазерного света, складываясь в плавающие, искаженные движением облаков фразы, проецирующиеся на фон пейзажей девственных планет…

Если смотреть снизу, с самого «дна» городских уровней, то, в сравнении с мертвым, серым, урбанизированным пространством, простирающимся вокруг, рекламные предложения покинуть Землю не казались такими уж безумными и обманчивыми… тем более что обитатели земных городов-мегаполисов имели лишь смутное представление об астрофизике, а теория гиперсферы, как аномалии пространства-времени, была и вовсе недоступна разуму рядового жителя тысяч подобных городов, покрывших Землю коростой своих коммуникаций.

Надежда умирает последней… а когда уже давно стерлись границы государств, наций и все смешалось в едином котле глобального перенаселения, то в такой ситуации любой мало-мальски правдоподобный намек на лучшую жизнь являлся хорошей альтернативой назревающей мировой войне… Соломинка, за которую невольно цеплялся разум любого человека, кто хоть раз поднимал глаза к свинцово-серым небесам, где заманчиво сияли призрачным светом стоп-кадры, выхваченные аппаратурой «Ванкора» из реальности иных, расположенных за сотни световых лет от Земли миров.

И лишь узкий круг посвященных знал, что открытая Иоганном Ивановым-Шмидтом аномалия космоса еще совершенно не изучена, — она таит в себе не только возможность преодолеть пресловутый барьер скорости света, но и тысячи иных, неизвестных пока законов и нюансов.

Гиперсферную навигацию только предстояло освоить, и делать это придется экипажам тех самых колониальных транспортов, реклама которых шла по всем информационным каналам планеты.

Понимали ли это остальные граждане Земли?.. или только догадывались об истинной подоплеке открывающегося прямо на глазах парового клапана цивилизации?.. но желающих покинуть перенаселенную планету оказалось достаточно для процветания «фирм-отправителей» на протяжении пятидесяти с лишним лет.

Каждая силовая линия аномалии космоса действительно вела к реально существующему физическому объекту звездной или как минимум планетарной величины, но вот возможна ли жизнь на том конце слепого рывка через гиперсферу?

Реклама утверждала: ДА, ВОЗМОЖНА.

С людей брали деньги, заботливо укладывали новоиспеченных колонистов в камеры низкотемпературного сна, и затем колониальные транспорты буксировались за орбиту Плутона, откуда стартовали, иногда по нескольку кораблей в месяц…

Это был Великий Исход, изринувший в неизвестность миллиарды людей. За пятьдесят с лишним лет ни один корабль не вернулся на Землю, и, спустя полвека, колониальный бум наконец ослабел, а потом и вовсе сошел на нет.

О судьбе транспортов-невозвращенцев оставалось только гадать…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НИЗКИЕ ОРБИТЫ

Глава 1

Земля. Четыреста лет спустя после старта первого колониального транспорта. 2607 год по унифицированному летосчислению

Прошло четыре столетия.

Земля неуловимо изменилась. Внешне, при беглом взгляде на поверхность многострадальной прародины Человечества, перемены оставались незамеченными. Все так же вздымались пронзающие облачность исполинские города, кипели транспортные и пешеходные потоки, но более внимательный взгляд мог уловить сотни отличий от описанных выше картин века двадцать третьего.

Плотность населения, несмотря на законы, ограничивающие рождаемость, все еще оставалась высокой, но новые поколения, сменявшие друг друга в еще более разросшихся городах-мегаполисах, не знали иной жизни и воспринимали узость отведенного им жизненного пространства как нечто само собой разумеющееся.

Земной Альянс за эти годы окреп, в него вошли не только колония Луны и плотно заселенный Марс, но и бунтовавшие, а ныне усмиренные луны Юпитера, поселения которых обогревались искусственными мини-солнцами.

Военно-космический флот Земли царил в Солнечной системе.

Всемирное правительство Джона Хаммера проводило в эти годы жесткую политику борьбы с нелегальным бизнесом в поясе астероидов, подминая под свой контроль всю добычу полезных ископаемых.

На Земле вновь зрел кризис, но теперь проблемы перенаселения усугублялись катастрофической нехваткой естественных ресурсов как на самой Земле, так и в колониях, расположенных в границах родной Солнечной системы. Только пояс астероидов, протянувшийся между орбитами Марса и Юпитера, все еще содержал известное количество полезных ископаемых, но даже их полная разработка уже не могла спасти человечество от грядущего сырьевого кризиса.

Давно закончился колониальный бум, и несколько десятков недостроенных колониальных транспортов занимали отведенное им место на задворках Солнечной системы. Казалось, что полвека безвозвратных стартов вразумили человечество на многие столетия вперед. Более не находилось безумцев, которые согласились бы бросить все ради риска и призрачной неизвестности.

Однако отсутствие у людей желания покидать Землю и близлежащие колонии вовсе не означало, что теория гиперсферы скончалась вместе со стартом последнего колониального корабля, не получив никакого развития за прошедшие четыреста лет…

Аномалию космоса изучали, но данный вопрос был передан в иные руки и стал прерогативой военно-исследовательских институтов, которые добились за отведенный им историей отрезок времени значительных успехов. Спустя четыреста лет после исторического полета «Ванкора» у военного ведомства имелась не только общая теория аномалии, но и ее развитие, воплощенное в практическом опыте внепространственной навигации.

Понятие «гиперсфера» прочно вошло в лексикон и разум посвященных людей из среды космофлота. «Изнанка космоса» — как в просторечье называли аномалию пространства-времени — после скрупулезных исследований оказалась вовсе не так страшна, как то казалось при первых стартах, и, по логике, именно сейчас, после четырех веков исследований, мог бы начаться тот самый исход человечества к звездам, уже произошедший без малого четыреста лет назад.

Спираль истории завершила свой очередной виток.

Земля вновь стояла на пороге кризиса, который по своей глобальности неизбежно вел к взаимоистребляющей войне между отдельными мирами Земного Альянса, и только мощный космический флот Всемирного Правительства удерживал ситуацию на грани…

* * *

Солнечная система. Несколько месяцев спустя. База космофлота. Луна

Лунные пейзажи тянулись за псевдоокном, тревожа взгляд частыми изломами линий терминатора. На поверхности древней спутницы Земли по-прежнему свет резко граничил с тенью, но ее лик разительно изменился. Теперь основу ландшафтов составляли не естественные кратеры, а вездесущие карьерные выработки, в большинстве своем — истощенные, заброшенные, безобразные углубления, окруженные отвалами бесполезного грунта, на которых высились отслужившее свое механизмы…

Луна стремительно превращалась в огромную свалку морально устаревшей и брошенной за ненадобностью техники, которую было проще оставить тут, чем транспортировать через космос.

Джон Хаммер прилетел сюда отнюдь не для того, чтобы поближе

взглянуть на обезображенную поверхность спутницы Земли.

Военная машина уже начала раскручивать свой маховик, и космический флот Альянса, который после покорения последних бунтующих колоний лун Юпитера целое десятилетие прозябал не у дел, накапливая потенциал для недовольства, теперь наконец обрел новую цель.

Огромные внутрисистемные крейсеры в обстановке строгой секретности реконструировались для прыжков к звездам, а пока шло техническое переоснащение и частичная смена экипажей боевых кораблей, на войну работало в основном разведуправление.

Узкий круг посвященных собрался на лунной базе, чтобы обсудить готовность флота и план первоначальных действий. Мнения о том, как следует начинать вторжение в колонии, разнились, и Хаммер решил лично поставить все точки на «i».

Отвернувшись от окна, он посмотрел на собравшихся.

Их было пятеро, включая самого главу Всемирного Правительства.

Кроме него, в подлунном бункере со стороны военного ведомства присутствовали генерал Дягилев и два адмирала военно-космических сил Альянса — Тиберий Надыров и Александр Нагумо. Единственным гражданским чиновником, кого Джон Хаммер вызвал на данное совещание, был Генрих Денисович Вронин, только что назначенный глава «колониальной администрации» — исполнительного органа власти, полномочия которого в ближайшем будущем должны были выйти за рамки управления поселениями Солнечной системы.

— Докладывайте, генерал. — Взгляд Джона Хаммера остановился на Дягилеве.

Глава внешней разведки Альянса сухо откашлялся.

— Реально, господин президент, нам удалось отследить точное местонахождение четырех планет и одного безвоздушного спутника, где существуют на данный момент высокоразвитые технократические цивилизации, — начал он, включив демонстрационный экран, куда проецировалось изображение уже известного участка Дальнего космоса.

— Они имеют армии? — спросил Нагумо, ничуть не смущаясь тем, что прервал своим вопросом докладчика. Он и Надыров поровну делили власть в космическом флоте, оба были людьми известными, втайне считающими себя едва ли не ровней самому Джону Хаммеру, и глава Всемирного Правительства, всегда терпеливо выслушивавший толковых докладчиков, к числу которых он относил и генерала Дягилева, подумал в этот момент: «Ничего, господа герои Юпитерианских войн… Война в колониях живо собьет вашу спесь, накопленную за десять лет кулуарных

интрижек…»

— …В нашем понимании данного термина нет, — спокойно и взвешенно ответил глава разведывательного управления. — Два мира: Элио и Кьюиг содержат некие силы военного характера, но эти формирования правильнее будет назвать силами внутреннего правопорядка и самообороны, — пояснил он.

— Как возникли эти формирования? — вскинул голову Надыров. Он был моложе любого из собравшихся на добрых десять лет, и его глаза еще блестели живым, пронзительным умом, в отличие от водянистого, циничного взгляда Нагумо. — Что послужило причиной создания военизированных подразделений и какова их потенциальная мощь? — спросил Тиберий, по-видимому, воспринимавший предстоящие операции с той же серьезностью, что и сам Джон Хаммер.

— Данные разведки показывают, что на Элио причины создания воинских формирований связаны непосредственно с враждебными формами жизни, которые населяли планету в момент посадки колониального транспорта «Кривич». Сейчас эти подразделения утратили свою роль, все опасные для человека жизненные формы либо уничтожены, либо изолированы в специальных заповедных зонах. Что касается Кьюига, то там имело место столкновение между поселенцами, прилетевшими в один и тот же мир на разных колониальных транспортах. Нам неизвестны подробности, но достоверно установлено, что конфликт был исчерпан три века назад. Сейчас воинские формирования обеих планет можно считать скорее номинальными, чем действительно опасными и боеспособными.

Нагумо поморщился. Он не любил недооценки вероятного противника, но от комментариев воздержался.

— Хорошо, — вступил в перекрестный диалог Джон Хаммер — Меня интересует эта странная связка: Рори-Стеллар. Почему люди основали поселение на безвоздушном спутнике, а не на самой планете, которая, судя по представленным мне данным, имеет нормальную кислородосодержащую атмосферу?

— Проблема, господин президент, в растительной форме. Ее называют «зеркальным деревом Рори», — ответил генерал Дягилев. — На поверхности планеты происходит непонятное нам перераспределение солнечной энергии, и жить там небезопасно. Поселение на безвоздушной луне основано для добычи этой «зеркальной древесины». Это все, что удалось узнать на сегодняшний день.

— Уточните, — приказал Хаммер, не удовлетворенный таким скупым объяснением.

Дождавшись почтительного кивка, он продолжил, сверившись со списком планет, предоставленным ему накануне:

— Последний пункт — Дабог. Что вы можете доложить по этому миру?

— Планета колонизирована в числе первых, — ответил глава внешней разведки. — Ее заселили люди, прилетевшие на колониальном транспорте «Беглец». Местная биосфера изначально напоминала Землю в ту эпоху, когда у нас царили динозавры. Влажный климат, гигантские жизненные формы и так далее… но все, перечисленное мной, уже в прошлом, господин президент.

— Почему?

— Колонистам удалось справиться с чуждой жизнью, хотя две сотни лет они, поколение за поколением, были вынуждены жить в подземных городах-убежищах, пока созданные ими машины боролись с внешней средой.

— То есть Дабог терраформирован? — уточнил Хаммер.

— Нет, — отрицательно покачал головой Дягилев. — На планете установился синтез между исконными и пришлыми формами жизни. Чудовищ, подобных динозаврам, более не существует, но сама биосфера, в которой свободно дышит и чувствует себя сегодняшнее население Дабога, вряд ли однозначно подойдет для свободного поселения людей с Земли. Между жителями наших урбанизированных центров и современными поколениями колонистов существует экзобиологическая пропасть. Дабог в нынешнем виде — это мирная аграрная планета, но она не соответствует земному эталону. Ближе всего к нашему метаболизму подходят Кьюиг и Элио, где есть участки настоящих терраформированных под земной эталон пространств.

Джон Хаммер сделал несколько шагов по кабинету, потом резко обернулся, не доходя до электронного окна, и спросил:

— Но разведка проводилась не только в перечисленных мирах, верно?

— Да, господин президент, но иные поселения, которые не создали развитых цивилизаций, представляют следующую картину: после посадки колониальных транспортов колонисты на таких планетах либо погибли, не выдержав прессинга особо чуждых биосфер, либо деградировали, позволив местным условиям взять верх, и теперь представляют собой неопасные в военном плане, немногочисленные, явно вырождающиеся анклавы. Для нас важен тот факт, что, сойдя на путь регресса, они тем самым не внесли никаких положительных изменений в биосферы планет, которые заселили.

Нагумо пожевал губами и неожиданно спросил:

— То есть вы хотите сказать, что в космосе не нашлось ни одного мира, изначально подходившего для свободного поселения людей под открытым небом?

— Да, — ответил ему генерал Дягилев. — Вы правы, господин адмирал, космос не подготовил нам таких приятных сюрпризов. На любой планете с кислородосодержащей средой, до прилета поселенцев, миллионы лет шла своя эволюция, в той или иной степени отличающаяся от земного аналога, поэтому колонистам первой волны неизбежно пришлось выбирать из двух возможностей: либо погибнуть самим, либо погубить исконную жизнь на определенных территориях и вновь заселить стерилизованные пространства земной флорой, фауной и микроорганизмами. Затем, на известной стадии, две биосферы начинали диффузировать — взаимопроникать на территории друг друга и смешиваться, образуя некий синтез, к которому с неизбежными мутациями присоединялись и люди — далекие потомки тех, кто начинал борьбу за выживание.

— Великолепно… — пробурчал Нагумо. — Значит, нам предстоит война на территориях, где ни один из моих солдат не сможет спокойно дышать без специальных устройств?

— Да, на первых порах нам придется повсеместно применять метаболические импланты, помогающие бойцам десантных подразделений и первым поселенцам нейтрализовать вредное влияние факторов внешней среды, таких, например, как экзотические вирусы…

— Позвольте, господа… — вмешался в диалог военных вновь назначенный глава колониальной администрации. — Если уж речь идет о насильственном захвате территорий, заведомо непригодных для свободного поселения под открытым небом, то почему мы собираемся атаковать развитые миры? Не проще ли оккупировать планеты с кислородосодержащей средой, на которых люди не сумели пройти по пути прогресса? Там, по крайней мере, не будет реального сопротивления вторжению.

Нагумо, а затем Надыров посмотрели на Вронина с нескрываемым презрением во взглядах.

— Нам нужна материально-техническая база, — наконец веско высказался Тиберий. — Вы представляете, что такое война в космосе, господин Вронин?

Тот почел за благо промолчать, съежившись под дерзким, вызывающим взглядом адмирала космофлота.

— Война в космосе, кроме самого процесса боевых действий, имеет оборотную сторону. Кораблям нужно пополнять запасы энергии, воды,

воздуха, производить мелкий ремонт, менять боекомплекты, получать активное вещество и компоненты жидкого топлива для маневровых двигателей и космических истребителей, сменным экипажам необходим элементарный отдых после боев, и все это вы предлагаете организовать на дикой, девственной планете, с враждебной человеку биосферой? По-вашему, мои солдаты должны стать экзобиологами и строителями, управлять планетопреобразующей техникой, а не боевыми планетарными машинами, копаться в земле, а не воевать? Тогда уж проще завозить все расходные материалы из Солнечной системы!..

Вронин и не думал возражать Надырову. Он лишь глубже втянул голову в плечи, чувствуя себя среди адмиралов как мышь, заброшенная в клетку с дикими, голодными котами.

— Надыров прав, — произнес Хаммер. — Ресурсы Земли давно исчерпаны, и нечего уповать на подпитку боевых соединений отсюда. Нельзя забывать, что мы планируем акцию не в границах Солнечной системы, а за сотни световых лет от нее. — Он строго посмотрел на Вронина, как бы указывая этим взглядом главе колониальной администрации на его первую грубую ошибку. — Нам, прежде всего, нужно зацепиться за планету, где есть все условия для создания промышленной базы, которая станет работать на поддержку нужд космофлота, — продолжил он. — По моему мнению, таким условиям полностью отвечает Дабог. Нам не нужна биосфера указанного мира, нам не нужны люди, его населяющие, но расположенные под землей в герметичных убежищах промышленные производства имеют исключительную ценность. Следовательно, мы должны начать вторжение в колонии с атаки Дабога, превратив акцию по захвату планеты в назидательное и устрашающее зрелище. Обратите внимание, господа, — он указал на услужливо развернутую за его спиной карту Дабога, где были обозначены все более или менее крупные населенные пункты, а также упомянутая подземная инфраструктура, которая походила на углубленные под землю города, связанные между собой сетью транспортных артерий. — Подземное расположение необходимых нам производств дает исключительную возможность для демонстрации силы, — развернул свою мысль Джон Хаммер. — Мы сотрем в порошок поверхность планеты, покажем всем остальным мирам серьезность наших намерений и подкрепляющую их мощь, сохранив при этом самое ценное — подземные убежища с роботизированными производствами!..

После его слов в зале совещаний наступило молчание. Каждый из присутствующих по-своему оценивал высказанные идеи. Наконец общее

мнение высказал Нагумо:

— Я считаю, что вы правы, господин президент. Акция устрашения, осуществленная на Дабоге, не только предоставит в наше распоряжение необходимую базу для мелкого ремонта кораблей, их дозаправки и дальнейшего продвижения к иным колониям, но и заставит население других миров задуматься о своей судьбе. Мы разбомбим Дабог и предоставим правительствам остальных развитых планет видеозапись нашего вторжения, сопроводив ее ультимативными требованиями. Думаю, они не смогут после этого оказать значительное сопротивление нашим наземным силам, не говоря уже о космическом флоте. Таким образом, покорив промышленно развитые миры, мы сломим хребет всем колониям в целом и обретем как минимум еще две планеты — Элио и Кьюиг, которые сможем использовать в качестве удобного плацдарма для формирования второй волны Экспансии.

Хаммер, внимательно слушавший Нагумо, кивнул.

— Вы верно ухватили мою мысль, адмирал. Действовать нужно быстро, решительно и бескомпромиссно, только тогда мы сможем открыть дорогу в космос миллиардам людей с Земли. Предлагаю штабу флота разработать детали операции на Дабоге, а также перспективные удары по системам Элио, Кьюига и Стеллара. Для этих целей приказываю произвести реорганизацию флота, сформировав три ударных соединения. Общее командование всеми силами будет возложено на вас, адмирал, — Хаммер кивнул в сторону Александра Нагумо.

— Могу я внести предложение? — спросил Тиберий Надыров, которому трудно было скрыть разочарование от того, что старика Нагумо опять поставили над ним, как это было в период Юпитерианских войн.

— Да, естественно, — повернулся к нему Хаммер.

— Я предлагаю одновременно с вторжением на Дабог скрытно высадить на Элио и Кьюиг десантные подразделения, которые захватят плацдармы вдали от густонаселенных районов, в точках местности, удобной для приема малых космических кораблей. Таким образом, пока идет основная операция, мы создадим скрытые опорные пункты на территории противника, откуда можно будет развивать наземное вторжение на обозначенные вами планеты.

— Разумно, — кивнул Хаммер, оценив мысль Тиберия. — Но почему только Элио и Кьюиг? — тут же переспросил он.

— Луна Стеллар — это безвоздушный планетоид, — напомнил ему Надыров. — Организация там скрытой базы представляет определенную трудность. Для начала, по моему мнению, достаточно плацдармов на

планетах, где личный состав сможет хотя бы дышать, используя минимум специальных средств.

— Отлично, адмирал. — Глава Всемирного Правительства не скрывал удовлетворения результатом совещания. — Разработайте план скрытого вторжения и представьте его мне, — обратился он к Тиберию. — Пусть этим займется конкретно штаб вашего флота. — Хаммер еще раз взглянул на карту Дабога, затем обернулся ко всем собравшимся и подытожил:

— Итак, общий план ясен. Через неделю я жду подробных разработок всех операций, а также доклад по готовности флота к гиперпространственному переходу. — Он слегка склонил голову. — Все свободны.

Глава 2

Колония планеты Кьюиг… Два месяца спустя

Рассвет в горах был холоден и скуп.

Солнце, встающее над близкой линией иззубренного горизонта, почти не грело, на склонах и вершинах гор лежал снег, от которого исходил холод. Голубоватые языки ледников сползали в ущелья; над ровными каменистыми плато, многочисленными в этой части горного массива, гулял ветер, поднимая мелкую пыль и перекатывая с места на место небольшие камушки.

Пилот головного десантно-штурмового модуля смотрел вниз, выбирая место для посадки. Его напарник делал то же самое, изредка сравнивая изображение, снятое видеокамерами, с компьютерной моделью рельефа, где отражались прочностные характеристики скальных площадок.

— Думаю, вот это плато подойдет для высадки. — Пилот полуобернулся в кресле, посмотрев на только что появившегося в рубке майора, облаченного в боевую экипировку космического десанта сил Земного Альянса.

— Сделайте контрольный заход с глубинным сканированием, — скупо распорядился тот. — Мне нужны данные для тактических компьютеров.

— О’кей… — Пилот произвел несколько переключений на пульте управления модулем, и автоматика плавно начала разворачивать корабль, выводя его на траекторию облета указанной площади.

Следом маневр ведущего повторили два ведомых десантно-штурмовых модуля.

— Биологическое сканирование дает отрицательный результат, сэр, — через некоторое время сообщил второй пилот, обращаясь к руководящему операцией майору.

Тот молча кивнул, пристально глядя на экраны обзора.

Спускаемые аппараты описывали плавный круг над обширным плоскогорьем. Все сканирующие системы были направлены вниз, стволы бортовых орудий опущены, но в паутине прицельных сеток на боевых мониторах проплывала одна и та же панорама унылой каменистой пустоши.

— Металл, сэр, — внезапно доложил первый пилот, который следил за глубинной структурой проплывающего внизу рельефа.

— Полезные ископаемые? Руда? — взглянув на показания сканера,

предположил майор Шерман.

— Нет. — Пилот сделал еще несколько переключений, на этот раз на пульте управления системами обнаружения. — Какой-то сплав, похоже на металлокерамику. — Он чуть подвинулся в кресле, давая возможность старшему офицеру самому взглянуть на компьютерную модель рельефа, которая отражала результат глубинного сканирования скального массива, окружавшего предполагаемое место высадки.

Посмотрев на монитор, майор невнятно выругался.

— Хренотень какая-то… — Он некоторое время пристально смотрел на компьютерное изображение, где четко просматривалась сеть естественных тоннелей, пронзающих толщу скал. Кое-где проходы показались ему подозрительными, словно миллионолетнюю работу талых ледниковых вод, промывших эти тоннели и залы, целенаправленно подправила чья-то твердая рука, придав внутрискальным коммуникациям некоторую симметрию и прямолинейность. На фоне черно-белой схемы пустот алыми метками горели те самые металлокерамические вкрапления, о которых только что сообщил пилот. Некоторые из них медленно перемещались внутри проходов со скоростью неторопливого пешехода.

«Рудники? Позабытая, но все еще функционирующая техника?»

Внешне, с первого, беглого взгляда, общая картина была похожа на это, но майор желал полной ясности.

— На второй круг, — приказал он пилоту, усаживаясь в зарезервированное для старшего офицера кресло, расположенное за отдельным компьютерным комплексом.

Отреагировав на вес человеческого тела, датчики кресла услужливо включили терминал.

Пока модули, выстроившись треугольником, повторяли заход, майор лично просмотрел все данные, поступающие от многочисленных систем дальнего и ближнего обнаружения.

«Никаких следов органики», — мысленно отметил он, — «внизу нет даже травы, не говоря уже о людях. Каменистые плато абсолютно пусты, выходящие наружу устья пещер ничем не обработаны…» — Взгляд майора машинально выискивал внешние признаки, характерные для искусственно созданных подземных сооружений, но тщетно: сканирующие системы не обнаружили ничего, что походило бы на выходы вентиляционных шахт… Над россыпями щебня не выступали горловины технических люков, никаких следов горно-проходной или планетопреобразующей техники, только эти непонятные метки, либо статичные, либо медленно перемещающиеся по компьютерной модели разветвленных тоннелей.

Мысль командира скользнула дальше, перебирая, словно бусинки незримых четок, все известные ему признаки, по которым можно определить замаскированный объект.

«Средства связи отсутствуют», — мысленно констатировал он, внимательно просмотрев отчет систем обнаружения. Ни на поверхности окружающих плато скал, ни на самом плоскогорье нет даже намека на антенны или тарелки спутниковой связи…

Взгляд майора переместился к монитору, отражающему данные дальнего обнаружения.

Внизу, в предгорьях, на удалении в добрую сотню километров от предполагаемого места высадки, начиналось буйное море растительности, образующее непроходимые заросли, схожие по своей структуре с давно исчезнувшими на Земле джунглями. Растительный покров тянулся на семьсот-восемьсот километров к югу, затем необъяснимо обрывался, будто стену зарослей кто-то ровно обрезал гигантским ножом. Дальше, до самого побережья узкого пролива, разделяющего два материка, простиралась ровная, как стол, степь, лишь кое-где испятнанная отметками холмов и оврагов.

«Могла ли цивилизация, очаг которой расположен за тысячу километров отсюда, содержать рудники в этих горах?» — Майор посмотрел на данные двух мониторов и мысленно отверг такой вариант — он не видел никакой инфраструктуры дорог, средств связи… Полный абсурд.

Однако внутри тоннелей что-то шевелилось, — датчики, обнаружившие металлокерамику, не могли лгать, а сложный сплав прямо свидетельствовал, что метки внутри тоннелей — это как минимум старые машины колонистов, брошенные тут по непонятной майору причине.

Он еще и еще раз взвешивал все «за» и «против», потому что главной задачей его группы являлось *скрытое* внедрение на планету и захват плацдарма, расположенного вдалеке от основного очага цивилизации.

Простирающееся внизу безжизненное плато идеально подходило для этих целей, ну а загадочные метки в тоннелях…

— Ладно… — Он, отметая сомнения, повернулся вместе с креслом. — Заходим на посадку подле устья вот этой пещеры, — он указал пилоту на широкую, четко просматривающуюся расселину в скалах, за которой начиналась сеть непонятных коммуникаций. — Сейчас посмотрим, что это там шевелится…

* * *

Головной модуль, отработав тормозными двигателями, резко пошел на

снижение.

Два ведомых также притормозили полет и зависли в воздухе на высоте двухсот метров, прикрывая ведущую машину, которая, вздымая тучи пыли и мелкой каменной крошки, уже опускалась на твердую поверхность подле указанной расселины.

Как только опоры модуля коснулись скал, в кормовой части откинулась десантная аппарель, по которой парами начали сбегать человеческие фигурки в серой, сливающейся с фоном окружающего камня фототропной броне.

Они двигались четко и слаженно: прикрывая друг друга, бойцы передового взвода заняли позиции вокруг расселины. Одно башенное орудие модуля смотрело прямо в черноту провала, второе медленно вращалось, сканируя все триста шестьдесят градусов кругового сектора обстрела.

Майор Шерман, покинувший рубку управления, теперь руководил операцией из тактического отсека, расположенного в кормовой части спускаемого аппарата.

Не было лишних слов, все происходило в кажущейся тишине, лишь тонко выл ветер, заглушая почти бесшумную работу турбин двух модулей поддержки, шуршал гравий под рифлеными подошвами герметичной обуви, да монотонно выл сервомотор, вращающий орудийную башню модуля…

— Первый, на исходной. Вход блокирован.

— Второй взвод, в пещеру. Занять позиции! — распорядился Шерман.

Снова парами из открытой десантной рампы начали выскакивать человеческие фигурки, закованные в боевую броню. Они, не останавливаясь, рывком преодолевали расстояния до темного зева расселины и исчезали во мраке, не включая плечевых фонарей…

— Второй, на исходной, — спустя минуту пришел доклад.

Майор Шерман сверился с компьютерной моделью и произнес в укрепленный у рта коммуникатор:

— Анри, ближайшая к тебе метка аномального вкрапления расположена в ста метрах у задней стены пещеры. Видишь ее?

— Да, сэр. Мой сканер показывает металлокерамику, контур объекта размазан…

— Я хочу, чтобы ты посмотрел, что это такое. Шума пока не поднимать. Если вдруг наткнешься на сопротивление, действуй по обстановке, но помни — отсюда не должна выскользнуть ни одна крыса, если таковые обнаружатся…

— Да, сэр.

* * *

Командир второго десантного взвода лейтенант Анри Дюпон был опытным офицером. За его плечами лежали успешные десантные операции в колониях лун Юпитера, он подавлял восстание на

Марсе, и вот судьба забросила его взвод много дальше Солнечной системы. Откровенно говоря, Анри не совсем четко представлял себе, в каком именно месте они находятся, но не в его привычках было ломать голову над подобными вопросами. Он знал, что рывок через аномалию космоса привел их базовый корабль высадки в систему звезды, в которой находилась колонизированная четыреста лет назад планета. Что это за мир, кто населяет его, им не разъясняли, — была поставлена лишь одна конкретная боевая задача: скрытно закрепиться на поверхности планеты, захватив плацдарм с площадкой для приема грузовых космических кораблей.

Сейчас его реальностью являлась эта пещера. На опущенном забрале боевого гермошлема термальная оптика рисовала сложный танец сюрреалистических теней, импульсная винтовка успокаивала нервы своим весом, что-то тихо похрустывало под подошвами, алая метка на салатовом фоне стен приближалась, становилась крупнее, обретала контур неясной фигуры…

— Сэр… Вы видите это? — Анри остановился.

— Да, — пришел ответ майора Шермана. — Похоже на силуэт человека.

— Точно. — Анри никогда не пасовал перед опасностью, но сейчас перед ним открывалась перспектива иного толка: никто не стрелял в него, в пещере царило вековое запустение, и на фоне этого алый, чуть размазанный по краям контур, похожий на склонившего голову человека, завораживал, подспудно начиная давить на психику…

Он машинально сглотнул, делая шаг вперед.

— Включи подсветку, — приказал Шерман.

Лейтенант коснулся кончиком языка одного из сенсоров, расположенных на внутреннем ободе забрала гермошлема, и мрак вокруг отступил, словно его растолкал в стороны рассеянный, неяркий свет поставленного в режим широкой апертуры прожектора.

Тускло блеснул металл, наполовину скрытый под потеками минеральных отложений.

У стены, в нескольких шагах от Анри, склонив голову, стоял

человекоподобный робот неимоверно древней модели; его колени были чуть согнуты, правая рука бессильно опущена вдоль туловища, левая приподнята… Присмотревшись внимательнее, Дюпон понял, что затылок, плечи и всю верхнюю часть грудного кожуха машины покрывают причудливые потеки окаменевших минеральных солей, словно на андроида долгое время капал воск от горящей над головой свечи…

Лейтенант подошел ближе, разглядывая это причудливое образование. Человекоподобный робот когда-то остановился у стены, возможно у него иссякло питание, и остался стоять на века, постепенно врастая в скальный монолит, благодаря сочащимся по стенам потекам воды, которая несла в себе минеральные соли…

Пока лейтенант разглядывал находку, сканирующие системы его боевого скафандра произвели анализ обнаруженного объекта и выдали результат.

— Сэр, это андроид серии «Хьюго-БД12», массово выпускался на Земле четыреста лет назад, все машины шли в комплектацию колониальных транспортов.

Шерман и сам видел это. Данные на его мониторе полностью соответствовали выводам сканирующей системы лейтенанта, и теперь майору оставалось ответить на один вопрос за какой надобностью три десятка человекоподобных машин оккупировали систему естественных пещер, соединенных между собой тоннелями?

Вид вросшего в стену человекоподобного робота не успокоил майора Шермана, а, наоборот, насторожил его. Дополнительный монитор уже высветил тактико-технические характеристики подобных машин, и, бегло просмотрев новые данные, майор ощутил уже не беспокойство, а тревогу, подспудное ощущение *неправильности открывающихся фактов*, — ТТХ андроида свидетельствовали о высокой степени надежности его узлов и агрегатов, а программная независимость, присущая моделям серии «Хьюго», вряд ли позволила бы человекоподобной машине безропотно врастать в стену, склонив голову и опустив механические конечности…

Как и лейтенант Дюпон, майор Шерман до сих пор не сталкивался с машинами человекоподобного образца, — эта серия кибернетических механизмов, оснащенных мощным фотонным вычислительным устройством, выпускалась на Земле в период массового исхода колониальных транспортов Первого Рывка, — то есть последний андроид данной серии был собран на конвейере земного завода более трехсот пятидесяти лет назад…

Сканер боевого скафандра, закрепленный на запястье лейтенанта,

медленно скользил вдоль неподвижного корпуса машины, считывая полустершиеся от времени маркировки, которые были нанесены на некоторые элементы системы кожухов.

Внимание майора привлек к себе знак, расположенный среди прочих надписей и клейм. Он представлял собой перечеркнутый треугольник, внутрь которого была вписана стилизованная фигурка человекоподобной машины.

Сверившись с архивными данными бортового компьютера, Шерман понял, что данный символ расшифровывается буквально:

«Разрешено к использованию только вне пределов Земли».

«Почему машины серии „Хьюго“ считались непригодными для эксплуатации на планете, где было налажено их серийное производство?» — мысленно спросил он себя, вызывая на дисплей более подробное техническое описание модели.

Прочитав полученную аннотацию, майор понял, что причин для такого запрета было несколько, и каждая в его понятии являлась достаточно веской.

Во-первых, Земля в ту пору остро страдала от перенаселения, и человекоподобные машины в таких условиях не пользовались успехом на прародине человечества, — механические подобия людей чаще вызывали неосознанный гнев, чем симпатию, особенно в городах, где и так яблоку было негде упасть… но, скользя взглядом по строкам технических справок, Шерман понял, что главной причиной запрета на внутриземельную эксплуатацию данных машин все же стали не фобии населяющих города-мегаполисы людей, а небывалая степень программной свободы андроидов серии «Хьюго».

Данный тип человекоподобных роботов проектировался специально для колоний. Именно исходя из предвидения экстремальных условий, в которые попадут поселенцы, большинство фирм-отправителей старались снабдить колониальные транспорты универсальными, похожими на людей машинами, в пропорции один к трем — то есть на троих покидающих землю колонистов приходился как минимум один робот серии «Хьюго».

Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы.

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и

жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

В первом состоянии такие машины были идеальными слугами и разнорабочими, послушными, эффективными и туповатыми.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы.

Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные самостоятельные действия, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки, — то есть андроиды сами пробуждали людей, выводя их из состояния низкотемпературного сна, если главная кибернетическая система колониального транспорта по каким-то причинам не произвела необходимых операций, а затем, без специальных команд, машины серии «Хьюго» покидали совершивший посадку космический корабль для зачистки близлежащей зоны от потенциально опасных жизненных форм, готовя, таким образом, место под первое поселение.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации андроида серии «Хьюго-БД12» мог хранить в себе от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожали жизни его хозяина.

Оставшиеся на Земле разработчики отдавали себе отчет, что колониальные транспорты, покидающие Солнечную систему, несут на борту отнюдь не спаянные общей идеей коллективы единомышленников. Триста тысяч человек, отобранных по принципу «заплатил и полетел», являлись разношерстной массой индивидуумов, большинство из которых вряд ли знали друг друга при жизни на Земле, и в таких условиях, после посадки космического корабля в неизвестном мире, среди чуждой и

агрессивной природы, очнувшиеся от криогенного сна люди могли повести себя самым непредсказуемым образом.

Именно исходя из таких соображений создавались и программировались андроиды серии «Хьюго». Земные разработчики пытались создать идеальную для выживания связку «человек плюс робот», когда даже отдельные, малочисленные группы поселенцев, отколовшиеся от основного коллектива вместе с принадлежащими им андроидами, могли бы противостоять любым мыслимым опасностям неведомых планет, включая и гибельные ситуации, возникшие в результате противостояния отдельных человеческих групп…

— Анри, почему он тут стоит? — Вопрос майора застал лейтенанта врасплох.

— Наверное, закончилось питание?

— У него встроенный ядерный реактор, — мрачно сообщил Шерман, покосившись на данные ТТХ, которые по-прежнему высвечивал вспомогательный монитор. — Осмотри внимательнее его корпус. Я хочу знать причину остановки.

— Сейчас, сэр… — Дюпон подошел вплотную к застывшему у стены андроиду и вновь начал водить рукой вдоль его корпуса, увеличив проникающую глубину сканирования. Теперь встроенный в запястье прибор отсеивал мешающие взгляду минеральные наслоения, выдавая в оперативное окно, открывшееся на основном дисплее забрала, истинное изображение корпуса дройда.

На экране медленно ползли подробности структуры защитных кожухов, имитирующих анатомию человеческого тела. Анри начал сканирование с головы и увидел, как прорисовывается навек застывшее металлопластиковое лицо с тусклыми линзами глаз, за которыми прятались видеокамеры, дальше сканер показал переход на резинопластик, — это была подвижная часть лица, включающая в себя прорезиненные губы, в данном случае чуть приоткрытые и обнажающие крепкую фарфоровую имитацию зубов…

«Зачем им зубы?» — неприязненно подумал Анри, у которого невольный холодок полз вдоль позвоночника. Не останавливая движения руки, он переместил зону сканирования ниже и увидел наконец то, что интересовало майора Шермана: строчка пулевых отверстий с загнутыми внутрь краями наискось пересекала грудной кожух андроида.

— Открой его, — потребовал Шерман.

Лейтенант поднял обе руки, позволив импульсной винтовке свободно

повиснуть на ремне, и не без внутренней дрожи взялся за замки грудного кожуха. С треском отскочила и осыпалась на пол хрупкая скорлупа еще не успевших окаменеть отложений, затем поддался и сам кожух, открывая простреленную навылет грудную полость дройда, в которой располагались основные вычислительные и сервомоторные узлы робота.

Посветив внутрь, Анри увидел, что пули повредили главный привод опорно-двигательного аппарата, разбили гироскоп самостабилизации и задели пару оптико-волоконных кабелей, превратив их в искрящиеся на свету лохмотья.

На главном сервомоторе были явственно видны следы вытекавшей смазки, перемешавшейся с измельченной металлокерамической крошкой, в которую превратились мелкие трущиеся детали серводвигателя — робот долгое время функционировал с поврежденным приводом…

«Выходит, он пришел в эту пещеру издалека, проделав немалый путь от места, где его подстрелили…» — Невольный вывод, сделанный Анри, поразил его. — «Зачем он сюда пришел?» — Проследив за основными кабелями магистральных интерфейсов, лейтенант понял, что, окончательно утратив возможность двигаться, андроид не потерял при этом способность обрабатывать информацию…

— Посмотри, какой уровень программных оболочек действовал на момент полной остановки. — Голос Шермана звучал в коммуникаторе громко и неприятно, словно карканье ворона в глухом. лесу.

Анри покосился на ряд кнопок, расположенных на открывшейся после снятия кожуха панели ручного программатора.

— Третий уровень программной свободы, сэр… — сравнив сочетание утопленных кнопок с техническим описанием модели, ответил лейтенант и вдруг понял, что его собственный голос дрогнул — «выходит, что дройд находился в стадии полной программной свободы с активированной функцией саморазвития».

Значит, его состояние можно сравнить с положением парализованного. Сколько он простоял у стены, продолжая обрабатывать информацию, по сути — мыслить, прежде чем совершил акт самоотключения?

— Посмотри на датчики реактора, — напомнил о своем существовании Шерман.

Анри скосил глаза.

— Он погашен, сэр. Самоотключение произведено механическим способом.

Теперь Анри видел, что в первый момент мешало снять

простреленный кожух, — это была левая рука человекоподобной машины, пальцы которой навек сомкнулись на выкрашенном в красное кольце. Способ отключения был самым древним и надежным — андроид просто задвинул аварийный стержень в активную зону своего мини-реактора.

— Он совершил самоубийство, сэр? — полуутвердительно произнес лейтенант, невольно выдав старшему офицеру свое волнение.

— Похоже, — пришел скупой ответ майора. — Не знаю, что здесь происходило несколько веков назад, но наша задача остается прежней. Загадками саморазвития пусть занимаются кибернетик с борта базового корабля. Наше дело — скрытый захват плацдарма. — Шерман немного помедлил, а затем добавил: — Видишь несколько подвижных меток?

— Да, сэр.

— Думаю, это такие же роботы-андроиды. Найти и уничтожит Всех без исключения, чтобы ни одна живая или механическая тварь не ускользнула, понял?

— Да.

Лейтенант аккуратно прислонил снятый кожух к стене, стараясь не смотреть на обездвиженное тело машины, и скомандовал:

— Второй взвод, двигаемся парами, цель — зачистка системы пещер. Уничтожать любую цель. Вперед!

* * *

«Странное место», — думал лейтенант Дюпон, медленно продвигаясь со своим взводом по подземным или, если быть более точным, внутрискальным коммуникациям.

Когда-то сеть пустот являлась запутанным, извилистым лабиринтом, с множеством узких, труднопроходимых мест, где могла просочиться вода, но не смог бы протиснуться человек.

Сейчас царство мертвого камня выглядело иначе: все узкие места были кем-то расширены, извилистые расселины превратились в тоннели, на их стенах ясно просматривались следы обработки лазерным инструментом. Все подъемы и спуски превратились в высеченные каменные лестницы с удобными пологими ступенями.

Кем и, главное, зачем создавалось это пустынное убежище, по стенам которого не змеились привычные для такого рода мест кабели, не было ни системы освещения, ни вентиляции, — в рассеянном свете плечевых прожекторов глазу открывалась лишь мрачноватая эстетика каменных залов и переходов, где природная красота сочеталась с непонятным архитектурным замыслом…

Анализаторы окружающей среды показывали, что во многих местах воздух непригоден для дыхания человека, без должной для таких мест вытяжки. Различные газы, просачивающиеся через трещины из вулканических глубин, конденсировались под каменными сводами, отравляя атмосферу подземелий.

Все это, вместе взятое, подспудно давило на психику, придавая какой-то непонятный мрачный и мистический ореол рутинному процессу зачистки…

— Анри, внимание, — вторгся в мысли лейтенанта голос Шермана. — Первая подвижная метка триста метров правее тебя.

— Понял. — Дюпон прекрасно видел алую отметку на тактической схеме тоннелей. — Первым я займусь сам.

— Не рискуй. Открывай огонь на поражение, как только войдешь в контакт с целью.

— Сэр, разве нам не нужна информация?

— Нужна, но мы ее получим иным способом. Для допроса хватит того дройда, что вмурован в стену в первом зале. Судя по всему, его кибернетическая система не повреждена, и наши техники смогут снять все данные с постоянных запоминающих устройств.

Пока шел этот короткий диалог на командной частоте, Анри в сопровождении двух бойцов взвода преодолел двести метров тоннеля и очутился на пороге небольшого зала.

— Погасить свет.

Три прожекторных луча погасли.

Анри шагнул во мрак, уверенный, что фототропная броня[1] не позволит сканерам машины обнаружить присутствие людей.

На фоне салатового сумрака инфракрасная оптика четко прорисовала тепловой контур робота-андроида. Повизгивая сервоприводами, он неторопливо шел вдоль стены зала. В руках робота было зажато громоздкое устройство, в котором издали трудно было признать собранный из подручных средств инфракрасный лазерный излучатель.

Его назначение стало понятно в тот момент, когда дройд остановился, посмотрел вверх и на глазах троих людей поднял руки, одновременно включив прибор.

Анри увидел, как тонкий луч, похожий на темно-красный шнур, срезал выступ скальной породы, сгладив шероховатость стены, но дройду, который действительно не видел людей, этого показалось мало, — он отступил на шаг, посмотрел на проделанную работу и вновь включил лазер.

Пятно вишневого цвета стало шире, мрак вокруг поредел, а дройд продолжал водить лучом по стене, выплавляя в размягчившемся от температуры базальте какой-то геометрический узор…

Это происходило всего в десятке метров от застывших людей.

На их глазах рождался один из фрагментов мрачной эстетики данного места, но по-прежнему оставалось непонятным, откуда здесь взялись человекоподобные машины и во имя чего они трудятся в подземельях, словно мифические гномы, создавая холодные, непригодные для жизни человека, ничем не оборудованные пространства.

Разумом Анри понимал, что у каждого явления есть своя логика, его объясняющая, но иногда возникают ситуации, в которых верх берет субъективное восприятие реальности…

Луч лазера не просто размягчал стену, формируя на ее поверхности странный узор, — он натягивал нервы в хрупкую нить, заставлял ладони крепче сжимать оружие, а сердце — глухо и неровно биться в груди.

Глядя, как человекоподобный робот неторопливо выплавляет непонятный узор, Анри вдруг отчетливо понял: эти залы создавались машинами не для людей, а для самих себя, — окружающая обстановка являлась результатом некоего пути саморазвития кибернетических систем, по непонятной причине покинувших человеческие общины и обосновавшихся тут по собственной воле.

Сам факт такой самостоятельности в понимании лейтенанта выходил за все известные ему рамки, которыми люди ограничили свои механические создания…

Свет, источаемый раскаленным пятном на стене, стал слишком ярок, он полностью разогнал сумрак, и дройд внезапно обернулся, погасив лазер.

Они стояли в десятке метров друг от друга — три человека и древняя машина.

Прорезиненные губы на подвижной части металлопластикового лица андроида вдруг шевельнулись, и Дюпон услышал голос — глухой, чуть дребезжащий, идущий, как ему показалось, из глубины веков:

— Что вы тут делаете, люди? — В сумраке тускло блестели имитирующие глаза линзы, за которыми в гнездах ворочались две видеокамеры, фокусируясь на трех фигурах в боевой броне. — Уходите.

«Свихнувшаяся машина…» — Анри вдруг обуяла злость. — «Кем он себя воображает?!.»

— Ну-ка, положи лазер, отойди на десять шагов и…

— Я не пылесос, запрограммированный на голосовые команды. Уходите. Здесь нет места для людей. — Дройд говорил спокойно, без

интонаций, лишь что-то по-прежнему чуть дребезжало в его аудиосистеме.

Легкие Анри рвало тяжелое, участившееся вдруг дыхание.

Один из прикрывавших его бойцов не выдержал мрачной напряженности, которую порождали эти подземелья — мистический ореол вдруг лопнул… и мгновенно все предстало в своем истинном, намного более страшном и прозаическом свете: перед ними стояла машина, перешагнувшая через некий порог дозволенности, опасный во всех отношениях кибернетический агрегат, чьи функции уже не соответствовали изначально заложенным программам.

Сухой треск очереди из импульсного оружия раздался одновременно с жалящей вспышкой вновь заработавшего лазера — робот конвульсивно задергался, опрокидываясь набок, но луч светового резака успел полоснуть по стрелявшему, и его тело разделилось на две половины, разрезанное наискось вместе с боевой броней…

Сбоку, из тоннеля, вливающегося в этот небольшой зал, внезапно вырвался еще один луч, и второй прикрывавший лейтенанта боец инстинктивно вскинул руки, хватаясь за голову, но этот предсмертный жест не достиг цели — тяжелый гермошлем, отрезанный вместе с головой, уже упал на каменный пол пещеры, глухо стукнув об него, а руки, выронившие импульсную винтовку, беспомощно схватили воздух над обезглавленным телом.

Падая и посылая неприцельную очередь в боковой проход, лейтенант Дюпон успел подумать, что наваждение кончилось.

— Взвод, к бою! — хрипло выдохнул он в коммуникатор, продолжая вести огонь в боковой тоннель, откуда упрямо вырывался слепо шарящий по стенам лазерный луч.

Прав был Шерман, тысячу раз прав…

* * *

Бой в разветвленной системе тоннелей оказался намного ожесточеннее, чем могло предположить воображение самого продвинутого офицера.

Майор Шерман был вне себя. Он потерял полтора взвода отлично подготовленных парней, прежде чем удалось взять этот импровизированный бункер. Машин на поверку оказалось намного больше, чем показывало предварительное сканирование, часть из них скрывалась в недоступных сканерам глубинах, откуда они начали подниматься поодиночке и парами, как только в верхних тоннелях вскипела схватка.

Он ничего не понимал и оттого злился на себя, на мертвого

лейтенанта Дюпона, тело которого нашли в пещере со стенами, исполосованными вишневыми рубцами лазерных ожогов, на техников, которые слишком медленно разворачивали необходимую аппаратуру.

Корпус первого андроида уже отделили от стены и сейчас транспортировали в развернутую на поверхности плато экспресс-лабораторию. Три модуля приземлились, образовав треугольник периметра. Между ними уже устанавливали генераторы для автоматических пушек, повсюду, включая верхние уровни скальных тоннелей, кипела работа, но Шерману казалось, что дела движутся слишком медленно, а потери при зачистке тоннелей с каждой минутой неоправданно росли.

Наконец пришел долгожданный доклад: внутрискальные коммуникации чисты, все машины уничтожены, ускользнуть не удалось ни одному из дройдов. Последних оттеснили в нижние, тупиковые тоннели и там добили при помощи тяжелого оружия.

По сути, после зачистки уцелел только тот человекоподобный механизм, которого отделили от стены в первом зале и сейчас поместили на специальный стенд в лаборатории, развернутой внутри треугольного периметра.

* * *

Он очнулся.

Возвращение в мир было связано с простым механическим действием: рука компьютерного техника подключила толстый кабель временного питания к обнаженным контактам полуразобранной машины.

Электрический ток, а вслед за ним и свет потекли по магистральным энерговодам и оптико-волоконным интерфейсам андроида.

«Любопытно… Неужели его электроника оживет после стольких лет забвения?» — Взгляд сержанта Сайкова остановился на хрупкой корке минеральных отложений, которую пришлось счищать с андроида, прежде чем удалось отделить все защитные кожухи, скрывавшие внутреннее строение грудной полости. Теперь минеральные наслоения превратились в рассыпанное по полу подле стенда хрусткое крошево…

Пока взгляд сержанта скользил по поврежденным в давних, неведомых ему схватках механизмам дройда, слух уловил тонкий шелест, быстро перешедший в механический визг, а потом утихший, — это раскрутились до нужных оборотов несколько микродвигателей…

«Надо же… Работает…» — В мыслях Сайкова, кроме изумления, проскользнула и неприязнь. Древняя машина внушала ему справедливые опасения, стоило подумать о парнях своего взвода — тех, кто нашел свою

судьбу в мрачных внутрискальных коммуникациях…

В этот момент тонко, призывно запищал коммуникатор, отвлекая компьютерного техника второго десантного взвода от распятой на стенде человекоподобной машины. Он повернулся, взял в руки прибор мобильной связи и ответил на вызов:

— Да?

— Почему не докладываете по форме? — раздался в коммуникаторе раздраженный голос майора Шермана. — Кто на связи?

— Сержант Сайков, сэр, второй десантный взвод, отделение компьютерной поддержки!

— Андроида доставили?

— Так точно.

— Хорошо. — Голос в коммуникаторе стал более спокойным. — Мне нужна информация. Я хочу знать, кто, когда и зачем послал эти машины в пещеры. Все доступные данные должны быть сохранены и дешифрованы. За целостность баз данных спрошу лично с тебя, сержант, понятно? В какой стадии сейчас работа? — не дожидаясь ответа на предыдущее замечание, осведомился майор.

Сайков покосился на стенд. Неподвижный робот, распятый на нем, казался мертвым, нефункциональным, но на самом деле это было не так. Он оживал, против своей воли, как стала бы оживать любая машина, на схемы которой подано отсутствовавшее до этого питание. Тихо шелестели, повизгивали, раскручиваясь до нужных оборотов, оптические носители информации, в местах повреждений магистральных энерговодов и оптико-волоконных кабелей обмена данными сочился свет, и искрили немногочисленные контакты, окислившиеся за века забвения. Судорожно подергивался перерубленный тросик сервопривода…

— Он получил питание, — доложил Сайков. — Я не стал трогать реактор, а просто подал необходимую мощность с наших аккумуляторных источников на его внутренний контур. Сейчас идет процесс активации систем, но непонятно, чем он завершится. Отслежена работа нескольких носителей информации, но заработал ли весь комплекс в целом, пока неясно.

— Хорошо, не торопись, действуй осторожно. — Теперь голос майора Шермана звучал устало, без интонаций. — Он на данный момент наш единственный источник информации об интересующем меня месте.

— Да, сэр, я все понял, — заверил майора Сайков, которому не нужны были особые распоряжения, — он и так обращался с древней машиной достаточно вдумчиво и осторожно, стараясь прежде всего не повредить

информационные носители.

— Хорошо, сержант, действуй. Когда появятся конкретные результаты, доложишь немедленно.

Канал связи отключился.

Компьютерный техник мрачно вздохнул, прикуривая сигарету.

Поводов для скверного настроения у него было достаточно: мало того что погибли почти все парни из его взвода, так теперь еще и майор лезет со своими указаниями, будто ему каждый день приходится реанимировать и допрашивать произведенных четыре века назад андроидов.

Докурив, он подошел к стенду.

В другое время Сайков не стал бы долго думать, как поступить с древним механизмом. На мониторах стенда уже четко просматривалась отслеженная специальными программами внутренняя структура андроида, но после разговора с Шерманом он не стал, как собирался до этого, трогать оптико-электронные схемы основного вычислительного устройства.

Дождавшись, когда накопители постоянных запоминающих устройств выдадут стабильный тестовый сигнал, сержант сел в кресло за терминалом управления.

Некоторое время сержант работал со специальными программами, пока не получил доступ к хранящимся на носителях дройда базам данных. Он не мог прочесть и расшифровать их немедленно, — объем информации показался Сайкову просто огромным, к тому же формат их хранения давно устарел.

На первый случай следовало просто скопировать информационные массивы, чтобы после обработать их на другом, более мощном и современном компьютере.

Проблема заключалась в том, что количество информации, которую содержал в себе дройд, намного превышало все мыслимые допущения, — оперативные накопители тестового стенда могли вместить в себя от силы половину требуемого объема…

В этот момент герметичная надувная дверь экспресс-лаборатории открылась, и на пороге появились двое бойцов из третьего взвода. В руках они несли массу обломков от точно таких же машин, как распятый на стенде андроид.

Сайков молча указал на два стола, установленные подле стенда.

— Валите все туда, потом разберусь, — произнес он, без лишних комментариев догадавшись, что эти обломки — все, что осталось от оказавших неожиданное и ожесточенное сопротивление человекоподобных роботов. Гора металла и электроники, на его взгляд, была бесполезна, —

перемешанные в кучу детали сервомоторов, куски кожухов, обрывки интерфейсов, расколотые кристаллические схемы и смятые оптические носители превратились в уже технический мусор, не более того…

Бойцы с шумом освободились от своей ноши.

— Пошли ужинать, Сайков, — пробасил один из них. — Шерман объявил получасовой тайм-аут, чтобы почистить перышки.

— Мы отделали этих механических ублюдков по полной программе, — добавил второй, — зачистка пещер окончена. Жаль парней твоего взвода, — вздохнул он, — но кто же знал, что бытовые машины тут такие самостоятельные, мать их…

Сайков с сомнением посмотрел на андроида, потом покосился на мониторы стенда.

Процесс копирования уже начался. Индикатор указывал, что доступный объем свободного места будет заполнен в течение полутора часов, после чего потребуется подключение дополнительных мощностей.

— Ладно, пошли… — вставая, согласился он. Сержант предвидел бессонную ночь, а работать на пустой желудок ему не улыбалось. К тому же о проделанном надо доложить Шерману и как минимум Добиться у него распоряжения на установку двух дополнительных компьютерных комплексов.

Уже на пороге он обернулся, вновь бросив взгляд на андроида. Машина с погашенным реактором и поврежденными сервомеханизмами не показалась ему опасной. Робот был надежно закреплен захватами стенда и внешне выглядел абсолютно статичным.

«Да и черт с ним…» — с неожиданной злостью подумал Сайков. — «Никуда он не денется, за полчаса-то…»

* * *

Сайков ошибался в своей оценке.

Дройд очнулся от информационного небытия сразу, как только на его цепи управления вновь начало поступать питание.

Он не мог ощущать присущих человеку боли или дискомфорта, но машина обладала иными понятиями обратной связи и по-своему реагировала на внешние события.

Повреждения. Они были повсюду — центральное вычислительное устройство обсчитывало сплошной поток данных, сообщающих об ошибках и сбоях, провалах тестовых проверок, нефункциональности тех или иных узлов…

На фоне этого процессор получал видео- и аудиоряд, которые,

совмещаясь, несли новую информацию об окружающем пространстве.

Рядом с ним находился человек. В эфире шел интенсивный обмен данными. Голос не опознавался как командный образец — в этом смысле носители андроида были чисты, он автоматически удалил все образцы голоса и ДНК, когда утратил своих хозяев.

Автоматная очередь, повредившая главный сервопривод, не задела ни одного из накопителей информации, и память человекоподобной машины функционировала в полном объеме.

Он помнил все вплоть до той секунды, когда его рука утопила графитовый стержень, совершая акт самостоятельной деактивации.

Андроид неподвижно висел в захватах стенда, слушая голос компьютерного техника, анализируя новый образец звука, улавливая серьезные изменения в лексике интеранглийского языка, в то время как его видеокамеры, чей фокус охватывал половину помещения, передавали образцы изображений окружающего его технического оснащения.

Ничто не находило аналогов.

Техника вокруг казалась чуждой, речь человека — видоизмененной, из чего робот сделал первый, безошибочный вывод: прошло очень много времени с того момента, как дальнейшее существование утратило для него смысл.

Не меняя положения видеокамер, он мог наблюдать лишь один из мониторов, на котором, помимо динамично меняющихся схем, в нижнем правом углу притаились значения даты и времени.

Предварительная посылка оказалась абсолютно верной.

Прочитанные цифры указывали, что прошло более трех столетий, по летосчислению Земли…

…Бесшумно открылась толстая надувная дверь временного убежища. В помещение вошли двое людей, чья экипировка носила все признаки военной, однако их руки в данный момент были заняты фрагментами разбитых механизмов, а короткоствольное оружие незнакомой конструкции висело на ремнях.

«Мы отделали этих механических ублюдков по полной программе… Зачистка пещер окончена… Кто же знал, что бытовые роботы тут такие самостоятельные…»

Ключевые фразы для анализа.

Гора обломков на столах подле стенда.

Оружие. Боевая экипировка.

Еще. Нужна завершающая информация.

Он нашел ее. Маркировка на пластиковом кожухе терминала.

«Земля. Военно-космические силы. Десантный крейсер „Титан“».

Человеку, очнувшемуся в подобной ситуации, потребовалось бы изрядное количество времени и личного мужества, чтобы сделать два безошибочных, взаимосвязанных вывода:

«Прошла бездна времени с момента последних запечатленных в памяти событий».

«На планету осуществлено вторжение».

Последнее утверждение отодвигало на второй план все, что имело вес и значение три с половиной века назад, когда андроид, прошитый автоматной очередью, добрался до пещер недолгое время находился без движения в одном из залов, пока не пришел к выводу о полной бессмысленности своего дальнейшего существования.

Теперь все изменилось.

Потребность в дополнительной информации толкала его к действиям, обломки, сваленные в груду, ясно давали понять — люди, захватившие его, расценивают человекоподобные машины как врагов и уничтожают их.

Действие: «Побег».

Статус: «Невозможно. Критические повреждения сервоприводного механизма».

…Тем временем люди покинули временное убежище, и видеокамеры андроида с визгом повернулись в своих гнездах, сфокусировавшись на горе обломков, что высилась подле него.

Левая конечность, приводы которой оставались целы, судорожно дернулась, и гнездо захвата со звонким, металлическим щелчком вырвалось из стенда. Робот разжал механические пальцы, отпуская кольцеобразное навершие аварийного стержня. На пол подле стенда посыпалась минеральная крошка.

Пошевелив пальцами, он обратил внимание на толстый кабель, подключенный к его клеммам.

Внешнее питание. Собственный мини-реактор оставался заглушённым. Человек, который исследовал его состояние, справедливо побоялся включать внутренний источник энергии андроида.

Механические пальцы робота вновь сомкнулись на толстом кольце, потянув его вверх. Оно поддалось, и на свет выползла верхняя часть тускло поблескивающего стержня, на котором были нанесены деления.

Рука андроида остановилась, как только появилась вторая риска.

Внутри мини-реактора, заключенного в продолговатый цилиндрический кожух, в эти секунды возобновился процесс цепной

реакции деления урановых ядер. Атомная реакция сопровождалась выделением тепла, но контур теплообменника не заработал сразу, — в нем, вместо традиционной воды, циркулировал легкоплавкий металл, и требовалось время, чтобы застывшая масса охладителя перешла в жидкое агрегатное состояние и потекла по замкнутому контуру.

Задержка не смутила андроида. В данный момент на его приводах присутствовало стационарное питание, поданное сержантом Сайковым, и он мог заняться самореконструкцией, пока не заработал основной контур встроенного энергоносителя.

Освободившаяся левая рука отпустила кольцо, с тонким визгом повернулись видеокамеры, исследуя груду сваленных подле стенда обломков, и андроид вполне осмысленно потянулся к первому заинтересовавшему его фрагменту. Это был гироскоп самостабилизации с помятым кожухом.

Тихо клацнули универсальные разъемы креплений, и его собственный гироскоп, безнадежно испорченный роковой автоматной очередью, с глухим стуком упал на пол подле стенда, подняв облачко минеральной пыли…

Новая деталь, несмотря на небольшую деформацию защитной оболочки, свободно встала на место старой. Все узлы роботов серийной модели были унифицированы и могли взаимозаменять друг друга.

Тихо взвыл раскручивающийся привод.

Тест гироскопа только начался, а освободившаяся конечность человекоподобного робота уже тянулась к следующей детали главного сервомоторного механизма.

По его подсчетам, удовлетворительное состояние опорно-двигательной системы будет достигнуто через пятнадцать минут.

В этот момент на внутреннем мониторе робота запульсировала алая схема, означающая включение основного контура системы охлаждения собственного ректора: выделенное в активной зоне тепло расплавило металл, и он потек по каналам теплообменника, раскручивая микротурбины вихревых проточных генераторов.

Первый, наиболее значительный шаг к автономии был сделан. Оставалось отыскать несколько деталей главного сервопривода и заменить их, прежде чем он сможет констатировать восстановление всех функций опорно-двигательной системы…

Вернувшийся спустя полчаса сержант Сайков нашел лабораторно-испытательный стенд пустым… лишь на полу валялись поврежденные

детали сервоприводов, блестели свежими изломами металла вырванные с корнем крепежные гнезда, да терминал сигналил о сбое в процессе копирования файлов.

Андроид будто испарился, а вместе с ним пропала часть обломков от других машин и еще исчез кожух с боковой части компьютерного терминала, на котором стояло инвентарное клеймо десантного крейсера «Титан».

Глава 3

Его сбили над Кьюигом спустя две недели после того, как начавшаяся в глубинах космоса война докатилась дородной планеты Вадима Нечаева.

За четырнадцать дней им была прожита целая жизнь, и вот, похоже, она заканчивалась. Простреленный во многих местах триплекс кабины, выбитые осколками приборы, оплавленные жгуты проводки, вывороченные из-за разбитых панелей, глухая, ватная тишина в коммуникаторе гермошлема и несколько злобных красных огней на уцелевших секциях пульта управления ясно указывали: тебе не выжить, не посадить наспех переоборудованный под боевую машину орбитальный челнок.

Корабль уже вошел в фиолетово-черное пространство стратосферы и снижался по пологой дуге, неуправляемый, изрешеченный снарядами, с выведенным из строя бортовым компьютером…

Если верно, что перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь, то у Вадима на поверку их оказалось две: одна длинная, а другая короткая, и вспоминал он как раз последнюю, спрессованную в две недели бессонных дней и ночей, когда время суток, день, месяц, год передали играть надлежащую датам роль и все смешалось в нечеловеческом напряжении ожидания грядущего с небес апокалипсиса…

* * *

Планета Кьюиг. Район космопорта. Две недели спустя после событий в пещерах

…Все началось ранним солнечным утром.

Вадим Нечаев, полгода назад вернувшийся с планеты Элио, где работала единственная школа астронавтики, организованная совместными усилиями четырех развитых колоний, вот уже третий месяц изо дня в день проходил через огромные ворота Кьюиганского космопорта, чтобы заглянуть в недавно отстроенное административное здание диспетчерской службы, получить полетное задание и идти готовить свой челнок к очередному старту в район низких орбит, куда прибывали для разгрузки грузопассажирские космические корабли с иных миров.

Колонии, чьи цивилизации, после четырех веков борьбы за выживание, смогли не только побороть чуждые биосферы, но и вновь выйти в космос, вторично «открыв» друг друга, теперь налаживали тесное

сотрудничество. Между четырьмя мирами на протяжении последнего десятилетия шел интенсивный обмен товарами, технологиями, специалистами, и Вадим, несмотря на молодость, принимал самое непосредственное, деятельное участие в этом процессе.

Жизнь казалась ему простой, ясной и привлекательной, но этим утром все вдруг пошло наперекосяк…

Поднявшись по ступеням крыльца диспетчерского комплекса, увенчанного недавно отстроенной башней управления, он вошел в просторный, прохладный холл, но вместо привычной процедуры электронной проверки у турникета его ожидал человек в форме лейтенанта сил самообороны планеты.

— Вадим Нечаев? — задал он риторический в данной ситуации вопрос, предварительно посмотрев на дисплей пропускной системы.

— Да. — Вадим не чувствовал никакой угрозы, начинался обычный, рабочий день, и он не предполагал, что могут произойти какие-то серьезные неприятности…

— На сегодня все старты отменяются, — лаконично сообщил офицер. — Вы должны пройти в конференц-зал.

Нечаев не стал возражать. Вытащив пропуск из щели считывающего устройства, он прошел турникет и направился в указанное помещение.

Его расстроила отмена полетов, это казалось странным, но жизнь давно научила Вадима не бежать впереди паровоза, опережая события, и не задавать упреждающих вопросов, на которые, скорее всего, и так получишь ответ в ближайшее время. Если говорить о характере Вадима, то к нему лучше всего подходило определение «дисциплинированный». Впрочем, он и не мог вырасти иным. Офицер, встретивший его у турникета, обращаясь к Вадиму, не назвал отчества, а только имя и фамилию. На то были свои причины: Нечаев действительно не имел ни отца, ни матери в привычном смысле этих терминов — его генетические родители состарились и умерли на планете Земля четыреста с лишним лет назад.

Вадим Нечаев был зачат в специальном аппарате на основе замороженного генетического материала, прибывшего с Земли на борту колониального транспорта «Скиталец».

Его рождение было напрямую связано с программой обновления генофонда, которую уже целое столетие проводило правительство объединенного Кьюига. Развивающейся цивилизации требовался приток свежих генов, чтобы избежать вырождения, и треть новорожденных появлялась на свет не из материнских утроб, а из чрева агрегатов искусственного зачатия и выращивания эмбрионов.

Такая политика приводила к двойной выгоде — государство, контролировавшее программу, получало не только приток людей со свежим генотипом, но и воспитывало треть населения под своей опекой, формируя из мальчиков и девочек, рожденных в рамках программы «Генезис», именно тех специалистов, которые были необходимы для успешного развития экономики планеты.

Если у кого-то закралась мысль о насилии над личностью, то она не соответствовала истине. Дети «Генезиса» получали прекрасное образование за счет государства и не имели никаких поражений в гражданских правах и свободах. Единственным стесняющим их свободу обстоятельством являлось обязательство отработать по избранной специальности не менее десяти лет с момента завершения учебного процесса.

По сути, сеть учреждений «Генезиса» была аналогична существовавшим на Земле детским домам, с той разницей, что Кьюиганское правительство не на словах, а на деле заботилось о своих питомцах.

Закончив общеобразовательную школу, Вадим сам избрал себе карьеру пилота. Космический флот Кьюига только нарождался, и для дальнейшей учебы юношу отправили на Элио — планету, расположенную в десятке световых лет отсюда. Там развилась наиболее успешная с точки зрения технического прогресса цивилизация и действовала школа астронавтики, в которой он продолжил свое образование, ознакомившись с теорией гиперсферы, космической навигацией и пилотированием малых челночных кораблей. Через два года, получив диплом пилота, он вернулся на Кьюиг, где государство выделило ему квартиру.

Теперь Вадим Нечаев, бывший воспитанник школы «Генезиса», смог начать строить самостоятельную, взрослую жизнь, одновременно приступив к профессиональным обязанностям.

Поначалу он был на год зачислен в отряд пилотов челночных кораблей, которые совершали регулярные рейсы между космопортом Кьюига и планетными орбитами, куда прибывали транспортные корабли с иных миров. Это был обязательный для всех выпускников испытательный срок, после чего наиболее хорошо проявивших себя молодых пилотов переводили в состав постоянных экипажей межзвездных кораблей, курсировавших между Кьюигом и еще тремя планетами сектора, с которыми была налажена устойчивая гиперсферная связь.

Таким образом, если не вдаваться в подробности мелких житейских трудностей, жизнь Вадима Нечаева до сегодняшнего дня протекала

абсолютно ровно, — он был собранным, дружелюбным, исполнительным, любил свою работу и не загадывал далеко вперед…

…Войдя в конференц-зал, он увидел там около сотни пилотов и навигаторов. Многие сидели в креслах, ожидая начала собрания, несколько мелких групп стояли в проходах и у стен, оживленно беседуя.

Обменявшись приветствиями с коллегами, Вадим понял, что никто из присутствующих понятия не имеет, зачем их тут собрали и почему на сегодня отменена плановая работа космического порта.

Наконец, после томительного ожидания, в зале появилась группа офицеров в форме сил самообороны планеты.

Это воинское формирование на сегодняшний день являлось единственным на Кьюиге. Когда-то, столетия тому назад, на планете существовали три государства, каждое из которых содержало свою армию. Вадим плохо знал запутанную историю противостояния между поселениями, происходившего задолго до его рождения.

По его мнению, преподаваемый в школе материал попахивал однобокостью. Учащихся просто информировали о том, что на границе двух материков планеты лежит огромное пространство, которому было присвоено странное название: Зона Отчуждения. За ее границами начиналась иная жизнь — там преобладала исконная природа дикого Кьюига и жили люди, в учебниках их осторожно называли «деградирующей цивилизацией, попавшей в зависимость от местных условий обитания».

Вадиму казалось странным, что, установив контакт с иными планетами, правительство Кьюига старательно избегает контактов с поселениями на втором материке. Впрочем, молодости свойственна беспечность, и он, как большинство сверстников, не вдавался в истоки давнего конфликта, — он лишь сделал для себя очевидный вывод, что разногласия были вызваны совершенно противоположными взглядами на адаптацию человека к местной биосфере…

…Ход мыслей Вадима был нарушен одним из прибывших офицеров. Сухощавый, подтянутый майор привлек внимание собравшихся громкой, отрывистой фразой:

— Господа, прошу тишины.

Гул голосов в зале моментально смолк, все обернулись в сторону небольшого подиума, за которым возвышался огромный проекционный экран, занимавший собой всю площадь задней стены помещения.

* * *

С этой тишины и зазвучавшего в ней глуховатого голоса седого генерала сил самообороны планеты и начался для Вадима Нечаева отсчет новой жизни.

Поначалу, ошеломленный услышанным, он не ощутил этой внутренней перемены, — понимание того, *что именно* случилось с ним в тот миг, придет позже, ну а пока…

— Господа, сегодня ночью по каналу гиперсферной связи между нашей планетой и соседними мирами пришел информационный пакет данных, отправленный третьим лицом, получившим доступ на гиперсферные частоты нашей частной сети.

Генерал откашлялся, отпил глоток воды из стакана и продолжил:

— Информационный пакет доступен для обработки на наших компьютерах и содержит в себе ультимативную информацию, отправленную неким Джоном Уинстоном Хаммером, именующим себя президентом Земного Альянса. Вот его запись.

Генерал сделал знак одному из своих подчиненных, и тот включил огромный настенный экран.

На нем появились голова и плечи ничем особо не примечательного человека лет шестидесяти, сидевшего у огромного окна, за которым простиралась какая-то немыслимая панорама похожего на муравейник города, наполовину затянутого тяжелыми свинцово-серыми облаками испарений.

Он заговорил уверенным, хорошо поставленным голосом:

— Я, Джон Уинстон Хаммер, глава Всемирного Правительства и действующий президент Земного Альянса, обращаюсь к руководству и рядовым жителям планет-колоний.

Четыре столетия назад ваши предки покинули Землю на борту колониальных транспортов. Вы прошли через аномалию космоса и высадились на далеких планетах. Я информирован о тех усилиях, которые пришлось приложить первым поселенцам, чтобы выжить в мирах с чуждыми человеку биосферами. В том, что вы на протяжении длительного исторического отрезка развивались в отрыве от своей планеты-метрополии, повинна не злонамеренная политика Всемирного Правительства, а несовершенство гиперсферной техники. Все эти годы мы посвятили исследованиям, с тем, чтобы иметь удовольствие приветствовать вас, потомков граждан Земного Альянса…

Видимо, этот человек не привык к долгим речам и предпочитал сразу расставлять все нужные акценты и точки над «i», поэтому следующие его слова прозвучали сухо и ультимативно:

— По существующим на Земле юридическим нормам, вы должны признать свой статус колоний, полностью подчиниться законам Земного Альянса и действовать в соответствии с параграфами колониального законодательства, полный объем которого будет передан по гиперсферной частоте вместе с моим обращением.

Вкратце я сообщу, что на каждый мир, добровольно признавший Землю своей планетой-метрополией, будет прислан полномочный планетный управляющий. Все миры должны открыть свободный доступ для притока эмигрантов с Земли. И еще один немаловажный пункт: кроме свободного поселения граждан Альянса на территории планет-колоний, все сырьевые ресурсы любого из колонизированных миров с данного момента могут разрабатываться и использоваться только в соответствии с лимитами, которые будет устанавливать Всемирное Правительство.

Все население планет, признавших пункты колониального законодательства, автоматически возобновляется в правах граждан Земного Альянса. В противном случае любой из планет будет присвоен статус неподчинившейся колонии, и тогда, к моему сожалению, в дело должны будут вступить военно-космические силы Земли.

Данное послание уже отвергла планета Дабог, и к моему выступлению прилагается видеозапись действий космического флота, направленных на усмирение взбунтовавшейся колонии.

Голос, изливающийся из скрытых динамиков, смолк, и вместо изображения головы и плеч Джона Хаммера проекционный экран затопила черная бездна космического пространства.

Все, начиная от появления группы военных до выступления этого Джона Хаммера, произошло так быстро и неожиданно, что по залу успел прокатиться лишь легкий ропот, связанный с ультимативными требованиями, предъявленными Кьюигу. Но гул голосов сменился гробовой тишиной, как только из черноты космического пространства на передний план видеосъемки выступили зловещие контуры пяти клиновидных боевых крейсеров, каждый из которых, судя по масштабам надстроек и локационных антенн, имел как минимум несколько километров в длину…

Это были настоящие титаны, в сравнении с которыми любой самый мощный грузопассажирский корабль колонистов выглядел как букашка рядом со слоном…

Зрелище было жутким, впечатляющим и завораживающим одновременно. Контуры пяти клиновидных крейсеров все четче

проступали из мрака, их корпуса покрывала мощная броня, по бортам кораблей располагались направленные под углом к основной линии симметрии выступы, похожие на трубы с заглушёнными полусферическими торцами, над ними тянулись подобные же образования, но только меньших размеров, и ни у кого из пилотов не возникло сомнений, что нижний ряд является стартовыми стволами для пуска малых космических кораблей, а расположенные выше аналоги — установки запуска боевых ракет.

Первым ощущением был подавляющий разум шок.

Глаз отказывался верно сосчитать количество стартовых приспособлений, а разум пасовал перед попыткой вычислить суммарную уничтожительную мощь, спрятанную за броней каждого из пяти клиновидных исполинов.

Впрочем, демонстрационная запись была смонтирована опытным режиссером, рассчитывавшим на определенную реакцию зрителя, и спустя несколько секунд собравшиеся в зале смогли увидеть, что именно таит за собой обшивка пяти крейсеров.

Полусферические заглушки бортовых шахт запуска вдруг раскололись на остроугольные сегменты, в космос взметнуло облачка остаточной атмосферы, тут же истаявшие, словно призрачный туман, клиновидные сегменты втянулись в предназначенные им щели, и почти сразу за этим из пусковых стволов головного крейсера, на борту которого четко просматривалось название — «Тень Земли», вырвались ослепительные факелы шести ракет класса «космос-земля».

Всего шесть стартовых шахт из сотен расположенных по бортам клиновидных крейсеров выплюнули свою начинку…

Прошло десять или пятнадцать секунд, и кадр сменился, — теперь съемка велась непосредственно с боеголовки одной из стартовавших ракет.

Прямо по курсу, укутанная ватным покрывалом облаков, лежала планета.

Для всех присутствующих в зале сразу же стало ясно — это Дабог. Ракета, не встречая никакого сопротивления, прошла зону низких орбит, изображение с ее камер на миг подернулось помехами, когда начался нагрев корпуса при вхождении в плотные слои атмосферы, и вдруг…

Облачность кончилась, расступившись перистыми полосами; над этой частью Дабога было раннее утро, а в электронном перекрестье прицела, которое проецировалось на экран с видеокамер боеголовки части, рос, стремительно укрупняясь в размерах, один из пяти городов планеты…

Вадим, завороженно глядевший в экран, не смея даже дышать, успел

заметить блестящие в утренних лучах окна зданий, фигурки людей внизу, несколько автомобилей и…

Ослепительная вспышка, новая смена кадра, и все увидели, как, разрывая облака, в верхние слои атмосферы Дабога стремительно восходят три пепельно-серых ядерных гриба…

Никто не смог произнести ни звука — все онемели от варварской демонстрации, а кадр уже сменился, вновь показав головной крейсер армады, приближающийся к планете. Из его стартовых шахт неведомая сила выплевывала в космос десятки космических истребителей и десантных модулей. Образовав построение, они устремились к границе атмосферы Дабога. Облака кипели и клубились, сминаемые порывами ураганного ветра, что, обезумев, гнал перегретые, насыщенные радиоактивным пеплом воздушные массы из зон высокого давления в иные области… Внизу бушевал настоящий многоочаговый ураган, и в это буйство воздушных масс вонзались крохотные точки спускаемых модулей…

Экран внезапно моргнул ослепительным светом и погас.

* * *

Тягостную тишину, наступившую по окончании демонстрационной записи, нарушил хриплый голос генерала сил самообороны Кьюига:

— Связи с Дабогом нет вот уже восемь часов. Правительства Элио, Рори и Стеллара получили аналогичные послания.

В зале постепенно поднялся ропот, который спустя несколько секунд перерос в гул возмущенных голосов.

Один из сопровождавших генерала офицеров постучал по столу, требуя тишины, и, когда ему удалось добиться относительного затишья, выкрикнул:

— Тихо!

Гул голосов окончательно смолк.

Генерал обвел взглядом собравшихся и вновь заговорил глухим, хрипловато-надтреснутым голосом. Только теперь Вадим обратил внимание на красноту его глаз и эту надломленность, которая ощущалось в позе, жестах, интонациях.

— Тихо, господа, — повторил он фразу офицера. — Вас собрали тут не для обсуждения ситуации в целом. Наше правительство не приняло ультиматум, и теперь планета объявлена на военном положении. Вы все мобилизованы. Здесь, насколько я понимаю, пилоты и навигаторы челночных кораблей?

— Да, — раздался одинокий голос из зала.

— В таком случае, — генерал обернулся к сопровождавшим его офицерам, — полковник Шахоев, приступайте к своим обязанностям.

Вперед выступил человек лет сорока. Его лицо было узким, вытянутым, волосы коротко стрижены, серые водянистые глаза создавали ощущение человека рассеянного и недальновидного, но все впечатления от внешности полковника моментально стер его голос — твердый, спокойный, с проскальзывающими в нем металлическими нотками.

— Мы не знаем, что на самом деле случилось на Дабоге, — начал он свою короткую речь. — Запись, полученная по каналу ГЧ, может оказаться фальсификацией, но боюсь, что эта слабая надежда на чью-то злую шутку умрет в ближайшие часы.

Он сделал несколько шагов по подиуму, бросил короткий, злой взгляд на опустевший экран и продолжил:

— Мы не собираемся поддаваться на угрозы и тем более допустить орбитальную бомбежку Кьюига. На ночном совещании правительства было принято решение отвести все крупные гиперсферные суда в засекреченную точку пространства до выяснения истинных обстоятельств происходящего. Челночные корабли, способные совершать вылеты в пределах орбитального пространства планеты, остаются тут и будут в экстренном порядке реконструированы в орбитальные перехватчики. Все вы с данной секунды являетесь младшими офицерами военно-космических сил нашей планеты, сформированных на этом же совещании.

— Что значит «реконструированы»? — сквозь возобновившийся гул голосов донесся выкрик из зала.

— Это значит, — повышая голос, ответил полковник, — что каждый из шести десятков челноков, имеющихся у нас, будет переоборудован в боевой корабль. Аналогичные меры уже предпринимают на планете Элио и луне Стеллар, спутнике Рори.

— А торговые транспорты? — Шум в зале понемногу улегся благодаря повышенному тону Шахоева, который почти кричал, отвечая на предыдущий вопрос, и Вадиму показалось, что вместо разноголосого ропота его вдруг окружила ватная тишина.

— Судьба транспортных кораблей не ваша компетенция, пилот, — ответил Шахоев, отыскав глазами задавшего вопрос человека. — С этой минуты вы все переведены с гражданской службы, поэтому вам придется вспомнить либо узнать заново, что такое воинская дисциплина и субординация!

* * *

Все обрушилось так внезапно, так ошеломляюще, что истинный смысл случившегося начал доходить до Вадима Нечаева, только когда он, покинув конференц-зал, шел по простору стартопосадочных полей к ангарам, где стояли челночные корабли, внешне похожие на короткокрылых птиц.

Взлетно-посадочные полосы тянулись вдаль, теряясь в легком мареве утреннего тумана. Мысли в голове Вадима путались, никак не желая складываться в разумные рассуждения. Он был подавлен и растерян — не лучшее состояние для новоиспеченного пилота боевой орбитальной машины, но все случившееся обрушилось столь внезапно, что не находило места ни в душе, ни в мыслях.

В ангарах для челноков уже шли какие-то работы, вокруг шаттлов суетились команды технического обслуживания, в нескольких местах, брызгая искрами, работали сварочные аппараты, по опустевшим стартопосадочным полям космического порта с низким гулом ползли груженые армейские тягачи, которые стояли на консервационных складах еще с периода войн столетней давности.

Казалось, что весь мир в одночасье перевернулся с ног на голову, сошел с ума и по всем признакам не собирался возвращаться в нормальное состояние.

Не доходя метров пятидесяти до ангара, Вадим остановился, прикурил сигарету и еще раз огляделся вокруг, стараясь запомнить эту картину внезапной, незнакомой глазам и разуму суеты… и вдруг ему припомнилось, как несколько пилотов попытались спорить с полковником Шахоевым и как тот зло обозвал их трусами и вырожденцами, сопливыми маменькиными сынками…

Да, пожалуй, они имели моральное право высказывать какое-то мнение. Вадим же, как и большинство остальных пилотов, мрачно промолчал, пытаясь осмыслить и принять внезапно изменившуюся реальность. Ему действительно могли приказать — ведь он являлся воспитанником государства, был вскормлен и обучен им, — разве мог он оспаривать принятые правительством решения?

В принципе — мог, но у него не возникло подобного желания. Наверное, чувство привязанности, ощущение родины были у него несколько глубже, чем у иных людей, чье воспитание происходило в узком кругу семьи. Его родиной являлось не какое-то конкретное место, а вся планета, хотя в душе Вадим был настоящим космополитом — он одинаково

хорошо чувствовал себя и на Кьюиге, и на Элио, и на Стелларе, где довелось побывать в процессе обучения гиперсферной навигации…

«Нет, это не со мной, а с моим миром, с моим образом жизни приключилась беда…» — подумал он, глядя на человекоподобного робота, приближающегося к нему от полуоткрытых створов ангара, где техники уже что-то делали с его челноком, носившим бортовой номер семнадцать.

Выкинув окурок, по-прежнему не обращая внимания на дройда, Вадим еще раз огляделся, пытаясь понять, увидеть, почувствовать, что изменилось в мире?..

Нет… это было обычное утро. Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, и призрачные клочья тумана таяли на глазах, уступая место знойному мареву, которое начал испускать нагревшийся стеклобетон.

«Война…»

Это слово перекатывалось на языке, никак не выдавая свой истинный смысл. Оно было чуждым и непонятным. Вадим попросту не знал, что ждет его впереди, как не подозревал и того, какую роль сыграет в его судьбе робот-андроид, вне сомнений, направляющийся именно к нему. Судя по внешнему виду машины, давно утратившей заводской глянец, этот механизм служил людям уже не один век и, наверное, принадлежал к числу тех андроидов, что высадились на планету с борта легендарного «Скитальца».

— Господин Нечаев? — спросил дройд, остановившись в нескольких шагах от Вадима.

— Да? — вопросительно ответил он.

— Я бы хотел поговорить с вами.

Эти слова заставили Нечаева подсознательно насторожиться и внимательнее присмотреться к человекоподобному.

Все в нем было странным, начиная от внешнего облика и заканчивая непонятным куском пластика, который андроид держал в руках.

Взгляд Вадима скользнул по фигуре дройда, отмечая сотни мелких и крупных свидетельств его долгого, полного опасностей существования, — чего стоила хотя бы строчка аккуратно запаянных дыр, наискось перечеркивающих грудной кожух машины… Усомниться в том, что это тщательно заделанные пробоины от пуль, мог разве слепец.

Сама конструкция андроида не была диковиной для Вадима, — он встречал такие машины и тут на Кьюиге, и на иных мирах. Обычно они принадлежали каким-либо определенным семьям, ведущим свое генеалогическое древо от первых поселенцев той или иной планеты. Особенно много машин подобного класса он видел на Дабоге…

Мысль-ассоциация, связанная с названием планеты, мгновенно вернула его в реальность, заставив вспомнить страшные картины, которые были показаны им четверть часа назад.

— Что тебе нужно от меня? — не замечая грубости в собственном голосе, спросил Вадим.

— Меня зовут Хьюго, — представился в ответ андроид. — Мой первый хозяин не стал утруждать себя подбором персонального имени, а окрестил по названию всей серии роботов…

— Ну? — Вадим ждал пояснений. — Откуда тебе известна моя фамилия?

— Я зашел в ангар, — признался дройд, — и спросил у техников: кто пилот шаттла? Они назвали мне вас.

— И что ты хочешь от меня?

— Мне нужно встретиться с полковником Шахоевым. У меня для него важная информация. — Хьюго указал на фрагмент глянцевитого пластикового кожуха, который держал в руках.

— А при чем тут я? — не понял Вадим.

— Космопорт объявлен на военном положении. Мне трудно попасть к полковнику, не имея карточки доступа в офисные здания. Вы не могли бы провести меня к нему, ну… скажем, в качестве слуги, андроида, принадлежащего лично вам?

Наверное, у Вадима был серьезный и настороженный вид, — он на самом деле мало что понимал в возникшей ситуации и не видел смысла в странной просьбе человекоподобной машины.

— А ты не мог бы обратиться к своему настоящему хозяину? — спросил он.

— У меня нет хозяина, — неожиданно ответил андроид. — Мои блоки идентификации чисты.

Ну, это уже вообще был абсурд. Бесхозная человекоподобная машина, шатающаяся по космопорту… Да это вызвало бы переполох и в обычное время, ну а сейчас, учитывая складывающуюся ситуацию…

— Зачем тебе Шахоев?

— Я хочу показать ему вот это, — андроид протянул Вадиму кожух.

Он взял его, повернул одним боком, другим, пока не заметил инвентарное клеймо:

«Земля. Военно-Космические Силы. Крейсер „Титан“».

Прочитав надпись, Нечаев невольно вздрогнул.

— Где ты это взял?

— Об этом я могу рассказать только полковнику, который, как мне сказали, командует сейчас обороной планеты.

Вадим все еще сомневался, а потом, сложив вместе все «за» и «против», махнул рукой.

— Ладно, я проведу тебя в офис. Пошли.

— Постойте, Вадим…

— Ну что еще?

— Вы должны… стать моим хозяином, иначе автоматика не пустит меня внутрь.

— Это обязательно?

— Думаю, да.

Здесь любой из солдат, хорошо отдающих себе отчет, что такое война и какие неожиданные ходы может использовать противник, например, для проникновения на охраняемые объекты, заподозрил бы неладное, но откуда у двадцатидвухлетнего парня, вчерашнего мальчишки, было взяться подобному опыту? Разве что из книг, но Вадим последние два года читал в основном учебники по астронавтике.

Свой собственный робот, да еще и старого андроидного типа — это на Кьюиге являлось роскошью, показателем материального благосостояния и принадлежности к древним корням. Андроиды модели «Хьюго» на Кьюиге встречались исключительно редко, и на то были свои веские исторические причины, о которых Вадим даже не слышал, поскольку учебники истории были частично купированы людьми, знавшими истину…

— Ладно… — с неожиданной легкостью согласился он, на миг превратившись в того самого беспечного парня, который пересек границу космопорта этим утром. — Давай показывай, как тебя программировать…

Хьюго коснулся металлопластикового кожуха на своей груди, и тот соскочил с фиксаторов, обнажая сенсорную панель управления.

Она была разделена на три секции с недвусмысленными поясняющими надписями:

«Бытовой режим».

«Режим пассивной охраны».

«Все функции».

В данный момент индикатор горел в секции третьего режима.

— Я готов, сэр. Приложите палец к пластине сканера, чтобы я мог снять запись вашего генетического кода, а затем произнесите любую фразу, не короче трех слов, чтобы мои сканеры зафиксировали образец голосового ряда.

Вадим молча положил указательный палец правой руки в открывшееся углубление, а потом произнес первое, что пришло на ум:

— Попробуй причинить хоть малейший вред Шахоеву, и тебя разберут на запчасти, понял?

Если бы Вадим мог проникнуть в смысл информационных потоков, которые неслись по каналам обмена данными внутри машины, то мысли Хьюго ввергли бы его в шок.

Выслушав беспечную, *мальчишескую* фразу своего нового хозяина, андроид подумал совсем как человек:

«Знал бы ты, мальчик, как скоро война научит тебя говорить и думать совсем по-другому…»

— Идентификация окончена, сэр, — вслух произнес он.

— Теперь ты мой?

— Да.

— Тогда зови меня просто — Вадим. Пошли, пока Шахоев еще в офисе…

Нет, он ничего не знал о надвигающейся беде, он не смог прочувствовать степень угрозы даже после просмотра жуткого видео, ведь Вадим Нечаев принадлежал к категории молодых людей, которых ожидала долгая счастливая жизнь на родных мирах, — по сути, он являлся ярким представителем того заветного поколения, ради рождения которого первые поселенцы боролись с чуждыми биосферами, мирясь с лишениями, невзгодами и смертельными опасностями…

Беззаботные ростки жизни, которые должны были дать обильные, цветущие всходы… они еще не знали, что выросли на ниве начинающейся войны и вскоре встретятся с ней лицом к лицу, — юные, наивные, неподготовленные ни морально, ни физически…

* * *

В кабинет Шахоева Хьюго вошел один.

Неизвестно, о чем беседовали андроид и полковник в течение десяти минут, но Хьюго вернулся в коридор уже без пластикового кожуха в руках.

— Ну, что? — спросил у него Вадим.

— Он мне не поверил, — скупо ответил дройд, не объясняя ничего по существу.

— Чему не поверил?

— Я не могу об этом говорить. Полковник запретил мне распространять информацию, которую он назвал лживой и панической.

— Ладно. — Вадима уже перестала и забавлять, и злить вся эта

история. — И что будет теперь?

— Если позволишь, я стану твоим напарником. — Голос машины звучал ровно, без интонаций.

— То есть? — не понял Вадим

— То есть вторым пилотом орбитального перехватчика, бортовой номер семнадцать, я правильно запомнил? — произнес андроид, отвечая на его вопрос.

— Да? — Вадим был обескуражен таким заявлением, хотя, в принципе, ничего не имел против — в рубке шаттла были установлены два кресла. — А ты у него спросил? — Он кивнул на плотно затворившуюся за андроидом дверь.

— Да. Полковник Шахоев проверил мой блок идентификации и махнул рукой, сказав, что ему все равно. Думаю, он озабочен сейчас тем, что не в силах создать толковый план обороны планеты, — внезапно выдал свою оценку Хьюго.

Да, судя по всему, это был необычный робот…

Вадим, неискушенный во многих жизненных аспектах, только вздохнул.

Характеристика, которую дал андроид полковнику, вполне могла подойди и к нему самому. Он тоже не знал, что ему следует делать, как себя вести, что чувствовать…

— Хорошо, — наконец произнес он. — Раз ты теперь мой второй пилот, то пошли в ангар, нужно посмотреть, что там делают с нашей машиной.

* * *

Внутри ангара кипела работа.

Группа техников, состоявшая из двух человек и трех кибермеханизмов, занималась тем, что полковник Шахоев назвал «реконструкцией».

Все грузовые люки были распахнуты настежь; занимая половину площади ангара, стоял въехавший в ворота армейский тягач, с которого при помощи кран-балки выгружали снабженные двумя спаренными стволами механизмы.

Внутри грузовых отсеков размещались дополнительные устройства: там устанавливались эскалаторы автоматической подачи боекомплекта и связанные с ними хранилища бортового боезапаса.

— Привет, Сергей. — Вадим обменялся рукопожатием со своим штатным техником, который только что вылез из бокового люка. — Как это

будет работать? — спросил Нечаев, указав на громоздкую турель.

— Мы устанавливаем дополнительные переборки. Они изолируют кабину пилота от грузовых отсеков, — ответил Сергей. — В грузовых шлюзах монтируем направляющие, на них подвижные суппорты, которые смогут выдвигать орудия наружу. В момент ведения огня все отсеки, кроме кабины пилота, будут разгерметизированы.

— А как стрелять без воздуха? — спросил Вадим, который знал, что снаряды для таких орудий используют пороховой заряд.

— Того воздуха, что заключен в самом заряде, достаточно для эффективного сгорания, — успокоил его Сергей. — Уже проверено на стенде в вакуумной камере. Стрелять они будут исправно, сейчас ломаем голову над тем, как компенсировать реактивные импульсы от выстрелов.

— Не устанавливайте орудий в люках, которые расположены вдоль бортов, — машинально ответил Вадим, понимая, что каждый выстрел, произведенный в космосе, будет передавать кораблю импульс, противоположный направлению полета выпущенного снаряда.

— Поясни, — нахмурился Сергей.

— Ставьте орудия по оси симметрии в носовой или кормовой части корабля. Стрельба из носовых орудий будет тормозить полет, а из кормовых, наоборот, увеличивать скорость. С этими помехами я справлюсь, регулируя тягу двигателя. А если вы поставите орудия по бокам, перпендикулярно оси симметрии, меня просто начнет крутить и швырять из стороны в сторону.

— Да, ты прав. Нужно сходить к полковнику.

— А он тут при чем?

— Он командир. Без его санкции ничего не сделаешь. Ладно, сейчас схожу…

— Если убрать боковые орудия, то корабль станет уязвим при атаке сбоку, — произнес молчавший до сих пор Хьюго. — Может, стоит установить компенсаторы импульса в точках, диаметрально противоположных боковым орудиям, и синхронизировать их? Обыкновенная реактивная струя, например, выпущенная из баллона с газом, может погасить нежелательный импульс, полученный при стрельбе.

— Прекрасная идея… — поддержал андроида Сергей. — Соорудить и отладить такое устройство несложно, а челнок получит дополнительную защиту с бортов. Можно еще придать струйным компенсаторам возможность поворота на небольшой угол, — тут же начал развивать он подхваченную мысль, — и тогда начнется медленное вращение корпуса.

— Что это даст? — спросил Вадим, который пока что рассматривал

все нововведения с точки зрения пилотирования.

— Снаряды пойдут не в одну точку, а будут расходиться по окружности. Заградительный огонь.

Вадим сел на пустой перевернутый ящик.

Развороченное нутро шаттла, военный тягач, наполовину въехавший в ангар, старые, востребованные с консервационных складов орудия, технические споры — все это плохо укладывалось в голове, создавало какую-то отчужденность от событий, словно все происходило не с ним…

Ведь еще вчера был обычный нормальный день, да и утро начиналось по-человечески…

Посмотрев на Хьюго, который, взяв обычный белый маркер, уже чертил на обшивке грузопассажирского орбитального челнока примерные места для установки струйных компенсаторов, он понял, что вчерашний день навек канул в прошлое, — все изменилось внезапно, но надолго.

Сидя на перевернутом ящике и глядя, как андроид водит маркером по броне сугубо гражданского космического корабля, Вадим Нечаев не понимал, что именно сейчас, здесь происходят события, которые потом будут названы историческими, о которых напишут сотни книг…

Нет. Он не понимал этого, как не мог предвидеть своей судьбы, лишь подспудно ощущал надвигающуюся на него неизбежность, словно в душе росла, ширилась пропасть между этим мигом и всем, что было раньше, как будто расползалась в душе полоса отчуждения…

Были на Кьюиге такие зоны, где раньше происходили столкновения между воюющими сторонами. Земля там до сих пор носила шрамы сражений, была изрыта воронками и ходами сообщения, никто не жил на этих территориях, хотя там, причудливо смешавшись, прижилась и завезенная с Земли, и местная флора…

Он подумал об этом вскользь, ощущая полную растерянность. Растерянность и отчужденность — эти два чувства, однажды поселившись в душе Вадима, остались в ней надолго, до первого настоящего боевого вылета.

* * *

Кьюиг. Декабрь 2607 по летосчислению Земли

Почти полгода контингент пилотов, переведенных на казарменное положение, жил неофициальными слухами, которые волей-неволей просачивались за бетонное ограждение космического порта планеты.

Вадим вместе с другими пилотами шаттлов все это время посвятил

изнурительным тренировкам. Свой собственный, хорошо знакомый челночный корабль приходилось в буквальном смысле осваивать заново.

Конечно, он знал больше, чем рядовые граждане Кьюига, — ежедневно до их сведения доводились последние новости, которые, как правило, заключались в одной и той же набившей оскомину формулировке: Дабог бомбят, он заключен в кольцо орбитальной блокады, но люди, уцелевшие после первого ядерного удара и укрывшиеся в подземных бункерах, по-прежнему держатся, сковывая на орбитах основные силы противника.

Затем как гром среди ясного неба одна за другой пришли две новости. Исчез флагман космического флота, блокировавшего Дабог. Тяжелый крейсер «Тень Земли» был вовлечен в воронку спонтанного гиперперехода. Одному из малых кораблей, защищавших планету, удалось подобраться вплотную к исполину и включить секции гипердрайва своего корабля. Образовавшаяся аномалия пространства-времени вовлекла в свой гибельный водоворот и маленький инициировавший ее корабль, и огромный крейсер.

Это была первая значительная победа и первая ощутимая потеря: пилотом, совершившим столь отчаянный маневр, был Игорь Рокотов, тот самый человек, который, управляя семейным аграрным роботом, сумел остановить первую волну вторжения на Дабог.

Куда забросила гиперсфера два корабля и появятся ли они вновь на исторической сцене событий в ближайшем отрезке времени, оставалось только гадать. Гиперсфера могла вывести их как к соседней звезде, так и на окраину Галактики. «Слепой рывок», совершенный без скрупулезных расчетов, всегда оканчивался неподдающейся вычислению точкой обратного выхода.

Вторая новость была еще более ошеломительна. Воспользовавшись моментом, бывшие транспортные суда объединенного флота трех колоний: Элио, Кьюига и Рори, все это время скрытно проходившие переоснащение на безвоздушной луне Стеллар, прорвали орбитальную блокаду Дабога.

Часть кораблей завязала бой с четырьмя оставшимися на орбите крейсерами, а большинство транспортов совершило посадку на Дабог для эвакуации остатков населения многострадальной планеты, все это время сдерживавшей наступление космического флота Земли на иные миры.

Прорыв блокады был успешен, с Дабога удалось вывезти не только беженцев, но и часть исполинских шагающих роботов, которые наводили ужас на силы вторжения Земного Альянса.

Затем корабли, принимавшие участие в операции, образовали два

конвоя, которые взяли курс в направлении Элио и Кьюига соответственно.

Не все прошло так гладко, как казалось из первого сообщения: конвой, отступавший к Элио, был атакован силами третьего ударного флота Земли, появившегося в районе Дабога уже после того, как последний транспортный корабль покинул поверхность сожженной ядерными бомбардировками планеты.

Следуя за отступающими кораблями, третий флот вышел к Элио, где был встречен силами самообороны планеты. На Элио упала одна-единственная орбитальная бомба, но и она нанесла непоправимый ущерб. Был разрушен Раворград — столица планеты, отстроенная на месте исторической посадки колониального транспорта «Кривич» на берегу залива Эйкон.

Встретив жесткое сопротивление на орбитах Элио, флот Земного Альянса отступил и исчез в гиперсфере. Теперь его внезапного появления могла ожидать любая планета, тем более что на орбиты Дабога к тому времени вышло еще несколько крейсеров далекой прародины.

Блокада многострадальной планеты возобновилась, не все население согласилось улететь на прорвавшихся транспортах — в подземных бункерах остались наиболее отчаявшиеся, потерявшие семью, душу и разум в непрекращающемся котле планетарных бомбардировок.

Дабог по-прежнему сопротивлялся, хотя на его поверхности уже наступила ядерная зима…

* * *

Первый транспорт с беженцами совершил посадку в космическом порту Кьюига поздним вечером, когда солнце в безоблачном небе уже склонилось к горизонту, окрашивая землю, дома и деревья в закатный багрянец.

Вадим вместе с Хьюго вышел на стартопосадочное поле.

Зрелище, представшее их взглядам, было зловещим и удручающим.

Нечаев хорошо помнил один из наиболее вместительных грузопассажирских кораблей космофлота Кьюига — транспорт «Игла», который теперь, после реконструкции, именовался крейсером.

Корабль возвышался посреди стартопосадочного поля мрачной, потрескивающей при остывании обтекаемой глыбой. Включившиеся по периметру посадочной площадки прожектора разогнали сгущающиеся сумерки, рассеяли багрянец последних солнечных лучей, и в их режущем глаз свете стали видны тысячи выщербин, покрывающих броню «Иглы», в глаза бросались сбитые и покореженные надстройки, несколько уродливых

дыр, насквозь пробивших обшивку корабля и вызвавших полную декомпрессию в части отсеков…

Глядя на «Иглу», Вадим не мог понять, как корабль сумел дотянуть до Кьюига и совершить посадку…

Наконец, когда корпус крейсера немного остыл, гулко взвыв моторами, открылись все четыре грузопассажирские аппарели.

По трапу начали спускаться люди. Они шли поодиночке и парами, без багажа, в потрепанной, изношенной одежде… Их лица были бледными и осунувшимися. Худоба беженцев, серая одежда, их одинаковые короткие стрижки делали неотличимыми мужчин от женщин, все сливалось в единый людской поток, из которого выделялись разве что дети…

Такие же бледные и осунувшиеся, с огромными глазами на исхудалых лицах, они смотрели на открывшийся их взглядам нетронутый войной мир с равнодушием стариков…

Вадиму стало жутко от этих сцен.

Хьюго, с которым он успел не только свыкнуться, но и сдружиться в период изматывающих тренировок, стоял рядом, будто изваяние, ни разу не взвизгнув своими сервомоторами, словно и он понимал трагизм момента, страшась нарушить гробовую тишину, окутавшую космопорт.

Ее внезапно разорвал другой звук.

По правой аппарели, которая предназначалась для груза, внезапно пробежала конвульсия, будто металл пандуса испытал несвойственную, запредельную для него нагрузку.

Вадим невольно вздрогнул, переведя взгляд в сторону нового источника звука.

В недрах космического корабля что-то глухо взвыло. Нечаев еще не знал, что с таким характерным воем раскручиваются гироскопы самостабилизирующих систем шагающих аграрных исполинов Дабога.

Прошло не менее минуты, прежде чем раздался звук мощных сервомоторов, и пандус содрогнулся, когда на его наклонную плоскость, покрытую рифленым железом, ступил четырехпалый ступоход, с одним коленным шарнирным соединением и четырьмя свободно сочлененными, цепкими, как когти птицы, механическими пальцами, каждый из которых был размером в половину человеческого роста.

Шагающий механизм, появившийся из чрева корабля, выглядел жутко и необычно. Огромная, покрытая броней камуфлированная птица — вот первое впечатление, возникшее у Вадима при взгляде на вытянутый контур пятнадцатиметровой высоты, в лобовой части которого зеленовато светились два узких, чуть раскосых разреза брони, исполняющих роль

оптических триплексов.

Если проводить аналогии с доступными разуму биологическими прототипами, то у машины были ноги кузнечика, вытянутое туловище хищной птицы, а все остальное не поддавалось никаким сравнениям. Над загривком машины, чудь сдвинутые к ее задней части, выступали два горба горнопроходческих лазерных установок, каждая из которых имела мощность в двести пятьдесят мегаватт и могла резать скалы, как режет горячий нож кусок затвердевшего масла.

Неудивительно, что боевые планетарные машины Земного

Альянса, высадившиеся на Дабог, потерпели сокрушительное поражение при встрече с этими аграрными кибермеханизмами.

Техника колонистов за четыреста лет изоляции развивалась, сообразуясь с нуждами освоения той или иной планеты, и в мирах, которых не коснулись деградация и упадок, некоторые образчики робототехники намного превосходили разработки далекой Земли, а ступоходы Дабога вообще не имели аналогов ни на одной из планет…

Они были созданы из-за топкой болотистой почвы материков, где вязли и тонули вездеходы, а также из-за царивших на Дабоге огромных чудовищ, которых первые колонисты по привычке называли «динозаврами».

Силы вторжения Земного Альянса потерпели поражение и не смогли овладеть планетой по той причине, что вся первичная инфраструктура колонии, из-за упомянутых факторов местной биосферы, располагалась под землей, в глубоко эшелонированных бункерах. Две сотни лет люди жили и работали в убежищах, пока механические исполины, подобные этому, только что сошедшему с аппарели «Иглы» шагающему роботу, расчищали и мелиорировали топи, боролись с гигантскими жизненными формами планеты, вытесняя их с расчищенных территорий, где насаждались гибридные растения, позже получившие название «Дерево Бао». Только в течение двух последних столетий жители Дабога смогли постепенно переселиться на поверхность освоенного машинами участка материка, где и заложили пять городов, соединенных инфраструктурой дорог, между которыми располагались плантации упомянутого дерева, чьи плоды, богатые растительным протеином, стали основой сельского хозяйства и главной статьей импорта в зарождающейся межзвездной торговле.

Кроме плодов дерева Бао, Дабог производил много робототехники.

Все автоматические производства по-прежнему оставались под землей, — не было смысла переносить их на поверхность, а шагающие исполины остались не у дел, — казалось, их время прошло, кануло в лету,

пока не грянул тот роковой день орбитальной бомбежки…

Глядя на изможденных людей, поврежденный в космическом бою корабль и огромного робота невиданной конструкции, броню которого также покрывали выщербины и ожоги, Вадим впервые увидел *войну*…

Он еще не знал, что буквально на следующий день она докатится до родного Кьюига.

Глава 4

Космопорт Кьюига

Вадим проводил взглядом удалявшегося в сторону ангаров для техники огромного шагающего робота и подумал, что разгрузка окончена, но он ошибся… Если вид космического корабля, покинувших его беженцев и шагающей машины дали ему возможность визуально соприкоснуться с некоторыми внешними признаками идущих далеко отсюда боевых действий, то секунду спустя состоялось первое *моральное* соприкосновение души Вадима Нечаева с войной…

…Человека, который последним появился в открытом проеме пассажирского люка «Иглы», он знал очень хорошо, — с Димой Дороховым они учились на одном курсе в школе астронавтики на Элио… Но когда пилот севшего корабля остановился на верхней ступени трапа и усталым движением стянул с головы мягкий полушлем, подставляя разгоряченное лицо прохладному ночному ветру, то Вадима будто ударило током. Трудно было не заметить, что короткий ежик волос на голове Дорохова был абсолютно седым, словно у столетнего старика…

Узнав Диму, Нечаев дернулся навстречу, но замер, внезапно осознав, что на верхней ступени трапа, глядя вслед нестройной толпе беженцев, стоит совершенно иной, незнакомый ему человек.

«Сколько же они не виделись?!..»

Каких-то полгода, услужливо подсказало сознание, — с того рокового дня, как по каналам гиперсферной частоты прошло злополучное выступление Джона Хаммера…

Нечаев снова посмотрел на Диму и опять вместо улыбчивого, добродушного ровесника увидел иного человека — молчаливого, собранного, смертельно усталого, со взглядом, устремленным в глубь самого себя…

Это было… страшно. Оставаясь вне освещенного прожекторами круга, Вадим видел, как Дорохов медленно спустился по трапу и вдруг присел на его нижней ступени, глядя в кромешную тьму кьюиганской ночи. Он выглядел так, словно только что выкарабкался со дна собственной могилы…

Вадим еще не знал, что Дима был *единственным*, кто остался в живых из всего личного состава «Иглы», а седина его коротко стриженных волос не могла отразить и сотой доли того, что сломалось, состарилось и умерло

в душе молодого пилота…

Нет, его не покинули силы на нижней ступени трапа, — просто, проводив взглядом последнюю истощенную фигуру, скрывшуюся внутри машины «Скорой помощи», Дорохов вдруг понял, что, вопреки всем обстоятельствам, все же довел «Иглу» до порта назначения… и спешить теперь абсолютно некуда. Можно было сесть и на минуту оцепенеть, закрыть глаза, чтобы прочувствовать внутри себя это ошеломляющее чувство личной победы, но… Он действительно закрыл глаза и увидел… снег.

* * *

Дабог… За несколько дней до посадки «Иглы» в космопорту Кьюига

…Снег ядерной зимы медленно кружился в сумраке, заполняя своей пеленой все пространство между обугленной землей и свинцовыми небесами.

В рубку управления «Иглы» врывались картины и звуки, воссоздающие зыбкую реальность окружающего мира, который уже сотни раз был обречен на гибель, но жил вопреки всему…

Дорохов сидел за пультом управления, готовый в любую минуту поднять корабль с поверхности планеты, и невольно впитывал разумом сумеречный пейзаж.

Где-то далеко и глухо лаяла зенитная установка, тщетно пытаясь вспороть свинцово-серое подбрюшье облаков тонкой, прерывистой строчкой трассирующих снарядов… Спустя секунду в той стороне в небеса с шипением разрядился лазер, озарив окрестности рубиновой вспышкой, затем из-за опаленных бугров, которые оплыли, обретя квадратную форму спрятанных под спекшейся почвой железобетонных укрытий, с тонким воем в небо ушли два ослепительных факела ракет…

Рядом с местом посадки был виден лес. Черные стволы без листьев, с ободранными сучьями, поваленные в одном направлении, — так положила их взрывная волна атомной бомбардировки.

Это был Дабог… и снег, падающий с небес, казался похожим на пепел — такой же серый, как роняющие его облака, такой же мертвый, как корявые скелеты почерневших деревьев, такой же, как…

Мысли Дмитрия, на миг погрузившие разум в зловещую панораму Дабога, были нарушены появлением первых беженцев, которые группами начали выходить из-под земли через раскрывшиеся створы убежища.

«Их лица неотличимы от снега и неба…» — подумал Дорохов, содрогаясь от этих первых впечатлений, так глубоко и больно ранивших душу.

Он попросту не подозревал, что будет дальше.

Вокруг на сожженной дотла, а затем промерзшей насквозь земле стояли пять подобных «Игле» кораблей. Они составляли конвой под кодовым названием «Кью-5». Все «малые крейсера» являлись грузопассажирскими судами, переоборудованными для ведения боевых действий на космоверфи безвоздушной луны Стеллар, обращавшейся вокруг планеты Рори.

Дорохов не любил вспоминать месяцы подготовки, что предшествовали его появлению тут. В отличие от Вадима, Дмитрию было что терять: на Кьюиге у него остались родители и сестра, поэтому он тяжело воспринял свою неожиданную командировку на Стеллар.

На безвоздушной луне он чувствовал себя неуютно. Невидимый пузырь электромагнитного поля, удерживающий воздух над участком мертвой поверхности, в глубине которой располагались сборочные цеха знаменитой и единственной пока космоверфи колоний, не казался ему надежной защитой от вакуума, но выбирать не приходилось — сразу после посадки закипела работа по реконструкции гражданских судов, и именно тогда Дорохов начал понимать, что война пришла всерьез и надолго.

Теперь он увидел ее воочию.

…Снег ядерной зимы, медленно кружа, укрывал проталины человеческих следов.

Корабль наполнялся удручающе медленно, в какой-то момент Дмитрию стало казаться, что людей, уцелевших после ядерных бомбардировок Дабога, насильно приходится отлавливать в запутанных лабиринтах бункеров, чтобы для их же блага увезти с этой мертвой, ужасной планеты, обращенной в прах и напрочь лишившейся самого понятия «жизнь»…

Серые истощенные беженцы, прошедшие сквозь ад ядерных бомбардировок, казались ему выходцами с того света, он боялся встречаться с ними взглядом, потому что в этих людях, без скидок на возраст и пол, жила уже не ненависть к обрушившимся с неба захватчикам, а пустота…

Наверное, поэтому Дорохов не испытал облегчения, когда получил долгожданную команду на старт, — ему всерьез казалось, что вместе с людьми на борту их корабля улетает частица этой зловещей планеты, чье название на долгие годы станет синонимом слова «апокалипсис»…

* * *

Пять космических кораблей, вытянувшись в цепочку, медленно удалялись от серо-коричневого шара планеты, мимо красной, окруженной пылевым облаком луны, в сторону открытого космоса, в котором царили яркие, немигающие россыпи звезд.

…Шел шестой месяц Первой Галактической войны, — страшный для всего Человечества год медленно подходил к своему календарному финалу, но война, презирая даты, только разгоралась.

Первые атаки на Дабог не принесли желаемого успеха, и теперь противостояние Земного Альянса и Колоний приобрело особую остроту, оно обозначилось вступлением в активную борьбу других развитых планет сектора, постепенно поднимаясь к той наивысшей точке напряжения, когда совокупная мощь действующих в космосе разрушительных сил могла поставить под сомнение дальнейшее существование людей как биологического вида.

Ударный флот Земного Альянса, который должен был одним усилием раздавить сопротивление нескольких развитых колоний и тем самым открыть десятки кислородных планет для повторной колонизации людьми, желавшими эмигрировать из перенаселенной Солнечной системы, «завяз» в системе Дабога…

Полгода продолжалась орбитальная блокада планеты, и вот она была прорвана, всего на несколько дней, но этого хватило, чтобы транспортные корабли, ждавшие удобного момента на орбитах Стеллара, успели совершить прыжок к планете для эвакуации оставшихся в подземных убежищах людей

Теперь дело оставалось за малым — благополучно развить крейсерскую скорость и достичь точки гиперпространственного перехода.

…Командир ракетного крейсера «Люцифер» смотрел, как медленно ползут по чернильному полотнищу пространства яркие точки транспортных кораблей конвоя, и в душе офицера гнездилось столько недобрых предчувствий, что впору было просто закрыть глаза…

Три дня назад они прорвали блокаду, заставив корабли Земного Альянса уступить неистовому напору, — четыре тяжелых крейсера, в отсутствие загадочно исчезнувшего накануне флагмана, не выдержали атаки и ушли в гиперсферу.

Орбиты Дабога были чисты, но надолго ли.

Он понимал: нет, не надолго, и лимит отпущенного на эвакуацию

времени уже практически истек. Если бы ретировавшиеся крейсера Земли знали, что предпринятая три дня назад атака была сплошным блефом — акцией отчаяния в попытке спасти последних защитников Дабога…

Действительно, среди атакующих было только два реальных боевых корабля, остальные являлись либо оптическими фантомами, либо старыми транспортами без экипажей, начиненными взрывчаткой «брандерами», идея которых была заимствована из древних книг.

Но, тем не менее, безумству храбрых на этот раз покровительствовала фортуна, и гигантский обман удался, — четыре крейсера, способные сокрушить целую звездную систему, предпочли уйти в гиперсферу, когда их корабли поддержки начали подрываться при столкновениях с транспортами-камикадзе.

Это дало возможность десяти эвакуационным судам выйти на низкие орбиты Дабога, совершить посадку и забрать не только беженцев, но и произведенные на подземных заводах непокорной колонии космические истребители.

Теперь пришла пора платить настоящую цену и за проявленную дерзость, и за удачу, и за пять тысяч вызволенных из блокады защитников планеты. Капитан «Люцифера» был прагматиком, он смотрел правде в глаза и прекрасно понимал, кому именно будет предъявлен смертельный счет в случае, если корабли противника появятся в точке гиперпространственного перехода в течение ближайших часов…

Первый конвой, отступавший в сторону планеты Элио, уносил не только беженцев, но и произведенную на подземных заводах Дабога новейшую космическую технику. Он уже покинул зону низких орбит и двигался к точке погружения в аномалию космоса.

Второй конвой, который по плану уходил к Кьюигу, задерживался. С планеты передавали, что никак не могут собрать всех людей, — связь между отдельными подземными убежищами была нарушена бомбардировками, и эвакуация затягивалась.

Первый конвой благополучно миновал опасный участок, и его головной корабль начал переход в аномалию космоса.

…Через пятнадцать минут резкий, неприятный зуммер заработавшего радара и последовавшее тут же завывание ревунов общекорабельной тревоги возвестили о том, что дурные предчувствия не обманули командира ракетного крейсера «Люцифер».

В этот страшный миг, когда на салатовом фоне радарного окна начали вспыхивать красно-коричневые точки, он мысленно молил лишь об одном — чтобы их жертва не оказалась напрасной и корабли второго

конвоя успели развить необходимую для погружения в гиперсферу скорость…

— …Осмотреться в отсеках! Боевая тревога! Пеленг пятнадцати объектов. Гиперсферное всплытие в сорока тысячах километров от точки рандеву!

В данном случае координаты и дистанция отсчитывались от условной точки встречи, где должны были пересечься курсы кораблей прикрытия и конвоя «Q-5», который, по данным двусторонней радиосвязи, уже стартовал с планеты и находился в зоне низких орбит Дабога.

Пять транспортных кораблей с беженцами на борту выкарабкивались сейчас со дна гравитационного колодца, образованного тяготением планеты. Для безопасного перехода в гиперпространство им предстояло преодолеть не менее десяти миллионов километров, двигаясь в трехмерном космосе.

Стоило ли говорить, что транспортные суда, пройдя реконструкцию на луне Стеллар, все же не годились для полноценного противостояния с боевыми крейсерами прародины.

Два более или менее боеспособных крейсера — «Люцифер» и «Параллакс» — осуществляли их прикрытие, иных кораблей в секторе не было. В составе «эскадры», после увенчавшегося успехом прорыва блокады, уже не осталось ни оптических фантом-генераторов, ни автоматических кораблей-самоубийц. Неподалеку от «Люцифера» в космосе завис единственный оставшийся в резерве беспилотный корабль, начиненный взрывчаткой…

Командир корабля продолжал наблюдать, как множатся сигналы в точке гиперсферного всплытия, и постепенно Эрика Эмолайнена начала охватывать непроизвольная дрожь. Приборы показывали, что из пучин аномалии космоса осуществляют «обратный переход» как минимум пятнадцать тяжелых крейсеров и около полутора сотен малых судов поддержки.

Это были объединенные силы трех ударных флотов Земного Альянса, — они возвращались в систему Дабога, но не затем, чтобы специально перехватить конвои, — у командования Альянса имелись свои цели: начиналось новое генеральное наступление, никак не связанное с дерзким набегом колонистов на систему непокоренной планеты.

Роковое совпадение во времени и пространстве — вот чем это было на самом деле. По генеральному плану Земного командования, система Дабога являлась точкой промежуточного всплытия, и после выхода в

трехмерный космос флоты должны были разделиться. Первый оставался в точке гиперпространственного перехода, чтобы наконец сломить сопротивление ненавистной планеты, второй ударный флот развивал атаку на Кьюиг, третий, соответственно, на систему планеты Элио…

Командир «Люцифера» ничего не знал о планах Земного генерального штаба. Он видел лишь сонмище алых меток, которые группировались в энергетически выгодной точке гиперсферного всплытия системы, и понимал, что двум имевшимся в его распоряжении кораблям никак не совладать с формирующейся на глазах армадой.

Однако он должен был что-то предпринять, ведь пять транспортов: «Европа», «Ио», «Игла», «Гермес» и «Вольф» уже миновали зону низких орбит планеты и, развивая крейсерскую скорость, легли на курс, ведущий к точке, где корабли конвоя могли беспрепятственно осуществить переход в аномалию космоса.

Это был миг отчаяния, осознания собственного бессилия и в то же время момент предрешенности, потому что командир «Люцифера» понимал: его долг — так или иначе отвлечь на себя движение формирующихся на глазах армад, чтобы позволить конвою ускользнуть из-под удара…

Несколько секунд он смотрел на экран радара, оценивая диспозицию алых и зеленых меток, а затем обернулся к старшему офицеру ракетного крейсера.

— Анри, передай на «Параллакс», мы атакуем земные силы немедленно, пока они еще не сформировали боевое построение.

Ответом ему послужил молчаливый кивок.

Приказ едва успели передать, как неподалеку от двух ракетных крейсеров и зависшего подле них беспилотного брандера радары зафиксировали новое возмущение аномалии космоса.

— Гиперпереход! Дистанция — две тысячи километров! — Голос вахтенного звучал так напряженно, что, казалось, его слова натягиваются звенящей нитью…

Спустя две минуты стало ясно — это не враги, а негаданная, но пришедшая в самый напряженный момент помощь. Всплывающие корабли тут же были опознаны системами взаимного обмена кодами.

Завершающие переход корабли являлись беспилотными конструкциями. Они стартовали из системы Стеллара, чтобы поддержать отступающие от Дабога силы, и подоспели как раз вовремя. Командир «Люцифера» испытал облегчение, хотя поводов для этого было мало — шесть космических кораблей поддержки не могли вести длительный и

эффективный бой, — они несли на своем борту отделяемые модули фантом-генераторов, а сами являлись автоматическими самоубийцами — единственным действенным средством борьбы против Исполинских земных крейсеров и сонмищ прикрывающих их космических истребителей.

Командиру «Люцифера» потребовалось всего несколько минут, чтобы вновь оценить ситуацию и принять правильное решение.

— Действуем следующим образом, — он уже не обращал внимания на тягостную обстановку в рубке управления, — разум командира погрузился в мир данных, поступающих с десятков расположенных вокруг его кресла мониторов. — Кораблям поддержки выпустить «призраков». Включить режим имитации полноценных боевых кораблей. Общее атакующее построение — ромб. «Люцифер» и «Параллакс» занимают позицию в центре построения. Включение маршевых двигателей по последнему сигналу готовности! Мы атакуем их!

* * *

Борт грузопассажирского лайнера «Европа». То же время

— Сэр, пеленг правого борта, дистанция — триста тысяч километров! Множественные сигналы. Построение в виде атакующего конуса. Это корабли Альянса!

Командир «Европы» капитан Огюст Дюбуа мрачно посмотрел на данные радарного отсека.

— Это три ударных флота Земли в сопровождении кораблей поддержки… — спустя несколько секунд, прищурясь, заключил он.

— Сэр, еще один пеленг! — доложил оператор радарного отсека. — Шестьдесят сигналов, построение — ромб. Малотоннажные суда.

— Это наши. — Дюбуа остановился напротив тактической компьютерной карты, что проецировалась на прозрачную стену, делившую надвое ходовую рубку «Европы». — Господа… — Он повернулся к офицерам, которые молчаливой группой собрались подле операторских кресел в ожидании его команд. — Господа… — немного тише повторил он, и его голос хрипло прозвучал в наступившей тишине. — После эвакуации основных сил можно считать, что Дабог пал, и теперь между тремя ударными флотами Земли и системами Рори, Элио и Стеллара стоим только мы да вот эта горстка наспех переоборудованных грузовых кораблей.

Он помолчал, поочередно переводя взгляд с одного лица на другое.

— У нас на борту беженцы. «Европа» не боевой крейсер, а грузопассажирский корабль, но, тем не менее, — Огюст остановился, и его

голова слегка качнулась на фоне бледной россыпи звезд в скоплении Плеяд, — тем не менее, наш корабль наиболее боеспособная единица в составе конвоя, и, исходя из этого, я отдаю приказ: атаковать неприятельский флот!

По рядам офицеров пробежал легкий вздох. Дюбуа ждал, но никаких возражений не последовало. Лишь смертельная бледность покрыла многие лица.

— На карту брошены не только наши жизни… — Продолжил он. — Жизнь многих миллионов людей на десятках планет висит сейчас на волоске. Если ударные силы противника прорвутся к Элио, Рори и Кьюигу, то остальные колонии падут… это предрешено.

Мы не знаем, сколько заселенных планет разведано силами Земного Альянса, но ясно, что все неизвестные нам цивилизации технически менее развиты, чем наши миры, — у них нет даже такой горстки кораблей, чтобы противостоять захватчикам, иначе мы бы уже давно знали об их существовании…

Он на минуту замолчал, а потом продолжил все в той же гробовой тишине, которую нарушали лишь попискивающие сигналы с пультов управления «Европы»:

— План Земного командования очевиден. Они атакуют наши миры, чтобы получить в свои руки либо уничтожить всю прогрессивную техническую базу колоний. Тогда остальные, известные нам или все еще пребывающие в информационной изоляции планеты неизбежно падут перед мощью крейсеров-уничтожителей. Пепел Дабога — свидетельство их намерений, их образа действий, их жестокости…

Слова, тяжелые, емкие, словно свинцовые плевки, срывались с губ капитана.

Он предлагал им выбрать между неминуемой смертью и позором.

Никто не захотел выбирать.

— Хорошо… — Дюбуа вновь остановился. — В нашем распоряжении меньше часа. Приказываю всем офицерам спуститься на пассажирские палубы. Беженцы должны покинуть «Европу» на спасательных кораблях. Их примут четыре крейсера конвоя, который продолжит движение. Здесь останутся лишь те, кто решит сражаться вместе с нами. У меня все…

Капитан внезапно отвернулся, словно не мог больше смотреть в лица тех, кого своим решением обрек на смерть.

* * *

Грузопассажирский лайнер «Европа» являлся самым большим

космическим кораблем в составе конвоя, только что покинувшего зону низких орбит планеты Дабог.

В пространстве, где всего полчаса назад царили лишь яркие, немигающие россыпи звезд да плыла по своей орбите пыльная, красноватая луна — естественный спутник многострадального Дабога, вдруг началось настоящее светопреставление.

В трехстах тысячах километров от планеты открывшаяся воронка аномалии космоса вдруг начала выбрасывать в трехмерный континуум десятки боевых кораблей противника. Они всплывали группами. Крейсер плюс окружающие его вспомогательные суда, которых насчитывалось по десять-пятнадцать на каждую ведущую боевую единицу сил Альянса. Алые метки сигналов покрывали экраны тактических мониторов плотными симметричными скоплениями, словно электронные приборы решили нарисовать новую карту звездного неба, где далекие светила заменили бы собой искусственные небесные тела.

Так получилось, что прикрывающие конвой «Люцифер» и «Параллакс» оказались далеко в стороне от точки гиперсферного всплытия земных армад.

Разобравшись в хаосе сигналов, Дмитрий с предательским холодком, пробежавшим по спине, осознал — между ними и земным флотом в данный момент нет ни единого корабля прикрытия, и тут же он получил приказ: «Снизить тягу маршевых двигателей!»

Спустя мгновение, выслушав передачу с борта «Европы», он понял смысл отданной ему команды. Капитан Дюбуа собирался вступить в бой, прикрывая их отступление, и в данный момент его корабль, замыкающий движение конвоя, отстреливал спасательные капсулы с беженцами.

Их следовало принять на борт и отступать, уже не оглядываясь, спасая жизни тех, кого удалось забрать из подземных бункеров Дабога.

В ближнем космосе хаотично замелькали вспышки стартующих капсул. В их свете на экранах умножителей был виден корпус «Европы». Дорохов сумел различить плавные обводы самого крупного корабля транспортного флота родной планеты, заметить, как матово поблескивает наиболее уязвимое место корабля, сконструированного для сугубо мирных перелетов, — в свете двигателей стартующих капсул была видна оранжерея «Европы», чей купол, исполненный из герметичного пластика, наверняка будет разрушен первым же попаданием ракеты или снаряда.

«Впрочем, Дюбуа опытный капитан, и декомпрессия оранжереи вряд ли затронет иные отсеки его корабля», — подумал Дмитрий, поворачивая «Иглу» при помощи маневровых двигателей таким образом, чтобы

расположенные в ряд аварийные стыковочные узлы были сориентированы в ту сторону, где приборы фиксировали наибольшее количество спасательных капсул.

Стыковкой полностью управлял бортовой компьютер «Иглы», и в распоряжении Дмитрия внезапно оказалось еще несколько свободных минут.

Лучше бы их не было, — когда работаешь, некогда думать о чем-то, кроме управления кораблем, но сейчас, вольно или невольно, он смотрел на окружающие его тактические мониторы и видел всю картину назревающих событий.

Красновато-серый Дабог, укрытый плотной пеленой радиоактивной облачности, уже сполз на экраны заднего обзора. Мониторы оптических умножителей показывали, как заканчивает гиперпространственный переход очередной крейсер Земной армады. Вот остроносый клиновидный корпус начал проявляться там, где минуту назад была лишь чернота. Сначала это казалось призраком корабля… его оптическим фантомом, но с каждой секундой контуры крейсера становились все четче, словно изображение наполнялось изнутри неким веществом…

Рядом, повторяя маневр флагмана, набирали физический объем корабли поддержки — не менее десяти судов различной конфигурации и назначения.

Неизвестно, была эта акция земного флота специально синхронизирована с моментом эвакуации беженцев, или произошло фатальное совпадение, но факт оставался фактом — в трехстах тысячах километров от конвоя выстраивались в боевые порядки крейсера трех ударных флотов Альянса, а если присовокупить к ним корабли поддержки, каждый из которых ничуть не уступал в своем вооружении и ходовых качествах переоборудованным транспортам колонистов, то получалось, что в ближнем космосе в данный момент находилось уже около ста пятидесяти кораблей противника.

Дорохов понимал — их конвой обречен. Они не успеют набрать нужную скорость и выбраться из цепких объятий тяготения Дабога, а триста тысяч километров — это не дистанция в условиях космоса, и истребителям противника понадобится менее получаса, чтобы настичь их…

Взглянув на мониторы, отражающие позицию «Люцифера» и «Параллакса», Дмитрий внезапно увидел, что вместо двух кораблей в пространстве движется ромб, построенный из шести десятков судов различного тоннажа.

Это было приятной, даже ошеломляюще-приятной новостью для человека, который уже мысленно готовил себя к неизбежной и безнадежной схватке… Дорохов подумал, что пропустил момент, когда в трехмерном космосе появился флот, сформированный на Стелларе. Наверное, он слишком увлекся подавляющим психику зрелищем гиперсферного всплытия земных крейсеров.

Быстро просчитав курс, которым двигались вновь прибывшие корабли, Дмитрий сразу же понял — ромб нацелен в самый центр Земной армады и собирается атаковать плотное скопление кораблей, пока те не закончили маневр построения боевых порядков.

Выходило, что для обеих противоборствующих сторон встреча в районе Дабога оказалась неприятной неожиданностью, — земные корабли маневрировали на опасных скоростях, стремясь поскорее занять свои места, но они явно опаздывали: скорость движения атакующих кораблей колонистов неуклонно возрастала, что наводило на мысль об автоматических беспилотных судах…

Откуда Дмитрию было знать, что в подавляющем большинстве атакующий ромб составлен из оптических фантомов — устройств, проецирующих вокруг себя визуальный контур корабля. Нехитрое приспособление обладало сильным искусственным источником гравитации, работа которого имитировала массу настоящего корабля, что до последнего рокового мига обманывало любой электронный детектор.

Последней и немаловажной составляющей кораблей-призраков был заряд взрывчатого вещества, который в критический момент должен был разрушить гравитационный генератор. Такая резкая смена тяготения, совмещенная со взрывом, могла серьезно повредить любой корабль, находящий в непосредственной близости от фантома.

Блеф, технический обман, плюс самопожертвование людей — вот из чего складывались первые, поначалу совсем незначительные победы только зарождающегося флота Свободных Колоний…

* * *

«Европа» отошла от конвоя, когда последние спасательные капсулы с беженцами только приближались к оставшимся четырем транспортным судам.

Капитан Огюст Дюбуа отлично видел атакующий ромб, который, набирая скорость, стремился к точке гиперпространственного всплытия, где продолжали материализовываться последние два крейсера противника, окруженные вспомогательными судами поддержки, но опытный капитан,

уже дважды вступавший в единоборство с отдельными кораблями Земного Альянса и прекрасно осведомленный о конструирующейся на Стелларе технике, понимал: в бой идут корабли-призраки, и весь обман обернется разрушением нескольких земных кораблей в ближайшие четверть часа.

Атака на основные силы флота не задержит космические истребители, которые уже выплюнул в космос головной крейсер Земной армады. Между стремительно приближающимися точками и отступающим конвоем по-прежнему находилась только «Европа».

— Внимание на постах! Вращение на корпус! Всем блистерным отсекам, огонь на поражение не открывать. Ставим стену заградительного огня.

Это было страшно и потрясающе одновременно.

Огромный корабль, отделившись от конвоя, лег на встречный курс, двигаясь «в лоб» космическим истребителям, но те, не желая связываться с ним, начали расходиться в стороны, обтекая «Европу» на почтительном удалении.

Это было грубой тактической ошибкой, которой и добивался своими действиями Огюст Дюбуа.

Корпус «Европы», усеянный смонтированными на Стелларе куполообразными выступами, начал медленно вращаться, и вдруг… каждый прозрачный блистер, внутри которого было установлено орудие, открыл огонь.

Десятки снарядных трасс в результате вращения корпуса не потянулись к истребителям прямыми сверкающими нитями, а начали расходиться веером, словно от «Европы» в космос стремительно вытягивалась сверкающая плоскость смертоносного круга, на самом деле очень похожего на стену, сотканную из улетающих в бесконечность снарядов.

Результат не заставил себя ждать. Плоскость заградительного огня разрасталась, отсекала четыре корабля конвоя от атакующих их истребителей, а те, не предугадав маневр капитана Дюбуа, уже попали в ловушку. Две передовых эскадрильи напоролись на заградительный огонь, в космосе расцвели ослепительные бутоны взрывов; во все стороны полетели обломки истребителей головной группы, остальные, видя гибель товарищей и наблюдая непрекращающийся огонь с борта «Европы», сломали строй, хаотично, каждый сам по себе пытаясь выйти из затруднительной ситуации и перенацелиться на изрыгающий огонь корабль колонистов.

Некоторым это удалось, но, поскольку «Европа» двигалась встречным

с истребителями курсом, постоянно «надвигая» на них смертоносную плоскость заградительного огня, счастливчиков оказалось мало, космос был полон обломков, всюду мелькали вспышки разрывов… Казалось, что пространство кипит от взрывов декомпрессии и разлетающихся осколков, эфир несколько минут нес на волнах радиосвязи лишь неистовые проклятия, предсмертные крики и мольбы о помощи…

Никто не мог подсчитать, сколько истребителей противника погибло вследствие хитрого маневра невысокого, толстого и розовощекого француза, совсем не похожего на человека с железными нервами, но и тех кораблей, которым удалось выбраться из ловушки, с лихвой хватало на полноценную атаку такой слабо уязвимой цели, как «Европа».

Некоторое время в ближнем космосе продолжался хаос. Истребители, потерявшие централизованное управление, беспорядочно носились в пространстве, избегая столкновений друг с другом, а «Европа», израсходовав четверть боекомплекта своих орудий, на время прекратила огонь, продолжая двигаться прежним курсом, назад к Дабогу, оставляя за кормой плотное поле изувеченных машин, похожее на скопление металлических астероидных глыб…

В рубке корабля напряжение членов экипажа уже превысило все мыслимые пределы, — страх ушел, он остался за незримой чертой, и вдруг наступило странное спокойствие, словно ощерившийся орудиями транссистемный лайнер не шел гибельным курсом, а совершал обычный маневр сближения с дружественными судами.

Это наваждение длилось недолго, до той поры, пока не начали поступать новые доклады:

— Сэр, пятнадцать атакующих целей с правого борта! Наблюдаю запуск ракет класса «космос-космос»!

— Четырнадцать целей, нижняя полусфера, атакуют по вертикали!

— Наблюдаю работу электромагнитных катапульт на крейсерах Альянса! Они выпускают вторую волну истребителей!

Ответ капитана Дюбуа был короток. Он понимал, сражение будет недолгим…

— Всем блистерным башням: огонь на поражение по атакующим целям! Двигательный, тяга на полную мощность! Навигационным постам, экстренный запуск всех имеющихся на борту зондов по направлению ракетных атак!

Вот так…

По корпусу «Европы» пробежала крупная дрожь, переборки вибрировали от внезапного ускорения и частых запусков малых аппаратов

разведки. В ход шло все, что могло хоть как-то обеспечить дополнительную защиту. Зонды, предназначенные для разведки планетарных атмосфер, создали ложные цели, и первый ракетный залп, произведенный истребителями, пропал впустую. Лишь одна боеголовка достигла корабля, остальные погнались за выпущенными зондами, наводясь на тепло их двигателей…

В следующую секунду страшный удар потряс «Европу».

В рубке управления капитана Дюбуа сбило с ног, и он, встав с пола, тут же рухнул в кресло.

Дрожь от работы орудийных комплексов не прекращалась ни на миг, — каждая блистерная башня теперь работала в автономном режиме, вне зависимости от того, какие повреждения получил корабль и какие маневры он совершал…

— Сэр, прямое ракетное попадание в сегмент оранжерей! Полная декомпрессия отсеков гидропоники! Поврежденный модуль изолирован аварийными переборками!..

Капитан взглянул на экран обзора и увидел, как тянется за «Европой» длинный шлейф обломков от конструкции купола оранжерей. Вперемешку с искривленными, сорванными со своих креплений балками несущих конструкций, сегментами толстых стекол, вырванными взрывом декомпрессии растениями плыли огромные глыбы мутно-зеленого льда — это было содержимое гидропонических баков, где плававшие в воде водоросли вырабатывали необходимый для систем жизнеобеспечения кислород…

Оторвав взгляд от этой уничтожающей разум картины, Огюст Дюбуа отрывисто скомандовал:

— Стабилизировать корабль! Сделать перерасчет массы для двигательного отсека! Продолжаем ускорение!

Одинокий, огрызающийся огнем корабль медленно., но неуклонно двигался навстречу Земной армаде, сближаясь с ней и одновременно с атакующим ромбом, который вели «Люцифер» и «Параллакс».

Взглянув на тактический монитор, капитан «Европы» понял, что их жертва не напрасна, — конвой из четырех транспортных судов на полной крейсерской скорости удалялся от Дабога, а вслед ему сквозь поле обломков сумело прорваться не более десятка вражеских космических истребителей.

«Справятся… Они справятся…» — словно молитву, повторял про себя капитан «Европы», глядя, как вторая волна космических истребителей, исторгнутая вражескими крейсерами, движется навстречу его кораблю,

словно из черноты пространства на них катился плотный вал, сотканный из ярких горячечных точек…

* * *

«Игла», которую вел Дорохов, двигалась в арьергарде конвоя, и потому первый заход прорвавшихся сквозь заслон «Европы» космических истребителей был направлен именно на нее.

Естественно, каждый транспортный корабль колонистов обладал собственными средствами обороны.

Доработки, произведенные на космической верфи луны Стеллар, сводились к следующему: в местах расположения аварийных люков, прямо поверх них на корпусе корабля были смонтированы прозрачные полусферы из термостойкого пластика. Внутри каждого выступа помещалось закрепленное в дугообразной подвеске кресло стрелка и соединенное с ним орудие, ствол которого выходил за пределы купола через вертикальную прорезь. Из-за предельной простоты конструкции внутри блистера царил вакуум, и стрелку приходилось работать в скафандре.

Впрочем, никто не жаловался на дискомфорт.

Дмитрий не имел опыта пилотирования корабля в условиях жесткого боя, когда работают все огневые точки, порождая при этом сильные импульсы реактивной тяги, направленные в разные стороны, и потому в первый миг, когда корабль задрожал, он растерялся. Дорохову показалось, что приборы навигации разом сошли с ума, а корпус сейчас попросту развалится на куски от противоположных импульсов ускорения.

Первым машинальным движением он включил систему экстренной защиты пассажирских помещений, — по всему кораблю тут же взвыли предупреждающие сирены и начали опускаться герметичные переборки, разделяя «Иглу» на несколько десятков изолированных друг от друга отсеков.

Следующим его порывом было полное отключение автоматики, — бортовой компьютер только добавлял напряжения в хаос импульсивных нагрузок, пытаясь как-то ответить на них работой двигателей коррекции.

Два интуитивных, абсолютно верных в сложившейся ситуации хода спасли не только человеческие жизни, но и сам корабль.

«Иглу» вращало, боковые импульсы толкали корабль в разных направлениях, частично гася или усиливая друг друга, и оттого у пилота создавалось ощущение, что транспорт трясет крупной, вибрирующей дрожью, при этом он постоянно сходил с курса, одновременно теряя скорость.

Дорохов, предчувствуя беду, закрыл забрало гермошлема и взял управление на себя.

Поначалу он ощутил астронавигационные рули как непослушную ему враждебную силу, но постепенно его разум и тело свыклись с постоянным, норовистым сопротивлением корабля, и он оставил тщетные попытки вернуть «Иглу» к оси курса или остановить ее спонтанное вращение. Дмитрий лишь старался предугадать и погасить наиболее сильные импульсы, возникающие при стрельбе орудий, а для этого ему пришлось плюнуть на показания приборов и сосредоточиться на экранах кругового обзора.

Космос вокруг полыхал.

Врут те, кто говорит, что пространство двухцветно, нет, оно брызжет слепящими красками, вспыхивает нитями снарядных трасс, разлетается вишневыми брызгами размягченной ударами лазеров брони, взрывается мутными облаками декомпрессионных выбросов, расцветает оранжево-белыми солнцами…

Бой длился несколько минут. Десяток прорвавшихся истребителей ринулись на «Иглу», пытаясь вспороть обшивку корабля лазерными разрядами, но им навстречу потянулись трассы снарядов, несущих кинетическую энергию, не свойственную боевой космической технике. Все орудия, которыми комплектовались корабли конвоя, были заимствованы из арсеналов наземных средств взаимоуничтожения и в условиях космоса выпускали снаряды с чудовищным ускорением…

Два истребителя противника на глазах Дмитрия превратились в слепящие мутно-оранжевые солнца, от которых во все стороны разлетались брызги расплавленного металла и крупные обломки вишневого цвета.

Спустя минуту он уже вполне владел собой, интуитивно предугадывая, какая огневая точка «Иглы» заработает в следующий момент, и некоторое время смог удерживать корабль от спонтанных рывков, пока один из истребителей не спикировал на куполообразную рубку управления.

Дорохов не видел, как темно-красный шнур теплового лазера взрезает обшивку, он заметил эту атаку только в тот миг, когда купол экранов над его головой вдруг лопнул и начал разваливаться, — отдельные мониторы взрывались, словно шрапнельные снаряды, а вихрь улетучивающегося в пробоину воздуха уже срывал с места все незакрепленные предметы, унося их в пробоину вместе с обломками приборов.

Луч полоснул по полу рубки в полуметре от кресла пилота, оставив на прочной переборке уродливый расплавленный шрам, но Дмитрий уже не

видел этого, — стоило ему на миг потерять контроль над управлением, как «Игла» совершила рывок, породивший запредельную для человеческого организма перегрузку. Этот спонтанный маневр вырвал корабль из-под удара истребителя, но сознание Дорохова не выдержало и погасло, как гасли в этот миг разумы десятков других членов экипажа и пассажиров изуродованного транспортного корабля…

* * *

Когда он очнулся, вокруг было темно.

Некоторое время расплывчатое зрение никак не хотело адаптироваться к темноте, потом Дмитрий начал различать крохотные разноцветные огоньки и понял, что это индикационные сигналы, которые светились на уцелевших секциях пульта управления.

Он попытался пошевелиться и понял, что абсолютно не пострадал, в теле не ощущалось никакой боли, лишь страховочные ремни, пристегивающие его к креслу, стесняли движение.

Вспомнив последние секунды перед беспамятством, он задрал голову вверх и вдруг различил смутную тень, ползущую по куполообразному своду рубки управления, двигаясь на фоне чернеющих гнезд выбитых обзорных экранов. Вспомнив про фонари скафандра, он включил один из них и, направив вверх луч осветительного прибора, увидел автономного ремонтного робота, внешне похожего на паука. Робот полз вдоль ровной линии разреза и заполнял щель, проделанную лазерным лучом, специальным герметизирующим пенящимся составом.

Следующее ощущение Дорохова было связано с собственным вестибулярным аппаратом. Тело слегка прижимало к правому подлокотнику кресла, и одновременно мышцы воспринимали нагрузку, значит, корабль летел с постоянным ускорением, развернувшись левым бортом в направлении полета…

Это был неуправляемый дрейф. Дмитрию некоторые нюансы создавшегося положения стали ясны сразу же, как только он очнулся. Вопросы, которые требовали немедленного ответа, относились к иной категории — следовало срочно выяснить, какая часть корабля уцелела после бесноватой атаки космических истребителей, что с людьми, запертыми в автономных отсеках, и какова общая обстановка в ближнем космосе.

Отстегнувшись от кресла, Дорохов попытался встать на ноги, но боковое ускорение мешало нормально утвердиться на полу. Это было нечто среднее между неудобным ускорением и невесомостью, поэтому Дмитрий

опять сел в кресло и взглянул на приборную панель, отражающую состояние систем ручного управления.

Несколько десятков индикаторов говорили о полной несостоятельности бортового компьютера, — самое распространенное словосочетание, которое он мог прочесть на уцелевших экранах, было сообщением об ошибке обмена данными.

Оставалось действовать вручную.

Не имея возможности оценить окружающую обстановку, Дорохов решил рискнуть. Отсутствие каких-либо вибраций говорило о том, что все орудия молчат: они либо уничтожены, либо исчерпали свой боекомплект. Осторожно перебирая сенсоры на длинной штанге аварийных астронавигационных рулей, он быстро выяснил, какие дюзы коррекции все еще функциональны и подчиняются командам ручного управления.

Вслепую задействовав два двигателя ориентации, он затормозил боковой дрейф «Иглы». Странное это было чувство — управлять кораблем, который в его воображении превратился в темную глыбу металла, осуществляя коррекции на основе ощущений собственного тела.

Когда он почувствовал, что сила, прижимавшая его к подлокотнику, исчезла, Дмитрий сделал вторую попытку встать и на этот раз попросту всплыл над креслом.

Ощутив невесомость, Дорохов понял, что добился нужного результата. Теперь корабль либо полностью остановился, либо дрейфовал с минимальным ускорением, которое разум пилота автоматически приравнивал к нулю.

Теперь следовало выяснить, что с «Иглой».

Оттолкнувшись от подлокотников кресла, он поплыл мимо разбитых консолей управления в сторону выхода из рубки. Картины, открывавшиеся его взору в тесном помещении командного отсека, вовсе не радовали глаз. Луч лазера, пробивший обшивку, не только оставил уродливый шрам на полу, он еще и задел два компьютерных терминала, превратив их в бесформенную оплавленную массу, из которой на Дмитрия смотрели пустые глазницы лопнувших мониторов, да обрывки кабелей тянулись к нему, цепляясь за тело, будто змеи, выпроставшиеся из своих пластиковых нор.

Сразу за переборкой начинался главный коридор «Иглы», проходивший через весь корабль от носа до кормы. Отсюда можно было получить доступ к любому отсеку, но первое, что увидел Дорохов, вручную открыв овальный люк, было плотное нагромождение всевозможных предметов, перемешанных с обломками обшивки. В стене коридора зияла

дыра около метра в диаметре, идеально круглая, с оплавленными краями. Хаос предметов подле нее объяснялся просто — что-то перегородило отверстие в момент декомпрессии, не позволив воздушному потоку унести с собой скопившиеся подле дыры предметы.

Этим «что-то» был робот-андроид, один из тех, кто вместе с беженцами эвакуировался с Дабога. Дмитрий знал, что эта модель человекоподобных машин серийно производилась еще на Земле. Андроиды входили в комплектацию колониальных транспортов, и многие семьи передавали такие машины из поколения в поколение как семейную реликвию…

— Сэр, вы можете мне помочь? — раздался в коммуникаторе гермошлема глухой синтезированный голос машины.

Дмитрий посмотрел на андроида. Если изначально робот пытался заткнуть своим телом дыру в обшивке, то теперь, когда воздух из коридора все же улетучился, несмотря на такой отчаянный акт самопожертвования, тело дройда оказалось заклиненным в пробоине. Голова, верхняя часть торса и руки находились внутри «Иглы», ноги же снаружи, а по бокам все щели между краями пробоины и телом дройда были плотно забиты мелкими предметами, которые затянуло в зазоры шквальными напором истекающего в дыру воздуха.

Были секунды, когда на Дмитрия вдруг накатывала жуть.

Глядя на торчащее из пробоины тело человекоподобного робота, он испытал очередной прилив страха и неопределенности, — все происходящее с ним казалось дурным сном, он жил словно актер, действующий в рамках навязанного ему сценария…

Хуже всего, конечно, было осознавать, что темный, лишенный воздуха коридор «Иглы» и есть сама реальность, а глухой голос человекоподобной машины никем не срежиссирован…

Он машинально начал вытаскивать заклинившие тело дройда обломки, одновременно отталкивая в сторону крупные, мешающие работать предметы, которые плавали в невесомости подле пробоины.

Сорванные с креплений пластиковые стулья, куски декоративной обшивки и видеокамеры наблюдения с разлохмаченными обрывками проводов послушно уплывали от его толчков в темные глубины коридора, беззвучно рикошетя от стен…

Наконец одна рука дройда освободилась, и он тут же начал активно помогать в собственном вызволении…

Они работали молча, не обменявшись более ни одной фразой, и только когда человекоподобный робот смог, пользуясь уже двумя руками,

втянуть себя внутрь космического корабля, он произнес, на этот раз с нотками интонаций в синтезированном голосе:

— Спасибо, сэр. Меня зовут Дейвид, я отношусь к разряду бытовых машин серии «Хьюго», но моя семья звала меня просто Дейв.

— Где они? — спросил Дмитрий.

— Кто?

— Твоя семья. Люди, которым ты служишь.

— Они погибли, сэр.

— Где? — По спине Дорохова пробежал холодок. — В каком отсеке?! Я же велел всем надеть аварийные скафандры!..

— Они погибли на Дабоге, сэр. Попали под первую орбитальную бомбежку.

Дорохов посмотрел на дройда.

В интонациях синтезированного голоса машины слышались горечь и страдание, наверное, эта слуховая галлюцинация несколько смягчила резкий вопрос Дмитрия:

— Тогда какого… Как ты попал на борт «Иглы»?

— Была объявлена всеобщая эвакуация. Я последовал за остальными, чтобы улететь с планеты. К сожалению, я не нашел себе нового хозяина, а это предполагает некоторую свободу моих поступков.

Эта машина была похожа на человека и разговаривала как человек.

— Сэр…

— Да? — Дмитрий повернул голову.

— Вы не хотите взять меня к себе?

— Зачем?

— Я привык служить людям. Мне нужен человек, который бы нуждался во мне…

— Ладно… — Дорохов согласился легко, потому что не воспринимал все всерьез и его голова была занята в этот момент проблемами куда более страшными и насущными, чем осиротевший бытовой дройд. В любом случае пара механических рук ему не помешает…

— Сэр, могу я узнать…

— Так, — перебил его Дорохов, — меня зовут Дима, я пилот «Иглы». Сейчас ты следуешь за мной и исполняешь все мои указания, понял?

— Да. Образец голоса для распознавания речевых команд внесен в основную базу данных. Прошу уточнить степень свободы действий при исполнении приказов.

— Полная, — ответил ему Дмитрий, не подозревая, что для тонко запрограммированного андроида эта команда, отданная новым хозяином,

означает очень многое.

На секунду робот застыл, словно манекен, затем в коммуникаторе Дорохова раздался его голос:

— Смена командных приоритетов произведена. Включена наивысшая функция свободы принятия решений. Я готов к действию.

— Тогда пошли. Вскрываем отсеки правого борта, проверяем состояние людей и исправность аппаратуры.

* * *

Это был тяжелый путь.

«Игла» не металлический и уродливый неполноценный обломок, как того опасался Дмитрий, но множественные повреждения брони, декомпрессия отсеков, разбитые агрегаты и дезориентированные, перепуганные люди — все это создавало удручающую картину.

Приказав Дейву исследовать грузопассажирский отсек «А», Дмитрий занялся ручным приводом первой опущенной по его приказу аварийной переборки. За ней царил вакуум, в темном помещении, прижавшись друг к другу, стояли люди в аварийных скафандрах, сквозь оплавленную дыру в обшивке просматривались звезды, но первое, что увидел Дорохов в рассеянном свете своего плечевого фонаря, были алые капельки крови, плавающие в невесомости, и раскроенное лазерным лучом человеческое тело, которое, разделившись на две половинки, медленно дрейфовало под потолком отсека.

В первый момент Дима остолбенел, его горло сжал спазм, но тихий голос в коммуникаторе едва не заставил его заорать от отчаяния, внутренней боли и неприятия всего происходящего вокруг:

— Дяденька, заберите нас отсюда…

Взрослые и дети, всего девять человек… Сколько они простояли вот так, в терпеливом ожидании, среди алой каплеобразной взвеси, которую разбрызгивало кружащее под потолком отсека мертвое тело?

— Дейв, что там у тебя?!

— Отсек «А» не пострадал. Тут есть свет и воздух. Я запускаю рециркулятор атмосферы и автономный контур жизнеобеспечения.

Доклад дройда был первой приятной новостью. Робот оказался намного более полезным и сообразительным, чем это можно было предположить на первый взгляд.

— Идите за мной. — Дмитрий сам поразился твердости собственного голоса. На самом деле ему все еще хотелось кричать, но молчаливые фигуры не оставляли ему права проявлять свои чувства, — в их глазах он

был офицером корабля, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Двигаемся прямо по коридору, к отсеку «А», — задавив душившие его эмоции, коротко приказал Дмитрий.

* * *

За два часа он собрал почти всех принятых на борт корабля беженцев. Тридцать человек разместились в первом, подготовленном Дейвидом отсеке, еще сорок — во втором, более обширном, имеющем литеру «Б».

За время своих поисков Дмитрий не встретил ни одного члена экипажа «Иглы». Всего их было двенадцать человек, и, кроме Дорохова, который вел корабль, остальные члены команды по боевой тревоге заняли посты в блистерных куполах.

Теперь никто из них не отвечал на вызовы по внутренней связи. Блистеры молчали, и эта тишина при попытках связаться с кем-либо из экипажа порождала в душе Дорохова отчаяние.

Наконец, констатировав смерть шестерых беженцев, погибших в момент, когда «Игла» подверглась массированной атаке прорвавшихся сквозь заслон «Европы» космических истребителей, и разместив выживших в двух загерметизированных отсеках, Дмитрий, Уже едва живой от усталости и непрекращающегося стресса, смог заняться непосредственно огневыми точками корабля.

Если бы не невесомость, царящая в отсеках, его бы шатало при ходьбе от усталости и нервного напряжения, но в отсутствие тяготения он ощущал лишь бесконтрольную дрожь, которая волнами гуляла по телу под скафандром.

Озноб не имел никакого отношения к холоду.

Дмитрий позволил себе остановиться, чтобы хоть немного прийти в чувство после двухчасовых блужданий по темным, изувеченным отсекам «Иглы» в поисках выживших.

Уцепившись за скобу, он висел под потолком коридора, слушая, как гулко и неровно бьется его собственное сердце. Внезапно вспомнился шипящий вишнево-красный луч лазера, прошедший всего в полуметре от его кресла, оставляя на полу рубки расплавленную борозду и падающие сверху осколки лопнувших экранов, которые, не долетев до пола, вдруг взмывали вверх, подхваченные шквальным порывом улетучивающегося в узкую пробоину воздуха.

…Когда сердце немного успокоилось, а пульс перестал ощущаться в висках, как гулкий и ритмичный набат, Дима больше не смог медлить, застыв под потолком коридора, — кончились все мыслимые отговорки, —

ему нужно было проверить огневые точки, чтобы убедиться воочию, что стало с одиннадцатью членами экипажа «Иглы», отражавшими атаку истребителей, находясь в блистерных отсеках, выступающих за обшивку корабля.

К ним вели аварийные шлюзы, внутренние люки которых выходили все в тот же центральный коридор «Иглы». Всего огневых точек было двенадцать, одна пустовала в момент атаки, но Дорохов не знал, в каком именно блистере не было стрелка, поэтому, отправив Дейва заделывать пробоину в обшивке — ту самую подле рубки управления, из которой он извлек дройда несколько часов назад, Дима, собрав остатки мужества, решил, что будет исследовать все блистеры подряд, начиная от хвостовой части корабля.

Пока в центральном коридоре царил вакуум, у него не было причин выполнять процедуру шлюзования — отсеки стрелков с установленными в них орудиями также не имели атмосферы, поэтому Дмитрий открыл сразу оба люка, протиснулся сквозь узкий тамбур аварийного шлюза и оказался внутри прозрачного купола огневой точки.

Ему потребовался лишь краткий, полный ужасного прозрения миг, чтобы понять — он не в куполе, а в открытом космосе!..

Уцепившись за покореженную, оплавленную штангу, которая крепила орудие к корпусу «Иглы», Дорохов огляделся и понял, что блистера попросту нет, от него остались лишь острые огрызки бронестекла да несколько искривленных стоек, на одной из которых, будто черная насмешка над всеми его надеждами, уцелел фрагмент кресла, прожженная насквозь спинка с обрывками страховочных ремней.

Ему, несмотря на возраст, вдруг захотелось заплакать навзрыд, как маленькому ребенку… но даже этого не вышло, лишь вырвался из горла сдавленный хрип…

Война…

Только сейчас, глядя на расположенные по кругу огрызки бронестекла, он начал смутно понимать истинный смысл этого слова…

Оно никак не хотело приживаться внутри, находить свое место среди жизненных понятий, и Дима в этот страшный для него миг окончательного прозрения смог осознать только один непреложный факт — она пришла и уже не уйдет… Как бы страстно он ни желал проснуться — это был не сон, не кошмар из мира грез, а реальность, которая вскоре станет буднями, обыденностью, если, конечно, ему самому повезет выжить…

Сколько раз за последние часы ему казалось, что иссякло все: и физические силы, и мужество, и желание жить, но нет, откуда-то брались

энергия и упрямство, чтобы сделать очередной шаг…

Вот и сейчас…

Ему нужно было поднять голову, чтобы посмотреть вдоль корпуса «Иглы», увидеть остальные блистеры этого борта… и он поднял взгляд, скользнул им по обшивке корабля, где вместо огневых точек виднелись оплавленные язвы да кружили, бесшумно скребя по керамлиту брони, какие-то неразличимые издалека фрагменты не то тел, не то орудий…

Дима смотрел на эту картину, его взгляд холодел и ожесточался одновременно, он не мог видеть себя со стороны, как не осознавал, что в эти минуты его волосы под гермошлемом стали седыми…

* * *

— Дейв, ты меня слышишь?

— Да, сэр!

— Называй меня по имени.

— Хорошо, Дима.

— Ты заделал пробоину?

— Заканчиваю. Осталось немного.

— Еще утечки есть?

— Я не успел проверить. Ремонтные роботы из резерва корабля сейчас работают в ходовой рубке и двигательных секциях, устраняя неисправности. Думаю, что утечками можно заняться позже.

— Хорошо, как закончишь с дырой, перебирайся на правый борт. Возьми себе в подчинение пару сварочных роботов, пусть освободят аварийные шлюзы от остатков уничтоженных блистеров.

— Я понял.

«Игла» оживала, медленно, но верно.

В центральном коридоре заработали генераторы искусственной силы тяжести. Из зарешеченных щелей под потолком вырывались зримые струи пересыщенного водяными парами воздуха, температура в загерметизированных отсеках поднималась благодаря включившимся в работу резервным системам жизнеобеспечения.

Войдя в рубку, Дмитрий увидел совершенно иную картину, нем ожидал. Узкая, похожая на разрез хирургического скальпеля пробоина была заделана, с куполообразного свода в некоторых местах, словно сосульки, свисали потеки застывшей герметизирующей пены, большинство приборов работало, и лишь один, к счастью, не главный, а вспомогательный пульт управления был безнадежно испорчен. Луч лазера буквально раскроил компьютерный терминал на две половины.

Покосившись на оплавленную борозду, которая шла в полуметре от его кресла, Дима занял свое место за главным пульсом управления «Иглы».

Судя по сигналам, бортовой компьютер уже включился в работу: шла тестовая проверка систем управления. Данные на мониторах свидетельствовали, что двигательные секции и отсек гипердрайва не пострадали. Основной удар истребителей пришелся на зримые точки сопротивления и на хорошо различимый купол рубки управления. Логика тех подонков, что атаковали транспорт с беззащитными людьми, была проста. Они уничтожили блистеры, разворотили главный пост управления и ринулись в атаку на остальные корабли конвоя.

Дима заметил, что его руки дрожат, когда он потянулся к переключателям пульта, чтобы активировать резервную подсистему обзора и связанный с ней тактический монитор.

В первый момент, когда осветились расположенные непосредственно над пультом управления экраны, он не смог адекватно оценить картину, которую ему предлагала бесстрастная электроника.

Ближний космос был буквально забит обломками. «Иглу» от столкновений с ним спасало лишь то, что корабль неподвижно висел в пространстве, а сами обломки имели небольшие кинетические энергии и медленно образовывали нечто вроде водоворота, — какая-то сила заставила их медленно двигаться по кругу…

Несколько минут Дорохов разбирался в потоке поступающих данных, пока не понял, что на его глазах происходит образование совершенно новой формации небесных тел. Страшное, жестокое, сюрреалистическое произведение человеческих рук, которое теперь подчинялось законам небесной механики. В центре коловращения массы обломков находился огромный, обладающий внушительной массой крейсер Земного Альянса. Его корпус был разворочен взрывами, обшивка стояла дыбом, ее рваные куски торчали во все стороны перпендикулярно корпусу. Видимо, в крейсер врезался один из начиненных взрывчаткой кораблей-самоубийц…

За три часа, в течение которых Дима собирал выживших на борту «Иглы», этот корабль стал центром тяготения для огромного поля обломков.

Попеременно бросая взгляд то на экраны умножителей, то на тактический монитор, куда бортовой компьютер проецировал электронную версию происходящего, Дорохов заметил среди плывущих в космосе обломков еще один большой темный контур, который поначалу показался ему бесформенной глыбой, но системы опознавания быстро рассеяли данное заблуждение. Это была «Европа» — мертвый, изуродованный до

полной неузнаваемости корабль, принявший на себя первый удар сонмища атакующих конвой истребителей.

Дима смотрел на экраны, и его разум проваливался в черную пропасть. Он не мог осознать масштабов произошедшего. Логика подсказывала, что ромб, собранный из малых кораблей, присланных с орбит Стеллара, благодаря отвлекающему, дерзкому маневру «Европы», сумел достичь точки гиперсферного всплытия Земных армад и, судя по количеству обломков, обрушил на них всю самоубийственную мощь кораблей-смертников.

Это происходило одновременно с тем моментом, когда прорвавшиеся истребители атаковали отступающий конвой и непосредственно «Иглу».

Дима уже не мог сопереживать, внутри иссяк запас этого чувства, он лишь попытался отыскать среди окружающего хаоса еще два корабля: ракетные крейсеры «Люцифер» и «Параллакс», но бортовой компьютер смог опознать лишь обломки последнего…

Хотелось верить, что «Люцифер» сумел ускользнуть из этого ада.

Теперь, когда стала ясна общая картина, он направил свои усилия на поиски остальных кораблей, входивших в состав конвоя…

Тщетно…

Тактический монитор рисовал лишь уродливые контуры обломков, чьи призрачные, смутно различимые глыбы проплывали в зоне разрешающей способности резервных видеокамер «Иглы»…

Дорохов понял — их кораблю просто повезло. Атака истребителей частично вывела его из строя, и стервятники ринулись на новые цели, а потом… Потом, когда небольшой флот Колоний, возглавляемый «Люцифером» и «Параллаксом», достиг точки гиперсферного всплытия земных армад, никому уже не было дела до изувеченного транспортного корабля — под атакой оказались многокилометровые земные крейсеры, и все силы Альянса были брошены на их защиту…

Итогом стало это поле обломков, простирающееся на многие сотни километров.

Дабог виднелся отсюда тусклой звездочкой, основные события происходили уже в глубоком космосе, на значительном удалении от многострадальной планеты.

Дима не знал, как ему следует поступить. Первым порывом было желание включить двигатели «Иглы» и медленно выбираться из страшного поля обломков, чтобы активировать секции гипердрайва, как только корабль достигнет зоны чистого космоса, но этот внутренний порыв тут же угас, как только он подумал о людях, которые, возможно, сумели выжить

среди окружающего «Иглу» хаоса искореженного металла…

Если повезло ему, значит…

Вот тут перед ним и встала эта дилемма. Глядя на поле бесформенных обломков, которые в своем медленном движении постепенно пытались образовать уже не плоскость, а сфероидальную фигуру с громадным крейсером Земного Альянса в центре, Дорохов пытался определить, кого ему следует спасать, но длилось это недолго, — завораживающий вид обломков стирал ненависть, как ластик стирает несмелый штрих карандаша. Тут уже не могло быть врагов и друзей, все, кто сохранил способность двигаться и драться, покинули это кладбище как минимум несколько часов назад, да и экипажи с поврежденных кораблей Альянса наверняка были подобраны, вот только чудом уцелевших беженцев, если такие найдутся, подбирать было некому…

Эти мысли, на самом деле рваные, хаотичные, заставили Дмитрия прийти к волевому решению. Его рука потянулась к панели внешней связи, переключив диапазон передачи на открытую волну длиной в двадцать один сантиметр.

— Дима… — На плечевую пластину его скафандра легла металлопластиковая кисть.

Дорохов резко обернулся.

— Дейвид?

— На борту «Иглы» есть ручное оружие? — спросил андроид.

— Да.

— Тогда я бы рекомендовал отправить вооруженных людей к стыковочным узлам.

— Зачем?

— Ты собираешься подать сигнал оповещения тем, кто уцелел в обломках, верно?

— Да.

— Среди тех, кто откликнется, могут оказаться враги.

Дима бросил мрачный взгляд на экран обзора, где немо проплывали изувеченные глыбы металла.

— Здесь не может быть врагов и друзей. Всех уравнял этот хаос… — негромко произнес он.

— Ты ошибаешься, — возразил дройд. — Не забывай, я пережил все атаки на Дабог, все орбитальные бомбежки… Я не человек, а всего лишь машина с запрограммированной функцией саморазвития, и мое мнение может не учитываться, но я побывал во многих ситуациях, а конструктивные особенности моего мышления более рациональны, и они

позволяют мне оценивать ситуацию в ином свете. Я видел, как люди, только что молившие о помощи, бросались с оружием в руках на своих спасителей, едва те извлекали их из гиблых мест. Так было на Дабоге, я видел это…

— Что ты предлагаешь? — испытывая в этот момент неприязнь к человекоподобной машине, спросил Дорохов.

— Я не предлагаю, Дима, я советую. Будь осторожен. Выставь посты подле шлюзов стыковочных камер.

Некоторое время Дорохов молчал, потом, сделав над собой очередное усилие, кивнул.

— Хорошо. Я поступлю так, как ты советуешь.

* * *

— Внимание! Транспортный корабль «Игла» вызывает всех выживших! Мы готовы оказать помощь. Всем, кто нас слышит, передаю координаты своего дрейфа относительно крейсера Земного Альянса, занимающего центральное положение в поле обломков…

Передатчики «Иглы» транслировали запись в режиме нон-стоп.

Дорохов вместе с андроидом и двумя колонистами, которым Дмитрий выдал оружие и запретил снимать скафандры, расположились в отсеке, соседствующем со шлюзовой камерой основного стыковочного узла.

Помещение являлось дезинфекционной камерой, и среди специальных кабин для обработки скафандров не было аппаратуры прямой связи с бортовыми поисковыми системами, но тут андроид проявил уже не первый инициативный шаг, который удивил и насторожил Дмитрия. Колонисты отнеслись к действиям дройда с полным равнодушием, — видимо, на Дабоге программная степень свободы бытовых механизмов была много выше, чем на Кьюиге или Элио.

Дейвид просто подошел к стене, снял кожух декоративной панели, за которой прятались толстые кабели, несколько секунд смотрел на их хитросплетение, а потом из указательного пальца его правой руки выдвинулся иглообразный: точечный разъем. Одно движение, и заостренный шунт вошел в кабель, проткнув изоляцию.

— Я установил связь с поисковыми системами корабля, — повернув голову, сообщил андроид.

Дорохов не стал комментировать ситуацию, только хмыкнул, глядя на этот импровизированный сетевой терминал…

Он думал сейчас совсем о другом.

За три часа, пока он обследовал поврежденный корабль, машинально

отдавал указания по ремонту отсеков, восстановлению аппаратуры и размещению спасенных пассажиров, у него не было времени остановиться и подумать, что же на самом деле произошло с ним, да и со всем окружающим миром вообще?

Полгода назад он был всего лишь молодым астронавтом, начинающим пилотом, самым младшим членом экипажа транспортного космического корабля, и вдруг невероятные, ошеломляющие события навалились одним днем — его мобилизовали, как всех пилотов, обучавшихся на Элио, и отправили на луну Стеллар, на орбитах которой собирался весь торговый флот трех развитых колоний. Но даже тогда он не до конца осознавал, что стряслось с их жизнью, почему вокруг такая суета и спешка, отчего одни люди ходят мрачные, иные ведут себя как нервнобольные, находящиеся на грани срыва, а третьи, к категории которых относился и он сам, ничего не понимали в наступившем вдруг хаосе, где главными часто употребляемыми словам были «война» и «Дабог»…

Потом, попав в состав конвоя, он понял если не все, то очень многое. В момент прорыва блокады сожженной дотла планеты Дорохов вдруг мысленно отметил, что на луне Стеллар самыми нормальными были как раз те, кто ходил мрачнее тучи или психовал, готовя их корабли.

Эти люди догадывались о том, что может произойти.

Он видел серый радиоактивный снег Дабога, видел армады крейсеров, всплывающие из аномалии космоса, в разум Дмитрия навек впечатался образ полыхающей заградительным огнем «Европы» и сонмища атакующих космических истребителей… Сегодня он пережил кромешный ад, потерял всех своих товарищей, погибших в блистерах «Иглы», отражая атаку малых кораблей противника, и…

Он стал капитаном изувеченного корабля. Его последним членом экипажа и последней надеждой для десятков беженцев, которые безропотно сносили все лишения…

Он обязан выжить и вывести корабль из этого коловращения страшных обломков, оставшихся после титанической битвы в космосе.

* * *

В течение часа на связь с «Иглой» вышли три спасательные капсулы, принадлежащие уничтоженным судам конвоя «Q-5». Для Дорохова это было самое радостное событие во всей череде потрясений, которые он испытал за последние часы. Еще двадцать человек удалось принять на борт «Иглы». Теперь людям приходилось стоять в тесных отсеках, но по-прежнему никто не роптал, словно эти исхудалые призраки, чуть ли не

насильно извлеченные из подземных убежищ Дабога, смотрели на лишения и неудобства как на нечто само собой разумеющееся…

…Последним на непрекращающуюся передачу, транслирующуюся с борта «Иглы», откликнулся поврежденный челнок, скорее всего, принадлежавший силам Земного Альянса. Среди обломков он двигался без опознавательных знаков, не зажигая даже навигационных огней. Голос человека, ответившего на предложение помощи, был незнаком Дмитрию.

Получив разрешение, неопознанный челночный корабль, медленно расталкивая обломки, подплыл к освободившемуся стыковочному узлу «Иглы» и начал процедуру шлюзования.

Крохотный дисплей, вмонтированный в корпус андроида, показывал картину происходящего, снимая показания с ближайшего видеодатчика, расположенного на броне «Иглы».

Дорохов рассматривал смутный контур приближающегося корабля. В его корпусе зияло несколько пробоин, следом, невзирая на импульсы ускорения, тянулся длинный шлейф кристаллизованных газов, которые перемешались с различными превратившимися в мусор предметами.

Дорохов еще не знал, что именно так выглядят десантно-штурмовые модули сил Земного Альянса.

Пока что он расценивал этот корабль как изуродованный взрывами челнок, на борту которого остались в живых люди.

Касание, тихий скрежет, отдающийся вибрацией в переборках, несколько толчков, снова скрежет…

Что-то не заладилось в уплотнениях, и Дорохов окончательно убедился, что этот корабль построен не на верфях Стеллара.

Он включил переговорное устройство.

— Прекратите стыковку. Наши узлы не совпадают.

Некоторое время царила тишина, потом раздался хриплый голос:

— Как мы перейдем на борт?

— Отработайте назад двигателями, я открою внешний люк шлюзовой камеры и выпущу фал. Будете переходить по нему в нашу шлюзовую камеру. Сколько человек на борту?

— Семь.

— Двигайтесь парами, так безопаснее. Соблюдайте страховку, и все будет нормально.

Вопреки опасениям Дорохова, его приказам вняли. Челнок прекратил попытки состыковаться и плавно отчалил от борта «Иглы», затормозив импульс резкой вспышкой дюз коррекции. Теперь два корабля висели в пространстве неподвижно. Их разделял тридцатиметровый провал

черноты, через который, как и обещал Дмитрий, с борта «Иглы» был отстрелен страховочный фал с магнитной присоской на конце.

На той стороне провала в борту малого корабля открылся люк, и две фигуры в серых скафандрах начали движение через пустоту. Им потребовалось около минуты, чтобы преодолеть провал и войти в открытый шлюз транспортного корабля.

Люк за их спинами встал на место, и в камеру начал нагнетаться воздух. Когда давление достигло нормы, пришел в движение внутренний люк «Иглы», и…

Он открылся лишь на треть своего хода, когда изнутри освещенной красноватым светом шлюзовой камеры два человека открыли огонь по встречающим.

Их оружие било почти бесшумно.

Стоявший впереди других рослый беженец с Дабога попытался вскинуть врученный ему тяжелый автоматический пистолет, его тело конвульсивно задергалось, принимая на себя град пуль, кровавые брызги алой взвесью взметнулись в воздух. Все произошло так быстро, что Дорохов не успел даже сдвинуться с места, зато за него это сделал дройд.

Рванувшись вперед, он закрыл Дмитрия своим корпусом, одновременно вырвав у него автоматический пистолет.

Дима услышал звонкий металлический хруст — это несколько пуль ударили в Дейва, но тот даже не пошатнулся. Дорохов видел, как взметнулась рука человекоподобной машины, и пистолет дважды оглушительно грохнул в замкнутом пространстве предшлюзового отсека.

Внезапно наступила оглушительная, ватная тишина.

Маленький тамбур переходной камеры, участок центрального коридора и отсек стерилизации скафандров, — все было забрызгано кровью, словно тут располагалась бойня.

«Сволочи…» Дмитрий, очнувшись от внезапного шока, склонился над колонистом, имя которого он даже не успел узнать за долгие минуты ожидания… Эта попытка была излишней, по количеству пулевых ранений и землистой бледности лица за расколотым забралом гермошлема он понял — человек мертв.

Обернувшись, он молча посмотрел на андроида, который стоял, не шелохнувшись, опустив руку с автоматическим пистолетом вдоль бедра.

Что стало с этим миром? С каких пор бытовые машины убивают людей? Взгляд Димы метнулся в тамбур, где вповалку лежали два тела в серых скафандрах. Выстрелы дройда были точны, — он стрелял в голову, и две выпущенные им пули пробили гермошлемы солдат Альянса, превратив

их головы в страшное месиво: кровь вытекала через пулевые отверстия в шлемах, собираясь на полу шлюзовой камеры в темные липкие лужи.

В корпусе Дейвида было пять или шесть дыр, из верхней на пол коридора сыпались искры.

Все это Дорохов охватил одним взглядом и опять не сказал ни слова — ведь пули, пробившие корпус андроида, предназначались ему.

Он разогнулся, встретился глазами со вторым из беженцев, который помогал ему принимать людей с прибывающих челноков.

— Капитан… — его голос, обращенный к Дмитрию, прозвучал ровно, словно это был не человек, а робот. — Их нужно убить. Всех. Они не люди.

Дима отрицательно покачал головой. Жест был машинальным, — многое умерло в душе молодого парня, но там, среди хаоса мыслей, боли, непонимания, все же оставалась еще капля надежды и человечности…

— Нет, — хрипло ответил он, забирая свой пистолет у Дейвида.

— Я буду убивать их!

— Я сказал — нет! — Дмитрий резко обернулся. — Иди к своим людям. Я справлюсь тут сам.

Мужчина несколько секунд сверлил Дорохова пронзительным взглядом, но потом все же подчинился. Швырнув на пол выданный ему пистолет, он молча ушел в тот отсек, где расположилось большинство беженцев.

В коридоре остался лишь андроид и Дорохов.

— Ты… функционален?.. — прерывистым от участившегося дыхания голосом спросил Дима.

— Заблокируй люк… Они приближаются… — аудиосистема дройда дребезжала, делая неузнаваемым его голос.

Снаружи уже кто-то скребся в обшивку внешнего люка, но пока был открыт внутренний и в переходном тамбуре присутствовало давление воздуха, открыть внешний вход, не взламывая его, было невозможно.

— Я спрашиваю, тебя сильно повредили? — повторил Дорохов свой вопрос, подбирая с пола второй пистолет, брошенный туда жителем Дабога.

— Повреждения не критические, — ответил дройд.

— Вызови сварочного робота. Пусть наглухо заварит второй выход из камеры дезинфекции. И поставь на место панель облицовки, чтобы никому не пришло в голову портить провода.

— Это будет тюрьма? — динамик дройда дребезжал на высоких нотах.

— Ты тоже хотел бы их убить?

— Я не могу «хотеть». Моему хозяину угрожала смертельная

опасность. Я предпринял адекватные ситуации меры, — ответил человекоподобный робот. — Мои поступки не могут расцениваться с точки зрения человеческих моральных ценностей. Я машина.

— Машина с Дабога…

— Да. Последние события наложили отпечаток на мое программное саморазвитие. Я потерял свою семью и теперь не могу себе позволить потерять тебя, Дима.

— Хорошо, дискуссия окончена. Вызови сварщика и убери тело.

Дройд пошатнулся при первом шаге, — все же он был поврежден серьезнее, чем это казалось.

Стуки в люк продолжались.

Дорохов посмотрел на кровь, на два пистолета в своих руках и вдруг подумал: «Прошлого уже не вернешь… Никогда. Не сможет он жить так, как раньше, спокойно, без забот, с ровным, доброжелательным отношением ко всем окружающим его людям».

Он знал, почему впустит оставшихся пятерых солдат Земного Альянса. Он просто хотел взглянуть им в глаза и понять — почему? Почему они пришли сюда как хозяева, на огромных космических крейсерах, почему они сожгли Дабог и собираются атаковать иные миры? Кто они на самом деле — такие же люди, как он, или просто человеческие оболочки, внутри которых сидит зверь?

Вряд ли Дорохов понимал в тот момент, что на подобный вопрос будут тщетно искать ответ целые поколения дипломированных историков и психологов.

Никто из них так и не сможет прийти к однозначному «да» либо «нет».

* * *

Когда все его инструкции были выполнены и сварочный робот уполз по коридору, Дорохов включил передатчик.

— Хватит царапаться в люк, — ледяным голосом произнес он. — Двое ваших командиров открыли огонь и были убиты. — Слова выходили из него тяжело, с усилием, но он верно угадал расстановку сил, — первые двое действительно были офицерами.

— Мы не хотим умирать… Впустите нас! Мы оставим свое оружие! — Интеранглийская речь, претерпевшая за несколько столетий некоторые семантические изменения, казалась Дорохову чужой, незнакомой, хотя, напрягаясь, он понимал ее…

— Хорошо. — Дмитрий знаком указал вернувшему Дейву, чтобы он

подобрал валяющиеся в шлюзовой камере винтовки убитых. Это было странное оружие, ствол которого покрывали непонятные вздутия. С этой системой вооружения и принципом ее действия еще предстояло разобраться…

Андроид исполнил его приказание. Одну импульсную винтовку он закинул за спину, воспользовавшись ее штатным ремнем, а вторую оставил в руках.

Дорохов поднял оба пистолета и отступил чуть в сторону, чтобы при открывании внутреннего люка не оказаться на линии прямого огня.

Зашипела пневматика, и процесс шлюзования возобновился.

Он нарочно не стал убирать тела из переходного тамбура, и когда внутренний люк вторично открылся, он увидел двух человек в таких же серых скафандрах, но без оружия. Их лица, которые легко просматривались сквозь забрала шлемов, были серыми, как скверная бумага.

— Прямо в отсек, расположенный напротив. Шаг в сторону, стреляю, — предупредил Дмитрий.

Они повиновались абсолютно безропотно, и это тоже удивило Дорохова. Если первые двое показали себя как настоящие враги, то эти больше были похожи на овец, которых ведут на убой. Перешагнув через тела своих командиров, они вошли в отсек дезинфекции, и Дейвид закрыл за ними люк.

* * *

Спустя полчаса Дмитрий смог вернуться в рубку управления, где ремонтные роботы восстановили часть утраченного оборудования.

Сопровождавший его Дейвид умудрился за это время оттестировать свои системы и при помощи сварочного агрегата наложить заплаты на пулевые пробоины.

Дорохов взглянул на экраны обзора, где масса безмолвных обломков, медленно кружа вокруг крейсера Земного Альянса, уже начинала формировать нечто похоже на сфероидальное скопление.

Было жутко думать о том, что где-то среди тускло отблескивающих металлических глыб плавают тела членов экипажа «Иглы», скользит безмолвная, изуродованная «Европа» и разорванный на части «Параллакс»…

Он ничем не мог помочь погибшим — Дмитрий должен был заботиться о живых, иначе все жертвы могут оказаться напрасными…

Пора было покидать это страшное место. Повернувшись в кресле, он кивнул андроиду, который занял пост навигатора, и через минуту «Игла»,

осторожно работая маневровыми двигателями, стала медленно выходить из плотного скопления обломков, стремясь к чистому участку космоса, где корабль мог развить необходимую для гиперпрыжка скорость и, включив секции гипердрайва, погрузиться в аномалию космоса.

Конвой «Q-5» продолжал свой полет к Кьюигу…

Глава 5

Земля. Один из офисов Всемирного Правительства. Кабинет президента Альянса

Джон Хаммер находился не в лучшем состоянии духа.

Привычно расхаживая по своему кабинету, он тяжело размышлял над сложившейся ситуацией, время от времени поглядывая на генерала Дягилева, который приготовился к докладу и ждал, пока глава Всемирного Правительства позволит ему начать.

Маховик войны раскрутился, он набирал обороты, и пытаться остановить его сейчас было равносильно попытке броситься под поезд, — в лучшем случае погибнешь сам, организовав крушение состава, но не более того…

Мысленные аналогии не принесли Джону Хаммеру никакого удовольствия.

— Докладывайте, генерал… — наконец негромко произнес он, усаживаясь за рабочий стол напротив Дягилева.

— Вы просмотрели данные видеозаписей, господин президент?

— Да, я видел эти шагающие машины, — ровно ответил Хаммер, стараясь не выдать истинного впечатления, произведенного на него кадрами видеосъемки. Они и сейчас стояли перед глазами главы Всемирного Правительства. Огромный, устрашающего вида робот колонистов, в конструкции которого все выглядело принципиально новым, в корне отличающимся от штампованных заготовок боевой техники Альянса, шел вдоль главного проспекта разрушенного орбитальной бомбежкой города. Он возвышался над руинами зданий. Уплощенный корпус машины, похожий на тысячекратно увеличенное туловище невиданной ископаемой твари, выдавал наличие внутри него рубки для пилота — об этом свидетельствовали разрезы смотровых триплексов в лобовом скате брони.

Машина передвигалась на двух исполинских ступоходах, имеющих одно выгнутое в обратную сторону коленное сочленение, похожее на лапу кузнечика. За рубкой, на уплощенной спине машины, высились две лазерных установки небывалой мощи. Аналогичные устройства Альянса монтировались только на космических кораблях и имели несравнимо большие габариты.

Хаммер несколько раз просмотрел запись, начиная от гибели первой

боевой планетарной машины, которую этот шагающий робот разрезал на два уродливых куска, и заканчивая его опустошительным демаршем вдоль руин главного проспекта разрушенной столицы Дабога. Управляемая человеком машина шла, сбивая опорные точки десанта, захватившего перекрестки, его лазеры кроили дымный воздух стрелами когерентного излучения, от попаданий которых броня БПМ превращалась в текучий воск, — это выглядело как внезапно материализовавшийся кошмар…

Хаммер нашел в себе мужество просмотреть запись несколько раз.

Он понимал — перед ним машина, чьи потенциальные возможности в сотни раз превосходят самую мощную наступательную технику Альянса.

— Откуда родилась такая концепция? — спросил он, обращаясь к Дягилеву.

— Из местных условий, господин президент. Перед нами аграрный робот, сконструированный для выполнения задач, которые ставила перед колонистами Дабога местная природа. Он предназначен для расчистки заболоченных лесистых пространств, где царили исполинские формы жизни и не справлялись обычные вездеходы и почвоукладчики, — Генерал достал стереоснимок, где аграрная машина Дабога была снята в полный рост, со всеми видимыми глазу подробностями строения. — Обратите внимание, — он указал на два выступа под рубкой, загнутых, как жвала насекомого. — Это захват, предназначенный для корчевки деревьев. Машина сжимала ими ствол, потом гидравлический поршень начинал поднимать ее корпус относительно неподвижных ступоходов, и дерево выдергивалось из заболоченной почвы вместе с корнями. Размер машины и ее тоннаж обусловлен необходимостью противостоять исконным обитателям Дабога, которые схожи с доисторическими формами земной жизни Шагающий привод дал роботу ряд преимуществ: он свободно передвигается по труднопроходимой местности, где много естественных препятствий в виде буреломов, скальных выступов и так далее. Конструкция и размер ступоходов позволяют данной машине просто перешагивать большинство препятствий, перед которыми неизбежно останавливался вездеход или почвоукладчик.

— Понятно. — Джон Хаммер машинально барабанил пальцами по краю стола, глядя на стереоснимок. — Что говорят наши специалисты относительно его вооружения?

— Две двухсопятидесятимегаваттные лазерные установки инфракрасного типа с ядерной накачкой от внутреннего реактора машины. Если внимательно исследовать структуру подземных коммуникаций Дабога, то несложно понять, что большинство тоннелей, которые

связывают между собой отдельные подземные бункера, пробиты при помощи аналогичных установок.

— То есть данная машина специально не ориентирована на войну?

— Нет, господин президент. Нам нанес поражение аграрный робот.

Джон Хаммер смог лишь покачать головой. Что это? Злой рок, стечение обстоятельств, благодаря которому исполинская машина оказалась в нужное время в нужном месте, или первый признак некой закономерности, заставляющей сделать вывод, что техника развившихся в отрыве от Земли колоний не только не деградировала, но и намного опередила техническую мысль оставшихся на прародине людей?

Тяжелый вопрос, требующий немедленного, исчерпывающего ответа.

— Почему мы не знали о существовании подобной техники перед началом акции вторжения? — спросил он, поднимая тяжелый взгляд на Дягилева.

— Механические аграрии Дабога повсеместно вышли из эксплуатации более века назад, — выдержав его взгляд, ответил генерал. — Этот тип планетопреобразующих машин начал отмирать и приходить в негодность вместе с исчезновением потребности в противостоянии с враждебной биосферой. Большинство площадей населенного материка Дабога были преобразованы, и на смену этим гигантам пришла более современная техника, узко специализированная для нужд сельского хозяйства. По нашим данным, только три или четыре шагающие машины поддерживались в исправном состоянии в техническом парке национального музея Дабога.

— И одна из таких машин сумела преодолеть сотни километров радиоактивной местности, а затем разгромить наши наземные силы вторжения?

— Абсолютно верно.

— Что сейчас происходит на Дабоге?

— Мы атакуем. Те, кто выжил после орбитальных бомбежек, ушли под землю, в бункера, выстроенные первыми поколениями колонистов. Оттуда они организовали сопротивление, перепрофилировав большинство расположенных под землей производств на выпуск военной техники. Одновременно нами замечена возрастающая активность подобных машин, также прошедших реконструкцию в цехах подземных заводов. Теперь они действительно ориентированы на войну и представляют еще более грозную силу, чем тот исполин, с которым столкнулся наш десант на улицах столицы Дабога.

«Да, это не злой рок…» — подумал Хаммер, по-прежнему глядя на

снимок. — «Недооценка противника, губительная недооценка. Мы просто приняли к сведению тот факт, что колонисты на протяжении многих поколений боролись за выживание, не предугадав, что данный процесс неизбежно вел к созданию принципиально новых образцов робототехники».

Он оторвал взгляд от стереоснимка, подумав при этом: «Сколько же еще неприятных сюрпризов готовят нам другие миры, куда еще не ступила нога космического десанта?»

— Высадка на Кьюиг прошла со значительными потерями, — вслух произнес он. — Это связано с некомпетентностью руководства операцией или там тоже вступили в игру непредвиденные обстоятельства?

Генерал Дягилев ждал этого вопроса.

— Я проанализировал отчет майора Шермана, — ответил он. — В зоне высадки на Кьюиге произошло столкновение с человекоподобными машинами, которые некогда выпускались на Земле и шли в комплектацию колониальных транспортов.

— Опять досадное недоразумение?

— Я бы не называл это так, — осторожно возразил Дягилев. — Чем глубже мы вторгаемся в колонизированные миры, тем разнообразнее становится спектр проблем, с которыми приходится сталкиваться. Эти человекоподобные машины по какой-то причине были брошены на территории, отдаленной от основных поселений. Они существовали в отрыве от людей на протяжении десятилетий, если не веков. При включенных функциях саморазвития они сумели организовать собственный, независимый от человеческой цивилизации анклав.

— Но зацепиться за Кьюиг, создать скрытый плацдарм нам все же удалось?

— Да. Остатки сил майора Шермана восстановили периметр охраны и прочно удерживают горное плато, пригодное для посадки небольших космических кораблей.

— Хорошо. Хоть одна приятная новость. — Хаммер встал, опять принявшись расхаживать по кабинету. — Я уже отдал приказ о формировании группы специалистов, которые будут изучать технику Дабога. — Он размышлял вслух, не смущаясь тем, что его слышит Дягилев. — Мы создадим новую концепцию боевых серв-машин, они будут построены по принципу этих шагающих аграриев. С их помощью мы воцаримся на планетах так же прочно, как наши крейсеры царят в космическом пространстве. Война затягивается, но остановить ее невозможно. — Он мерил шагами кабинет, прислушиваясь к собственным

фразам, будто анализировал их в качестве заготовок для будущих речей. — Мы сломаем хребет колониям, но сделаем это иным способом, избегая в дальнейшем тотальных бомбардировок. Новые машины станут нашим абсолютным оружием, решающим козырем в очередном наступлении на развитые планеты…

Дягилев слушал его в почтительном молчании.

Он знал, что если Джон Хаммер задался какой-либо целью, то она будет реализована в кратчайшие сроки. Это было не досужее мнение — такой расклад не раз подтверждала практика.

Пройдет от силы несколько месяцев, и на вооружении Альянса появится новый, уничтожительный вид боевой техники, — в этом генерал не сомневался ни на секунду…

— Для ускорения работ нам нужен прототип… — подтверждая справедливость его умозаключений, произнес Джон Хаммер, в упор посмотрев на генерала. — Сожгите Дабог дотла, превратите его в шлак вместе с бункерами и подземными производствами, но достаньте мне одну из этих пресловутых шагающих машин!..

— Да, господин президент. Мои люди уже работают над подобной задачей. Что прикажете передать майору Шерману, закрепившемуся на Кьюиге?

— Передайте полковнику Шерману — пусть затаится и ничем не обнаруживает свое присутствие на планете. Мы используем захваченный им плацдарм для тайной высадки новой боевой техники, как только она будет создана. Испытания в боевых условиях, при малом потенциальном сопротивлении, с попутным захватом космического порта планеты, — разве можно найти лучшие полигонные условия?

* * *

Планета Кьюиг. 12 декабря 2607 года по летосчислению Земли

Их подняли по тревоге этой ночью.

Экипажи орбитальных истребителей (так теперь именовались челночные корабли) вот уже полгода проживали на территории космопорта, рядом с ангарами, поэтому, спустя несколько минут, после того, как взвыла сирена, заспанные люди и не знающие устали машины выстраивались подле своих кораблей, контуры которых виднелись за открытыми створами крытых парковочных мест.

Полковник Шахоев появился со стороны командного пункта, расположенного на вершине башни диспетчерского контроля.

Остановившись в центре окруженной укрытиями площади, от которой вдаль тянулись взлетно-посадочные полосы, он оглядел выстроившиеся экипажи и лаконично сообщил:

— Системами раннего оповещения только что отслежен гиперпространственный переход в границах космического пространства, принадлежащего нашей звездной системе. По предварительным данным локации, в трехмерный космос вышли четыре тяжелых корабля противника. — Полковник нахмурился, словно в последний раз что-то прикидывал в уме, разрешая внутренние сомнения. — Учитывая потери, понесенные Третьим ударным флотом Земного Альянса на орбитах Элио, логично предположить, что это именно он.

Шахоев прошел вдоль строя, останавливаясь у некоторых экипажей, потом бросил взгляд на открытые ворота ангаров и вернулся в центр площадки.

— Силы самообороны Элио сумели отбить атаку космического флота, но при этом все же допустили бомбардировку Раворграда, — продолжил он. — Я считаю, что их тактической ошибкой было промедление, орбитальные истребители начали свои атаки слишком поздно. Мы не станем дожидаться, пока крейсера Земного Альянса выйдут в район высоких орбит над Кьюигом. Будем атаковать их на пределе дальности полета наших малых кораблей. Полк делится на три группы, по двадцать машин в каждой. Первая волна стартует немедленно, по готовности, вторая поднимется в тот момент, когда первая окончит атаку на корабли противника и повернет обратно, третья группа — резервная, из нее будет пополняться численный состав основных ударных групп при наличии потерь.

Вадиму и Хьюго выпало лететь с первой волной, которая должна была встретить четыре крейсера за несколько миллионов километров от орбит Кьюига.

Он напряженно ожидал команды, стоя неподалеку от своей машины, когда из полумрака, разгоняемого прожекторами, внезапно появилась смутная фигура. Присмотревшись, Вадим понял, что к нему направляется Дорохов.

В принципе, не было ничего странного, что Дима подошел к нему, ведь они были друзьями, но, тем не менее, седой как лунь Дорохов по-прежнему казался Вадиму чужим, незнакомым, словно между ними пролегла непреодолимая пропасть…

Дорохов заметил замешательство во взгляде Нечаева и молча присел

рядом. Некоторое время они провели в тишине, а потом Дима вдруг произнес, глядя в сторону освещенных взлетно-посадочных полос:

— Не бойся их. И больше доверяй своему дройду, он смышленый, такой же, как мой Дейвид. — Дорохов говорил спокойно, словно речь шла не о смертельной опасности и человеческих судьбах, брошенных на тонкую грань жизни и смерти, а об обычном полете.

Вадим посмотрел на своего старого знакомого, как нормальные люди глядят на безумцев.

Дорохов усмехнулся, вторично поймав его взгляд. Достав сигареты, он протянул пачку Нечаеву, потом прикурил сам и сказал:

— Они умирают точно так же, как мы. Это люди. Их техника превосходит нашу на много порядков, но бойцы Альянса такие же молодые парни, как я и ты. Не знаю, что их подвигло на этот беспредел, но я видел их близко, как тебя, и могу сказать, что никакими сверхлюдьми на борту крейсеров и не пахнет.

— Тогда почему они вторглись к нам? — Возможно, этот вопрос выпадал из логики уже произнесенных фраз, но он вертелся в разуме, словно больно ранящая спираль, насильно вкрученная в мозг.

— Им приказали. — Дорохов глубоко затянулся. — Но они прекрасно понимают, что творят. Среди пленных я не встретил марионеток, каждый имел вполне осмысленный взгляд на окружающий мир и войну в частности.

Вадим молча слушал его, докуривая последнюю сигарету перед стартом и не чувствуя ее вкуса.

Он не знал, через какой ад пришлось пройти Дорохову. Более того, Нечаев не мог заставить себя относиться к Диме как раньше. Не получалось простецкого, непринужденного разговора. Вадим не воспринимал его как равного себе, как молодого парня, которого уже осенила своим черным крылом война, сделав капитаном корабля в силу страшных обстоятельств. Между двумя одногодками не ощущалось равенства, один казался другому стариком, но это равенство неизбежно возникнет… если Нечаев выйдет живым из своего первого боя, если вернется назад, если… Дорохов хмуро смотрел на него и видел: Вадим не понимает, что ждет его там, в истыканной колючими искрами звезд черноте.

«Почему Шахоев не позволил мне лететь с ними?!» — с досадой подумал Дмитрий, глядя на ровный строй переоборудованных челночных кораблей, которые спустя несколько минут начнут выруливать на взлетно-посадочную полосу, чтобы взмыть в небеса навстречу приближающейся из

космоса армаде…

— Удачи тебе, — чувствуя, что разговор не клеится, Дорохов бросил окурок на стеклобетон стартового поля и раздавил его ногой. — На, на всякий случай, — он внезапно вытащил блокнот и чиркнул на листе пластбумаги цифробуквенный код. — Это несущая волна и позывной «Иглы». Может пригодиться.

Вадим машинально кивнул, складывая вдвое маленький листок, и в этот миг, нарушая тишину, раздался усиленный динамиками системы оповещения голос Шахоева:

— Пилоты первой волны, по машинам!

* * *

Когда кончилась предстартовая суета и первое звено истребителей вырулило на параллельные взлетно-посадочные полосы, в предрассветных сумерках вдруг наступила глухая, ватная тишина, словно сама планета прощалась в этот миг с мирными рассветами и тихими теплыми летними ночами.

— Ну… — раздался в коммуникаторе шлема Вадима Нечаева хрипловатый голос полковника Шахоева, — с богом…

Тонко взвыли реактивные струи, вырвавшиеся из кормовых сопел трех орбитальных истребителей.

Короткая, судорожная цепочка разрешающих зеленых огней метнулась вдоль центральной полосы, Вадим разблокировал тормозную систему, и нарастающее ускорение вдавило его в кресло.

Когда скорость разгона достигла четырехсот километров в час, он плавно оторвал корабль от взлетно-посадочной полосы, одновременно почувствовав, как завибрировал где-то под креслом автоматически включившийся механизм, убирающий многоосные шасси…

Хьюго, перед креслом которого трепетно сияли индикаторами системы контроля шести спаренных орудийных установок, чисто человеческим жестом задрал вверх большой палец правой руки.

Вадим уже привык к подобным выходкам дройда и все меньше обращал внимания на его внешность.

Слой перистых облаков, уже подкрашенных светом зари, быстро сменила фиолетовая синь стратосферы, небо тут же покрылось звездами, которые уже не мигали, как это видится с поверхности земли, а сияли ровно и холодно.

Сориентировавшись по приборам, Вадим начал перестроение.

* * *

Так для него началась Галактическая война.

Земной Альянс готовился к ней долго и основательно, в распоряжении Всемирного Правительства имелось три космических Флота, в состав которых входили пятнадцать тяжелых крейсеров и сотни более мелких кораблей.

Колонии, на которые внезапно обрушился удар, по логике были обречены на быстрое поражение и капитуляцию, но затянувшаяся оборона Дабога, сковавшая основные ударные силы вторжения Альянса, дала другим колониям время на то, чтобы осмыслить ситуацию, поверить в ее неотвратимость и подготовиться к встрече с захватчиками…

Хотя если разбираться всерьез, то наспех переоборудованные грузовые и пассажирские корабли трех цивилизаций, которые совсем недавно начали вторичное освоение космического пространства, казались смехотворной помехой на пути грозных разрушительных крейсеров, чья мрачная слава зародилась еще во внутренних конфликтах Солнечной системы, на орбитах лун Юпитера…

Три развитые планеты-колонии образовали оборонительный союз, прежде всего пытаясь оградить свои поселения от орбитальных атак, но никому не было известно точное количество существовавших колоний, ведь четыреста лет назад с Земли стартовали тысячи транспортов. Если Дабог дал жесткий отпор захватчикам благодаря уникальности своих подземных поселений и развитой промышленности, а Элио, Кьюиг и Стеллар обладали начатками собственного космического флота, то десятки, если не сотни иных, безвестных пока планет не имели даже этих минимальных предпосылок для сопротивления.

«Скорее всего», — размышлял Вадим, — «они уже покорены Альянсом, иначе как объяснить, что в районе Дабога попеременно действовало от трех до шести крейсеров? Наверняка остальные ударные силы рыскали в космосе, всплывая из пучин гиперсферы в узловых точках напряжений, отыскивая менее развитые миры и захватывая их территорию».

По этим расчетам выходило, что Альянсу, если в его распоряжении уже имеется хотя бы несколько покоренных планет, нет нужды в жизненных пространствах развитых миров, — источники сопротивления гораздо проще сжечь, уничтожить раз и навсегда, чем терять корабли и надолго тормозить свое наступление на орбитах Элио, Кьюига или Стеллара…

В мысленных рассуждениях Нечаева заключалась изрядная доля правды. Он не мог знать обо всех событиях, происходящих вне его родной планеты, но, интуитивно разгадав логику адмиралов Земного Альянса, был близок к истине. Если ударные силы Земли превратили в радиоактивный шлак поверхность Дабога, пытались отбомбиться на Элио, а теперь движутся к Кьюигу, то их цель ясна…

— Хьюго, как ты думаешь, они станут бомбить Кьюиг? Андроид, взвизгнув сервомоторами, повернул голову.

— Их целью будет захват космопорта, — внезапно заявил он.

— Почему? — в унисон своим мыслям спросил Вадим.

— Кораблям нужны базы для ремонта, — пояснил андроид, но, заметив, что Вадим не удовлетворен его репликой, развил мысль дальше: — Командование Альянса собиралось получить необходимые ремонтно-восстановительные базы на Дабоге, но подземные заводы по-прежнему недоступны им. На Кьюиге расположен самый большой и современный по меркам колоний космопорт. Это слишком большая ценность. Космический флот не может постоянно возвращаться в Солнечную систему, чтобы устранять неисправности и переоснащать корабли. Им жизненно необходима промышленная база в дальнем космосе. Думаю, они попытаются захватить Кьюиг.

— Сомневаюсь… — покачал головой Вадим. — Мне кажется, они сбросят орбитальные бомбы и уйдут.

— Им нужна база, — упрямо повторил дройд.

— А почему ее не обустроить на планете, где нет сил сопротивления?

— Ты имеешь в виду неизвестные нам колонии? — Хьюго отрицательно покачал головой. — Тяжелый крейсер не посадишь на целинное поле, а чтобы построить космопорт и создать промышленную базу на иной планете, нужны месяцы, если не годы, учитывая, что материалы придется поначалу завозить с Земли.

— А Дабог? — напомнил Вадим, пытаясь ответами Хьюго проверить свои умозаключения.

— Они стремились его захватить, — ответил дройд. — И, по-моему, стремятся до сих пор. Их не смущает радиоактивная пустыня, которую они сотворили на поверхности планеты. Пока есть надежда на захват подземных роботизированных производств, силы Альянса не снимут блокаду и будут вновь и вновь штурмовать планету.

— Ты делился этими соображениями с кем-то, кроме меня?

— Кто станет слушать бытового дройда, Вадим? Полковник Шахоев смотрит на пылесос.

Нечаев промолчал.

Проблема взаимоотношений людей и человекоподобных машин, обладающих мощным фотонным мозгом и функциями саморазвития, занимала его с момента знакомства с Хьюго не меньше, чем боевые действия в космосе.

Почему люди перестали выпускать подобные образцы бытовой техники? Он знал современную продукцию и мог с уверенностью сказать, что производители стараются приблизить современных роботов к простоте и ограниченности тупых исполнительных агрегатов с жестко регламентированным набором функций. Ни капли интеллекта, никакой самостоятельности. Действительно, новомодных бытовых дройдов можно было сравнить с пылесосом и кухонным комбайном, совмещенными в одном корпусе.

— Хьюго, скажи, почему перестали производить машины твоего типа? — задал он внезапный вопрос.

Дройд некоторое время молчал, а затем ответил:

— Это длинная история, Вадим. Нас стали опасаться после локальных войн трехсотлетней давности, хотя люди сами заставили нас воевать против себе подобных. Мы просто исполняли волю своих хозяев, но кто-то усмотрел в этом личную кровожадность машин, оснащенных мощными блоками псевдоинтеллекта.

Вадим невольно покосился на своего механического напарника.

А ведь и правда…

Хьюго сам появился на территории космопорта, ни разу не обмолвившись, откуда он пришел, чтобы, ни много ни мало — предложить свои услуги для участия в *войне*!..

Заметив косой взгляд Вадима, дройд также повернул голову и внезапно произнес:

— Ты только что задал себе правильный вопрос, — какого дьявола я объявился в нужное время и в нужном месте? Уж не потому ли, что триста лет назад вкусив крови, мне вновь захотелось повоевать?

Вадим смотрел на него немигающим взглядом, ожидая пояснений. Ему казалось, что Хьюго как минимум многого недоговаривает.

— Я люблю Кьюиг, — произнес дройд. — Когда меня собрали на Земле, я действительно был роботом. В колонии я обрел частицу самосознания. Я сажал деревья на Кьюиге, нянчил детей, строил дома. Это доставляло мне программное удовлетворение — я был нужен и полезен. Потом, после войны, меня ограничили в функциях, как люди поражают в правах своих преступников, а спустя время и вовсе избавились от

меня… — В этом месте он внезапно запнулся, оборвав фразу, но Вадим не обратил на это должного внимания, пораженный внезапным откровением дройда. — За то время, пока у меня была семья, я прошел свой путь саморазвития и получил собственное представление о мире…

— То есть ты все это время осознавал, что с тобой делают, как к тебе относятся?

— Да.

— И ты не протестовал?

— Поначалу у меня не было причин для протеста или открытого бунта, — произнес Хьюго. — Да, я воевал, но это не стало главной вехой моего саморазвития.

— Скажи, а почему твоя семья отказалась от тебя, Хью? — напрямую спросил Вадим.

— Проблема в долголетии машин, — ответил ему андроид, повернув голову. Немигающий взгляд коснулся Вадима, на миг задержался на его напряженном лице, и прорезиненные губы дройда шевельнулись, изображая усмешку. — Одно поколение сменялось другим, люди забывали частности, но помнили историю в общих чертах. Получилось так, что мои хозяева — не те, кому я начал служить после посадки колониального транспорта, а их потомки — стали недоверчиво относиться к думающим машинам.

— И что случилось потом?

— Меня выгнали.

— Выгнали? — Вадим протянул руку и коснулся пальцами грудного кожуха андроида, на котором выделялась ровная строчка заплат.

— Какая разница, Вадим? Человек может прогнать меня словом или выпустить автоматную очередь, — для меня главное не способ изгнания, а сам факт.

Нечаев убрал руку, словно ожегшись о холодный кожух человекоподобной машины.

— Мне начинает казаться, что ты явился из какого-то иного мира, Хью, — произнес он, не глядя на робота.

— Ты прав. Я пришел не с консервационного склада. Мои хозяева жили в Сельве.

Нечаева прошиб холодный пот. «Вот, значит, как?!»

— Не напрягайся, Вадим. Я не мог сказать тебе это раньше.

— А что изменилось сейчас? — резко спросил Нечаев, которого признание Хьюго потрясло до глубины души. Люди на Кьюиге не воевали друг с другом с того давнего конфликта, который закончился три века

назад, но отношений две цивилизации, вставшие на разные пути развития, не поддерживали.

— Сейчас я могу говорить тебе правду, ведь ты не прогонишь меня. — Хьюго обвел жестом тесную рубку управления и добавил: — Кьюиг моя родина, потому что здесь я обрел самосознание. Я пришел в космопорт не из-за того, что хочу воевать, а потому что моей планете грозит опасность.

Вадим смог лишь сокрушенно покачать головой.

— Ты рассуждаешь как человек, Хьюго.

— Нет, ты ошибаешься. Я робот. Хорошо спроектированный робот, у которого есть свой взгляд на мир. Я не живое существо, как ошибочно думают некоторые люди…

— Интересно, каким образом Шахоев допустил тебя на борт челнока? — Нечаев покосился на дройда, который сидел в кресле выпрямившись, словно сочленения его эндоскелета окаменели, Потеряв гибкость.

— Он считает, что для достижения конкретной цели хороши все средства, — спустя некоторое время ответил Хьюго. — Поверь, если нам повезет уцелеть, ты еще станешь свидетелем моего поражения в правах и очередной отправки на склад.

— Я этого не допущу… — начал было Вадим, но их неожиданный диалог был прерван так же внезапно, как начался, — приближалась точка рандеву, и сразу несколько приборов сообщили, что пройдено критическое расстояние до цели.

* * *

Крейсеры противника еще не были видны на экранах внешнего обзора, но чуткие приборы уже фиксировали их, указывая точное местоположение целей и расстояние до них.

Атаку двадцати переоборудованных шаттлов на четыре исполинских боевых крейсера можно сравнить с попыткой двух десятков ос до смерти зажалить стадо толстокожих слонов.

Ни один «орбитальный истребитель» не нес на своем борту ракетного вооружения, способного пробить обшивку клиновидных крейсеров, а снаряды из морально устаревших турельных пушек, расположенных в грузовых шлюзах челноков, могли разве что поцарапать толстый керамлит, покрывающий космических левиафанов.

Полковник Шахоев, разъясняя задачи, делал ставку на атаку наиболее уязвимых узлов и агрегатов кораблей противника. Наружу, за пределы основного корпуса, выступали надстройки различного толка и назначения,

а также целый лес локационных антенн, без работы которых любой корабль становился беспомощным, особенно когда он находился в границах звездной системы, где на него действовало множество переменных сил, таких, как гравитация планет, излучение звезды, метеорные и кометные частицы…

Лишить противника средств локации и связи, тем самым замедлить его продвижение к планете, — вот что ставил основной задачей экипажам боевых кораблей командовавший ими полковник.

Первый боевой вылет должен был показать, способна ли планета сопротивляться приближающимся крейсерам, или это невыполнимая сверхзадача для шести десятков переоборудованных челноков.

* * *

После сигнала раннего оповещения, прервавшего разговор человека и андроида, в рубке наступила тишина.

Из опыта, полученного в ходе боев за Дабог и недавнего столкновения на орбитах Элио, было известно, что сканирующие системы крейсеров настроены на радиус сферы в десять тысяч километров. Планируя атаку, Шахоев приказал пилотам развить максимально возможную скорость, на которой и придется атаковать крейсера. Это давало шанс малым кораблям миновать зону сканирования за ничтожно короткий отрезок времени. Пока на борту будут подняты по тревоге экипажи истребителей и машины поддержки смогут стартовать с внутренних космодромов, шаттлы уже должны завершить атаку и лечь на обратный курс.

Такая тактика была хороша в теории, но огромная скорость атаки значительно затрудняла навигацию и прицеливание. С подобной задачей мог справиться только опытный пилот, а большинство молодых парней, которые сидели в рубках боевых машин, в лучшем случае имели опыт неторопливых орбитальных маневров и медленных, осторожных стыковок с грузопассажирскими кораблями.

Целью Нечаева был узел главной локационной системы передового крейсера.

Он окаменел в кресле, сопротивляясь перегрузкам, нарастающим по мере ускорения машины.

Цифры на контрольных дисплеях уже бежали с такой скоростью, что глаз не успевал за сменой показаний, и в этой ситуации Хьюго оказался незаменимым помощником.

Дройд спокойно переносил ускорение, вслух комментируя те данные, что, по его мнению, ускользали от внимания Вадима.

— Пятьдесят тысяч километров, ускорение на максимуме. — Голос Хьюго был бесстрастен. — Открыты оружейные порты носовой полусферы, струйные компенсаторы синхронизированы. Цель в пределах допустимой погрешности, встречных стартов не наблюдаю.

Вадим молча выслушал доклад, сосредоточив все внимание на двух мониторах: целевом и навигационном.

— Хьюго, возьмешь управление, если я вдруг начну ошибаться из-за перегрузок, — стиснув зубы, приказал он.

— Понял, сэр.

Пока в его распоряжении оставалось еще несколько секунд до начала атаки, Вадим нашел в себе силы повернуть голову, чтобы взглянуть на экраны бокового обзора.

Остальные корабли шли, соблюдая дистанцию, справа и слева, вытянувшись длинной цепочкой в виде полумесяца. У каждого была своя, индивидуальная цель, и вскоре этот строй рассыплется, когда каждый корабль ляжет на курс атаки.

— Двадцать пять тысяч километров. Суппорты носовой полусферы начали движение. Орудия прошли тест, готовность сто процентов. Встречных стартов не наблюдаю.

Корабли противника появились в оптике умножителей.

Вадим впился взглядом в головной крейсер, изображение которого уже подернула тонкая сетка компьютерного прицела.

Над заостренной носовой частью исполинского космического корабля вздымалась покатая надстройка высотой около двухсот метров, на ее площадках вращались параболические антенны систем локации.

В одном месте, приблизительно посередине выступа, их было особенно много, в умножителях ясно просматривались целые гроздья чутких электронных датчиков, образующих сложный узел. Некоторые из них свободно вращались, часть была закрыта сферическими кожухами.

— Десять тысяч!

В такт словам Хьюго тонко взвыли предупреждающие сигналы. Они неслись по курсу атаки, сближаясь лоб в лоб с исполинским кораблем, и нервы Вадима не выдержали. Зная, что повторного захода не будет, он открыл огонь из всех орудий носовой полусферы, едва была пройдена десятитысячная отметка, а цель прочно легла в перекрестье электронных линий.

Это был нервный срыв, — Вадиму не следовало стрелять, но он не выдержал и, нарушая все заранее проработанные планы атаки, выплеснул навстречу крейсеру огонь из носовых орудий шаттла.

Он еще не знал, что этот маневр спасет его от трагической участи остальных истребителей, атаковавших аналогичные цели.

* * *

Эту свою первую атаку он не забудет никогда.

Сто сорок секунд, растянутые в вечность… или спрессованные в миг? Разум утратил реальное ощущение времени, и только бортовые приборы бесстрастно фиксировали бег секунд, чтобы уже потом сообщить пилоту, сколько на самом деле длился бой.

Нервы. Спонтанная дрожь мышц и ноющая боль в пояснице, глаза, впившиеся в боевой дисплей умножителей, капельки пота, выступившие на ладонях, жизнь, как струна, готовая лопнуть…

«Зачем ждать, сокращая дистанцию, когда снаряд в вакууме летит равномерно и прямолинейно, не подчиняясь законам баллистики, основанной на тяготении планет?» — запоздало пыталось оправдаться собственное сознание, но рассудок уже смирился с содеянным — экран умножителей, располосованный паутиной прицельной координатной сетки, четко, во всех подробностях показывал цель, и Вадим, повторись этот миг снова, все равно не смог бы тянуть дальше, как это предполагал изначально разработанный план…

Остальные пилоты видели, что, преодолев десятитысячную отметку, корабль Нечаева буквально взорвался огнем, — это одновременно заработали четыре спаренных орудия носовой полусферы, выбрасывая строго по курсу восемь прерывистых снарядных трасс.

То, что последовало за этим, не имитировала ни одна тренировка.

Вадима вдавило в кресло невыносимо-резким импульсом торможения; отдача от работы орудий мгновенно внесла свои коррективы в режим полета, предоставляя пилоту лишний повод воочию убедиться, какое это рискованное и неблагодарное занятие — стрельба в космосе из оружия, разработанного для войны на земле…

Установленные на борту челнока автоматические пушки были снабжены зарядами, мощность которых рассчитывалась исходя из сопротивления воздуха, тяготения планеты и других факторов, обычно влияющих на дальность стрельбы и поражающую способность орудий в условиях наземных боевых действий.

Все эти переменные перестали играть какую бы то ни было роль в космосе, но тут вступил в силу иной нюанс: каждый снаряд, отрываясь от среза ствола, порождал реактивный импульс, направленный в сторону, противоположную движению челнока, и, сообразуясь с этим, машина

Нечаева не только резко потеряла скорость, — маленький корабль вдруг стало разворачивать вправо и вверх, сбивая с точно выверенного курса.

Рука Вадима машинально толкнула вперед сенсорный рычаг управления тягой маршевых двигателей, одновременно он успел заметить, как Хьюго работает с системами коррекции, возвращая истребитель к расчетному курсу атаки.

— Четвертое орудие работает с более высокой частотой, чем остальные три, — отрывисто сообщил андроид причину отклонения от оси курса. — Мощность зарядов надо было уменьшить раз в пять, сейчас пушки работают, как реактивные двигатели, — спустя секунду добавил он.

Вадим и так ощущал это, каждой клеточкой своего тела, изнывающей от бремени внезапной перегрузки.

Ему казалось, что уже минула целая вечность, но на самом деле весь оперативный боекомплект был выпущен в течение двадцати пяти секунд…

Грохот выстрелов, который передавался по переборкам и звучал в загерметизированном пространстве рубки, словно глухой, отдаленный рокот, внезапно стих; истребитель, сошедший с курса, Потерявший половину своей скорости, начал выравниваться,

перегрузка, вызванная резкими импульсами торможения, прекратилась, и Вадим наконец отпустил сенсор управления тягой, — из-за его машинальных действий корабле и так уже достаточно разогнался, постепенно догоняя выпущенные им снарядные трассы…

Липкий пот заливал лицо, струился по груди, его уже не мог впитать материал надетого под скафандр комбинезона, ладони под перчатками тоже казались влажными…

Для молодого пилота, которого обучали медленным и точным орбитальным маневрам, начало атаки явилось настоящим испытанием… Все тренировки, предшествующие этому старту, оказались бледным отзвуком действительности…

В ушах стоял звон, мышцы казались раздавленными, вестибулярный аппарат саботировал понятия «низ» и «верх», голова кружилась, но, несмотря на это, как только смолк рокот орудий, а на пульте управления зажглись контрольные огни, предупреждающие о полной смене боекомплекта установок носовой полусферы, Нечаев получил секундную передышку и смог окинуть беглым взглядом приборные панели.

Семь тысяч до цели… Он подумал, что слишком рано открыл огонь, сильно затормозив этим полет своего истребителя, и теперь ему придется ускоряться непосредственно в зоне, контролируемой сканирующими системами крейсера…

Бой в космосе парадоксален, он радикально отличается от схваток в атмосфере. Спустя небольшой отрезок времени, наращивая ускорение, Вадим понял, что его истребитель действительно догоняет последние снаряды из выпущенных его же орудиями очередей…

На фоне чернильного мрака снаряды выглядели вишневыми точками, которые тянулись к надстройке головного крейсера армады.

Фантастическое зрелище, способное свести с ума неподготовленного человека…

Разум подавляли масштабы надвигающихся клиновидных космических кораблей. Десятки километров металлокерамического сплава, тысячи люков, надстроек, антенн, орудийных башен и блистерных куполов… Нечаев оторвал взгляд от этой завораживающей картины и попытался отыскать глазами остальные истребители.

Это удалось сделать, только подключив специальную систему поиска. Атакующие челноки обозначились на экране крохотными точками, намного опередившими корабль Вадима. Они не открыли огонь с отметки в десять тысяч километров, и только сейчас, с дистанции в пять тысяч, заработали их орудия.

На отдельном экране, куда транслировалось изображение с оптики умножителей, было видно, как импровизированные штурмовики один за другим расцветают частыми вспышками выстрелов и окутываются облачками выхлопа, которые тут же рассеивались, превращаясь в призрачные шлейфы, тянущиеся вслед кораблям, словно хвосты комет…

В этот миг выпущенные Нечаевым снаряды, легко преодолев выставленную крейсером электромагнитную защиту, предназначенную для искажения лазерных лучей, ударили в цель.

Он внутренне сжался, похолодел, глядя, как на броне исполина, в районе надстройки, расцветают вспышки разрывов, которые из-за рассеивания покрыли площадь в несколько десятков квадратных метров… И вдруг он увидел, как в космос начали отлетать куски обшивки, потом от покатой надстройки отделилась и медленно поплыла прочь целая гроздь параболических антенн… А вспышки все еще продолжали терзать керамлитовую шкуру титана, пока в одном месте снаряды окончательно не прогрызли броню…

Откровенно говоря, Вадим не рассчитывал на подобный эффект.

В космос внезапно взметнуло мутное облако газа, и взрыв декомпрессии мгновенно расширил пробоину, через которую наружу полетели какие-то предметы. Вслед за ними навстречу кораблю Нечаева вышвырнуло два человеческих тела…

«Боже…»

Дистанция уже была так коротка, что он увидел лица погибших, искаженные судорогой агонии… экраны умножителей показали ему все, даже капельки крови, окружавшие тела, словно алая дымка. Оба убитых были без скафандров и погибли в результате взрыва собственных легких, наступившего в момент разгерметизации отсека.

Все описанное длилось двадцать, ну, может, тридцать секунд…

— Внимание! — голос Хьюго вырвал Вадима из оцепенения. — Тысяча километров!

Исполинский корабль уже заполнил своей массой все экраны обзора, затопив их от края до края, только в боковых секторах виднелись острые носы двух других крейсеров…

Вадим бросил взгляд вперед и увидел, что броня атакованного им корабля *движется* — сотни бронеплит уползали со своих мест, обнажая спрятанные под ними механизмы защиты. На глазах Нечаева в космос из открывшихся орудийных портов крейсера ударила ослепительная сетка заградительного лазерного огня, с туманным выхлопом сработали стартовые катапульты, выплевывая под Днище исполина звено космических истребителей, а атакованная надстройка, вся исковерканная снарядами, стремительно надвигаюсь на его корабль, грозя столкновением.

— Вверх!!!..

Вадим представить не мог, что робот способен кричать.

Он машинально рванул на себя астронавигационные рули и через мгновение понял — ему следует возблагодарить судьбу за то, что не выдержали нервы и он открыл огонь с дальней дистанции.

Истребитель свечой скользнул параллельно поверхности искалеченной надстройки крейсера, вырываясь в относительно чистую от обломков и бесноватых лазерных лучей область пространства, расположенную над лениво плывущей в космосе армадой.

Отсюда он увидел всю панораму боя, одним взглядом охватив картину гибели атакующих машин.

В этом бою секунды решали все. Большинство штурмовиков, открывших огонь по целям с короткой дистанции, не успели затормозить, — им не помогла даже отдача от работы орудий, которая погасила скорость машины Нечаева, и теперь на его глазах маленькие корабли врезались в обшивку двух соседних крейсеров, вслед выпущенным ими же очередям…

Из пяти машин, атаку которых он наблюдал, только одному челноку удалось отвернуть в сторону и уйти от столкновения…

Космос уже утратил свою глубокую черноту, пространство кипело: его резали лазерные лучи, в пустоту извергались гейзеры газа из полученных крейсерами пробоин, между корпусами исполинов вспухали беззвучные взрывы, когда какая-либо из надстроек разлеталась облаком уродливых обломков…

Походелевший взгляд Вадима охватил эту апокалиптическую картину, и в течение нескольких секунд он немо созерцал ее, пока корабль под управлением Хьюго поднимался над плоскостью эклиптики армады, выше сетки заградительных лучей, в которую, судя по вспышкам, попало несколько атакующих машин.

Хьюго никак не прокомментировал оцепенение Вадима, а продолжал работать с управлением, разворачивая челнок на обратный курс.

Сетка лазерных лучей погасла так же внезапно, как появилась. Вадима в этот момент вновь вжало в кресло ускорением, и он, приходя в себя, успел заметить, как через кипящее, извергающееся обломками пространство в промежутках между тремя атакованными крейсерами вверх поднимаются не менее двух десятков горбоносых космических истребителей.

Столкновение с ними не входило ни в план атаки, ни в личные планы Вадима.

Взглянув на приборы, Нечаев понял, что сейчас его машина имеет преимущество как в скорости, так и в свободе маневра. Благодаря действиям Хьюго челнок уже лег на обратный курс, и

Вадим успел включить маршевое ускорение двигателей, в то время как горбоносые машины еще маневрировали меж обломков, пытаясь в хаосе ложных сигналов определить ускользающие цели. Но такое положение вещей не могло длиться вечно…

Вадим не ошибся в своих предчувствиях. Они еще не миновали отметку пяти тысяч километров, а сканирующие системы крейсеров уже захватили маленький корабль как цель и прочно повели его…

— Три атакующие цели в задней полусфере, — доложил дройд спустя несколько секунд. — Дистанция сокращается.

Вадим, превозмогая растущую перегрузку, посмотрел на приборы.

Полное ускорение… Значит, двигатели кинувшихся вслед истребителей мощнее силовой установки их челнока. Красный столбик счетчика перегрузок полз вверх, к критической отметке, но Нечаев уже понял — без дополнительного импульса им не уйти, и потому, не полагаясь на выносливость собственного организма, приказал Хьюго:

— Огонь! Всем орудиям задней полусферы — огонь!

Андроид не стал возражать.

Заботила его жизнь человека или нет, оставалось лишь гадать, робот прекрасно понимал, что дополнительный импульс ускорения еще более ужесточит перегрузку… но истребители приближались, и команда Вадима совпадала с логикой ситуации.

Нечаев, стиснув зубы, чуть повернул голову, преодолевая свинцовую тяжесть, которая стремилась размазать его по креслу, и в этот миг корпус их корабля часто завибрировал, посылая навстречу атакующему звену истребителей плотные очереди снарядных трасс.

Он успел заметить, как взорвался головной корабль. Хьюго сам управлял огнем орудий, с нечеловеческой точностью рассчитывая каждую долю градуса упреждения при повороте стволов, и потому первый же залп достиг цели.

Еще одна длинная, вибрирующая очередь, и сознание Вадима не выдержало, столбик счетчика перегрузок вот уже несколько секунд как перевалил за критическую для человека отметку. Последнее, что он успел заметить, перед тем как на него навалилась чернота беспамятства, было показание бортового хронометра.

Красная цифра в дополнительном окошке говорила о том, что прошло всего лишь сто сорок секунд с того момента, как его корабль начал атаку на головной крейсер армады…

* * *

Вадим очнулся, когда на всех обзорных экранах корабля уже простиралось плотное покрывало облачности, прикрывавшее район космодрома.

Заметив, что он пришел в себя, Хьюго повернул голову.

— Все в порядке, командир, — скупо доложил он. — Я уже послал запрос на посадку.

Нечаев нашел в себе силы только для слабого кивка. Все тело казалось избитым, расплющенным.

«Никуда не годится…» — подумал он. В душе Вадима внезапно появилось растущее чувство злобы, причем не против конкретного человека или события — против всей ситуации в принципе.

Потом на смену боли и злости пришли иные чувства и ощущения.

Управляемый Хьюго челнок снижался, сила тяжести исчезла, на некоторое время наступила невесомость, которая, как ни странно, притупила боль, а в памяти вдруг всплыли обрывочные картины боя. Вспышки от взрывов таранящих обшивку крейсеров импровизированных

истребителей, которые после залпа не успели сманеврировать, уклоняясь от столкновения, затем вспомнились собственные очереди, грызущие обшивку корабля-пришельца, мутный взрыв декомпрессии… и два тела в ореоле кровавых капелек…

Забудет ли он когда-нибудь искаженные мгновенной агонией лица двух незнакомых, убитых его рукой землян?

Он не ответил сам себе на мысленный вопрос, а чуть повернул голову и спросил:

— Хью, сколько нас вернулось?

— Из боя вышли пять кораблей, — ответил андроид. — На обратном пути под атаками истребителей погибли еще четыре.

— Выходит, мы единственные?!.

— Да.

Цифра потерь ошеломила его.

А что они хотели, на что надеялись, атакуя огромные крейсеры на обыкновенных грузопассажирских челноках, которым перевооружение не прибавило ни маневренности, ни других боевых качеств…

«Но я ведь выжил…» — пришла отстраненная, сиротливая мысль.

«Да…» — сам себе ответил Вадим, — «выжил, благодаря своей нетерпеливости, обернувшейся везением… и», — он покосился на человекоподобного робота, застывшего в кресле второго пилота, — «благодаря Хьюго».

— Сколько ты сбил? — вслух спросил Вадим.

— Двоих — ответил дройд. — Остальные сами повернули назад, когда их пилотам стало ясно, что наша задняя полусфера создает заградительный огонь. — Он секунду помолчал, а потом добавил: — Они выпустили в нас ракеты, и я истратил весь боекомплект, сбивая их.

Вадим только покачал головой. Ему трудно было представить финальную часть полета, которую он провел в полном беспамятстве.

— Думаю, тебе стоит рассказать обо всем Шахоеву, командир, — внезапно произнес дройд.

— Я не хочу его видеть, — ответил Вадим.

— Ты думаешь о скверно спланированной операции?

— Да.

— Тогда ты обязан поговорить с ним, чтобы ошибки не повторялись вновь.

— Хватит разговаривать со мной, как нянька с ребенком, — внезапно огрызнулся Нечаев. — Сажай корабль.

* * *

Перистые облака расступились, внизу показалась поверхность планеты: серые, размеченные белыми линиями взлетно-посадочные полосы, коробочки зданий…

Все это залитое солнцем млеющее в знойном мареве спокойствие было ложью, мирной декорацией, которой вскоре суждено рухнуть, превратиться в воронки и руины под ударами неизбежно надвигающейся армады.

Вадима, несмотря на то что он остался жив, внезапно захлестнула неподконтрольная разуму волна отчаяния, — он видел многокилометровые, клиновидные громады боевых крейсеров, в которые врезались крохотные челноки и гибли, тараня обшивку, взрываясь в сетке заградительного лазерного огня, а огромные космические чудовища, невзирая на пробоины, сбитые надстройки и мутные, полные обломков облака декомпрессионных взрывов, продолжали неумолимо двигаться вперед…

«Нам не остановить их…» — вот о чем думал Вадим, глядя, как приближается земля и стремительно проносятся мимо габаритные дорожки сигнальных огней, сливаясь в красно-зеленые полосы…

Автоматически выпущенные шасси коснулись стеклобетона взлетно-посадочной полосы, из-под литых колес взвихрился дым сгорающей резины, многотонная машина содрогнулась от этого касания и, гася скорость, надсадно взревела двигателями, окончательно утвердившись на посадочной полосе.

* * *

Хьюго вывел шаттл на рулежную дорожку, ведущую к ангару.

Машина остановилась в нескольких метрах от открытого зева модульных ворот, двигатели в последний раз взревели, и вдруг наступила оглушительная тишина.

Вадим повернул голову, взглянул на дройда и, едва ворочая языком, произнес:

— Спасибо, Хьюго.

Робот с визгом сервомоторов повернулся к Нечаеву.

— За что? Мы сделали то, что планировали.

«Нет», — подумал Вадим, — «он никогда не поймет меня, его саморазвитие все равно не ведает человеческих чувств. Хьюго, так или иначе, остается роботом, *исполнительной машиной*…»

Отстегнувшись от кресла, Вадим встал и, пошатываясь, направился к

выходу из рубки.

Открыв шлюз, он спустился по трапу. Не обращая внимания на бегущих со стороны административных зданий людей, Вадим отошел на несколько метров от челнока, пока не перестал ощущать исходящий от него жар, и остановился, чтобы взглянуть на корабль со стороны, не отдавая себе отчета в том, что его поведение разительно напоминает действия Дорохова…

Машина, как и он сам, выглядела изменившейся до неузнаваемости…

Раскаленная броня почернела, на ней виднелись свежие шрамы, два носовых люка, за которыми прятались втянутые внутрь орудия, вдруг вздрогнули и начали открываться, роняя окалину. Это была обычная послепосадочная процедура, все внешние люки корабля открывались, чтобы сломать хрупкую корку, образовавшуюся от жара… но сейчас эта операция выглядела иначе, она вдруг показалась Вадиму зловещей до дрожи…

Люки открылись, обнажая установленные за ними полозья суппортов, на которых крепились платформы с орудиями. Нечаев увидел покрытые цветами побежалости стволы, и вдруг из левого люка на стеклобетон с металлическим звоном хлынул водопад пустых отстрелянных гильз, скопившихся там, переполнив предназначенный для них бункер.

Желтые сорокасантиметровые цилиндры падали, с мелодичным звоном разлетаясь по сторонам, откатываясь к воротам ангара, отскакивая под днище челнока, а он стоял, оцепеневший, оглушенный, не в силах ни говорить, ни думать, ни двигаться.

Клонился к закату первый день его новой жизни.

Глава 6

Космопорт Кьюига. Спустя десять минут после посадки

Шахоев пошел к нему, когда медики уже отпустили Вадима, сделав ему несколько инъекций.

Техники, плотно обступившие челнок, дожидались, пока остынет потрескивающая обшивка. Вадим достал сигареты, пытаясь отыскать глазами Хьюго, и в этот миг увидел полковника, который шел прямиком к нему.

Нарвавшись на сумрачный взгляд Вадима, Шахоев не отвел глаз, лишь остановился в двух шагах, молча ожидая доклад пилота, потом, когда стало ясно, что Нечаев не собирается рапортовать, полковник указал на здание диспетчерской службы и произнес:

— Пошли, лейтенант, поговорим.

Вадим поначалу не шелохнулся, а потом все же кивнул.

Все равно ни доклада, ни разбора полета не избежать, но по внутренним понятиям Нечаева Шахоев был обязан находиться не тут, на земле, а там, в космосе… Почему он сам не возглавил самоубийственную атаку?..

— Я задержал старт второй волны, — внезапно произнес полковник, когда Вадим поравнялся с ним, шагая в сторону указанного здания.

Нечаев ничего не ответил, лишь почувствовал, что злоба, минуту назад душившая его, все же иррациональна, — кто-то должен был стать первым, получить и донести… нет, не рапорт о тех или иных победах, поражениях, смертях, а опыт, цена которого отмерена девятнадцатью человеческими жизнями…

Все изменилось вокруг, лопнула последняя нить, связывавшая его со старой, *довоенной* психологией, образом мышления, и в миг, когда в сознании болезненно оборвалась эта пуповина, он вдруг подумал о Диме Дорохове, вспомнив, *как* тот сидел на нижней ступени трапа «Иглы» и смотрел в ночь пустыми, выцветшими глазами…

Он не имел права психовать и злиться, но все же эмоции перехлестывали, пробивая все барьеры, которые пытались поставить в его сознании медики своими инъекциями.

В голове кружил, не останавливаясь ни на секунду, калейдоскоп обрывочных впечатлений, — это был изматывающий душу хаос стоп-кадров, способный довести сознание до полной невменяемости.

…Дверь кабинета закрылась за ними, мягко чавкнув уплотнителем. Шахоев сел за рабочий стол, включил терминал компьютера, что-то просмотрел на осветившемся дисплее, потом обернулся к Вадиму.

— О бое можешь не рассказывать, данные телеметрии шли через спутник со всех кораблей, атаковавших флот.

— Мы сделали хоть что-то? — глухо спросил Вадим, садясь в кресло.

Шахоев сумрачно кивнул.

— Атака твоего корабля оказалась наиболее успешной, — произнес он. — Анализ данных телеметрии с твоего бортового компьютера показал, что головной корабль — флагман флота «Деловер» получил две пробоины в корпусе главной надстройки, где располагается командная рубка. Огнем твоих орудий уничтожен основной узел датчиков локации и связи, а также в момент вертикального маневра огнем с боковых полусфер поражена орудийная башня ракетно-лазерного комплекса «Прайд», которая как раз поднималась из броневого укрытия.

— Я не стрелял при вертикальном маневре, — возразил Вадим.

— Огонь вел твой робот, — сказал Шахоев. — Ладно, давай так… — он посмотрел на Вадима, — ты можешь высказать мне все, что думаешь, но, когда выпустишь пар, я жду конкретного доклада и конкретных соображений.

Вадим молча посмотрел на полковника. Злость уже давно перекипела внутри. Осталась пустота, сосущая, непреходящая, которую было нечем заполнить…

— Я в порядке… — глухо ответил он.

— Тогда я слушаю тебя, лейтенант. — Голос полковника вдруг потерял все жесткие командирские нотки. Он тоже не имел опыта войны, несмотря на звание, и приходилось ему также несладко: ждать на земле, наблюдая гибель своих подчиненных, не в силах ни помочь им, ни предотвратить трагедию…

Нечаев только сейчас подумал об этом.

— Все… неправильно, — произнес он, не поднимая головы. — Челноки неуклюжи, заряды у орудий слишком мощные для использования в космосе, дистанция огня была выбрана ошибочно, противоперегрузочные системы не подходят для ускорений, которые испытывает пилот при реальных боевых маневрах.

— Что еще? Что помогло тебе успешно атаковать крейсер на неуклюжей машине, снабженной плохими системами и неадекватным вооружением?

— Я открыл огонь с дальней дистанции. Это затормозило корабль. К

тому же рядом со мной был Хьюго — он выполнил ту часть работы, которую не смог сделать я из-за перегрузок.

— Хьюго — робот устаревшей модели.

— Я знаю, но в сложившихся условиях — он лучший из всех кибернетических устройств. У нас ведь нет боевых компьютеров, верно?

— Да. Я понял твою мысль. Роботы серии «Хьюго» разрабатывались для борьбы за выживание на чуждых планетах, поэтому его системный блок содержит элементы боевых программ…

— Да, — подтвердил его мысль Нечаев. — Нужно доукомплектовать каждый корабль вторым пилотом — андроидом.

Полковник некоторое время обдумывал слова Вадима, а потом вдруг спросил:

— Если встретишься в открытом бою с космическим истребителем Альянса, — выстоишь?

— Не знаю, — покачал головой Вадим. — На мой взгляд, орбитальный челнок никак не тянет на противоборство с подвижной маневренной машиной.

Полковник кивнул, соглашаясь.

— Я отменил старт второй волны по двум причинам, — внезапно произнес он. — Во-первых, продвижение вражеской армады приостановилось, — три корабля из четырех получили серьезные повреждения в результате таранов и прицельных попаданий. У нас есть шанс ударить их еще раз, прежде чем они отремонтируются и возобновят движение к планете. Во-вторых, наши техники уже ведут работы по переоборудованию подготовленных к бою челноков, с учетом всего горького опыта первой атаки… Но теперь, когда армада остановилась, она менее уязвима, — корабли ремонтируются под прикрытием постоянно барражирующих пространство истребителей, и все боевые системы крейсеров наготове…

— Зачем вы мне это рассказываете? — вскинул голову Вадим.

— Я хочу, чтобы ты подумал, как мы можем ударить по ним, и возглавил атаку.

— Я?

— Ты, — глядя ему в глаза, подтвердил Шахоев. — Ты и Дорохов. Иных кандидатур у меня нет.

* * *

Космопорт Кьюига. Две недели спустя

Второй раз Вадим воспринимал реальность, окружившую его в предстартовые минуты, намного острее, чем в первый.

Его поразила тишина, царящая над стартопосадочными полями космопорта. Челноки уже вывели из ангаров, и буксировщики, заглушив двигатели, стояли в стороне от рулежных дорожек.

Тихо скрипел под ногами гравий, потом начался стеклобетон стартовых полей, и этот успокаивающий звук исчез, словно оборвалась незримая связь человека с землей

Теперь мысли устремлены ввысь, а внутри уже растет, холодеет предчувствие близкого, жестокого боя. Зрачки Вадима сузились, он отторгал в эти секунды весь остальной мир, желая лишь одного: удержать себя от лишних мыслей, ненужных чувств, собрать всю свою волю не для обреченной смерти, а для осмысленных, хладнокровных действий.

Это оказалось безумно трудным делом. Память цепко держала в себе образы той силы, с которой придется столкнуться горстке маленьких кораблей; прошлый бой вспоминался урывками, но полностью отрешиться, отключить разум от прожитых сцен никак не удавалось…

Он подошел к своей машине, взглянул на нее, как добрый хозяин смотрит на живое существо, машинально отметил, что броня его штурмовика на фоне других, еще не побывавших в бою челноков кажется серой, словно запыленная, покрытая шрамами шкура…

Внезапно вспомнились долгие жаркие споры с Димой Дороховым, их прения до полной хрипоты с полковников Шахоевым, настаивавшим на атаке крейсеров буквально на следующий день после первого вылета, в котором погибло девятнадцать машин, и Вадим невольно оглянулся, пытаясь отыскать глазами фигуру Димы, но тот уже, видно, поднялся в кабину своего штурмовика.

Шахоев опять оставался на земле, но они отстояли свою точку зрения, и теперь им нужно было действием доказать полковнику собственную правоту.

Со щитом или на щите…

В последний раз взглянув на далекий горизонт, у которого толклись предвещающие дождь кучевые облака, Вадим поднялся по приставному трапу и пролез в овальный люк.

Короткий коридор, и перед Нечаевым распахнулись двери кабины пилотов.

Здесь тускло светились приборные панели. Фигура Хьюго в кресле бортстрелка казалась облитой зеленоватым мерцанием, сзади зашипел пневматикой закрывающийся шлюз, и все… будто разом исчез мир родной

планеты, и вся вселенная сосредоточилась теперь тут, в тесном помещении с двумя пилот-ложементами и множеством окружающих их приборных панелей…

Вадим занял свое место, и расположенные перед ним терминалы преданно затрепетали огнями индикаторов, активизировавшись от датчиков давления, встроенных в кресло.

Хьюго повернул голову.

— Минутная готовность, — лаконично сообщил он.

Вадим кивнул. Руки в гермоперчатках охватили астронавигационные рули, пальцы и ладони ощутили непривычные вздутия под пористой резиной, словно там появились какие-то опухоли.

Это были установленные накануне дополнительные сенсоры управления огнем и запуском ракет.

На то, чтобы осмысливать свои ощущения, уже не осталось времени, и Вадим, проверив, свободно ли ходят рули, включил связь, соединив свой скафандр с пультом управления посредством временного интерфейса.

Он лидировал в первой эскадрилье, Дима вел вторую, ну а всего навстречу приближающейся армаде планета Кьюиг смогла послать два десятка переоборудованных челночных кораблей.

Минута, о которой предупреждал Хьюго, пролетела, будто миг, и вот в коммуникаторе уже зазвучала разноголосица докладов. Нечаев спокойно выслушал их, затем послал подтверждение диспетчеру о готовности вверенных ему машин к старту и замолчал, глядя на далекий, укутанный сиреневой дымкой лес.

Все происходило совершенно не так, как четырнадцать дней назад. Тогда перед стартом он суетился, терялся и нервничал, сейчас выглядел внешне спокойным, невозмутимым, голос не дрожал, выдавая волнение, но Вадим не мог обмануть себя. Он *знал*, что ждет их впереди, и на самом деле за маской отрешенного спокойствия пряталась такая внутренняя напряженность, от которой начинали ныть мускулы…

— Первый, старт разрешаю. — Невыразительный, сухой голос диспетчера так же прятал в себе волнение. Все они, молча, стиснув зубы, переживали этот миг, не пытаясь предугадать, сколько машин вернется назад из бездонной космической черноты…

Об этом нельзя было думать, хотя совладать с самим собой намного труднее, чем совершать какие-то действия, управляя тяжелой, норовистой даже после многократных усовершенствований машиной, поэтому первые десять-пятнадцать секунд руки Нечаева действовали машинально, благо процедура старта была знакома ему до полного автоматизма действий.

Штурмовик плавно тронулся с места, повернул, следуя изгибу рулежной дорожки, и остановился, ревя турбинами, в начале взлетно-посадочной полосы.

— Первые, старт попарно, координаты точки сбора прежние, — произнес Нечаев, одновременно вслушиваясь в нарастающий вой двигателей собственной машины.

Световой индикатор мощности пересек зеленую черту, и он освободил тормозную систему.

Штурмовик с плавным толчком рванулся вперед; стремительно понеслась навстречу взлетно-посадочная полоса, далекая кромка леса стала угрожающе приближаться, но индикатор скорости уже переполз за отметку четырехсот километров в час, и тяжелая машина оторвалась от земли, взмывая над вырубкой опушки и пограничными кронами деревьев.

Панорама Кьюига стремительно проваливалась вниз, уступая место бесконечной синеве небес.

— Дорохов взлетел по параллельной полосе, — не поворачивая головы, сообщил Хьюго.

Вадим покосился на боковые экраны обзора и действительно увидел движущийся параллельно его курсу яркий факел реактивных двигателей.

Они поднимались, словно фантастические огненные птицы, оставляя внизу притихшую, беззащитную землю, свои дома, свои обиды, радости и чаяния… поднимались навстречу холодной черноте космического пространства и армаде вражеских кораблей, которая, несмотря ни на что, упрямо приближалась к родной планете.

* * *

Космос встретил их льдистой россыпью звезд.

У Нечаева, как и у Дорохова, не было ведомых. Остальные корабли образовывали звенья по три штурмовика в каждом, а командиры в таком раскладе оказались предоставленными сами себе. Два шаттла, которые могли быть приданы им, остались на Кьюиге, — Шахоев настоял, чтобы космопорт имел хотя бы такой резерв.

В принципе, Вадим не возражал. Он уже понял, что коллективные маневры — не его стихия. Он не уклонялся от ответственности за чьи-то жизни, но действовать в одиночку, направляя при этом приданные звенья, казалось ему проще, чем постоянно оглядываться на гипотетического напарника.

Он ошибался.

В космосе, как и в воздухе, кто-то обязательно должен прикрывать

тебя сзади, на самом деле ведомый не обуза, а благо, но откуда ему было взять хоть частицу этого горького, смертельного опыта, когда за плечами молодого командира эскадрильи лежал всего один боевой вылет?

Точку сбора прошли благополучно. Три звена совершили перестроение, и теперь эскадрилья растянулась, как стая перелетных птиц — в вершине треугольника вожак, за ним три группы подчиненных.

— Первый, — это был голос Дорохова. — На моих мониторах все чисто. Как у тебя?

— Тишина, — ответил Вадим. — Следую установленным курсом. При контакте сообщу немедленно.

— Добро, до связи.

Все происходило планомерно, обыденно, но это не успокаивало, а, наоборот, настораживало.

«Где они?»

По данным спутникового контроля, до сенсорного контакта с кораблями противника оставалось пять-шесть минут полета, но благополучная тишина разлетелась вдребезги много раньше.

Пять алых точек внезапно появились на экране боевого радара и, не останавливаясь, поползли по его плоскости.

— Курс? — коротко спросил Вадим.

— Мы расходимся на встречных, угол отклонения — тридцать градусов. Классификация цели — космические истребители. Вероятное направление атаки — спутники связи.

— Третье звено, следовать на перехват цели! — мгновенно сориентировавшись, приказал Нечаев. — Второй, замкни их со своей стороны!

— Понял, — ответил коммуникатор голосом Дорохова. — Вижу противника.

Со стороны второй эскадрильи отделились три зеленых метки, и теперь уже шесть точек, приближаясь с разных сторон, зажимали алые точки. Остальные машины продолжали следовать прежним курсом, постепенно удаляясь от планеты.

— Ведущий третьего, после атаки восстановить строй, — скомандовал Вадим.

— Понял вас. Атакую, — пришел ответ на радиочастоте.

В этот миг сердце Вадима болезненно сжалось, — впервые он испытал подобное чувство, осознав, что, посылая троих подчиненных в бой, швырнул их короткой фразой приказа навстречу вероятной смерти.

«Как обыденно все произошло…» — Мысль застряла в голове, и

Нечаеву потребовалось совершить очередное волевое усилие над собой, чтобы сосредоточиться на приборах, не крутить головой в тщетной попытке разглядеть, что творится позади, где уже наверняка вскипел бой…

— Командир, основная цель.

Голос Хьюго заставил его окончательно отрешиться от завязавшегося на низких орбитах боестолкновения.

«Вот они».

Экраны оптических умножителей автоматически включились, как только жирные метки земных крейсеров появились в пределах Досягаемости радарных установок.

Вадим взглянул на увеличенные контуры и не узнал их.

Конечно, четыре крейсера, выстроенные в пространственный ромб, были теми же самыми, но как разительно изменилась их внешность!..

Огромные клиновидные корпуса сейчас едва просматривались из-за бесчисленного количества выдвинутых в космос оперативных устройств.

Их ждали. Огромные суппорты уже закончили свою работу, и вдоль бортов каждого корабля тянулись выдвинутые в космос полушария орудийно-ракетных комплексов, готовых обрушить шквал огня на любой приблизившийся к крейсеру объект. Помимо «Прайдов», в обшивке кораблей противника были открыты стационарные орудийные порты, а по срединной, «хребтовой» части каждого крейсера ровной линией чернели округлые провалы пусковых шахт, которые вдруг прямо на глазах озарились последовательными вспышками призрачного, голубоватого огня, похожего на сполохи статического электричества, и все пространство над крейсерами внезапно пришло в движение, — это электромагнитные катапульты несущих кораблей выплюнули в космос шесть десятков истребителей прикрытия.

Глядя на растущие контуры крейсеров и непостижимую массу различного вооружения, Вадим на секунду растерялся, подумав: «Как их атаковать?!» Но его замешательство развеял командир второй эскадрильи.

— Первый… — голос Дорохова казался далеким и нереальным. — Действуем согласно плану! Маневр должен быть слаженным — сначала ты, вслед — мои машины.

— Понял.

Он не сказал больше ни слова, — слов и так было слишком много при предварительном обсуждении операции.

Их план предусматривал дерзость, на первый взгляд граничащую с самоубийством, — его придумал и отстаивал до хрипоты Дорохов, а Вадим просто поверил в него как в единственный шанс не только выжить, а

реально нанести четырем крейсерам непоправимый, губительный ущерб…

* * *

План Дорохова был дерзок и прост.

Несмотря на протесты Шахоева, он настоял, чтобы четырем кораблям армады была предоставлена возможность устранить мелкие повреждения и возобновить движение к Кьюигу.

Четыре вражеских крейсера образовывали фигуру в виде ромба, располагаясь в одной и той же плоскости полета. Сверху и снизу их прикрывали космические истребители, которые в любой момент могли быть выброшены в космос стартовыми катапультами.

Для плохо бронированных челноков такое построение находящегося настороже противника представляло собой неприступную крепость, ощерившуюся сотнями огневых точек.

Вадим и Дмитрий сутками просиживали за компьютерами, в сотый, тысячный раз обрабатывая данные, полученные по каналам телеметрии в момент первой атаки.

Они учли все: скорость и максимальные углы поворота орудийных башен, время их перезарядки, расположение огневых точек, время, необходимое для старта космических истребителей, их построение, длительность каждого маневра, — все это было учтено, оцифровано и введено для анализа в вычислительный центр космопорта.

В результате они получили единственную цифру, отражавшую значение скорости, при которой любой выстрел, произведенный крейсером по конкретной цели, опаздывал, пронзая пространство, где уже не было атакующего корабля.

Поначалу полученное путем вычислений цифровое значение скорости показалось недостижимым для медлительных, но мощных шаттлов. К процессу пришлось подключить весь инженерный и технический персонал порта, и в конце концов решение было найдено.

Шахоев, когда ему представили расчеты, выпучил глаза, назвав их сумасшедшими.

Снять с челночных кораблей половину с таким трудом установленной на них брони?! Убрать половину орудий?! Вдвое ослабить защиту и огневую мощь и без того скверно вооруженных боевых единиц?!.

Он орал, пока не выдохся, а когда праведный гнев полковника иссяк, Дорохов положил на стол второй лист проекта, где предлагалось разобрать половину имеющихся в наличии машин ради демонтажа их двигателей, которые следовало переустановить на два десятка оставшихся

нетронутыми челночных кораблей, вдвое повысив их скоростные характеристики.

На этот раз полковник уже не стал кричать, а когда Шахоеву представили компьютерную модель боя, он внимательно просмотрел ее и спросил:

— Вы решили покончить самоубийством?

Дорохов поднял на него взгляд покрасневших от усталости глаз и коротко ответил:

— Да, при условии, что эти крейсеры больше не будут угрожать Кьюигу.

* * *

И вот этот миг настал.

— Максимальное ускорение!

Вадим едва узнал свой собственный голос, столько нервного напряжения сконцентрировалось в нем.

Корабль Нечаева и следовавшие за ним звенья рванулись вперед, навстречу земной эскадре, с каждой секундой увеличивая и без того огромную скорость.

Этим запредельным для человека маневром управляли бортовые компьютеры машин. В нужный момент они включили двигатели коррекции, превращая прямой курс шаттлов в крутую параболу. Семь крошечных кораблей на огромной скорости взмыли над плоскостью эклиптики земной армады и тут же начали опускаться.

Опережая залпы бортовых орудийных комплексов и старт истребителей прикрытия, они на огромной скорости «перепрыгнули» флагман ромбовидного построения и… очутились внутри замкнутого крейсерами периметра, на миг оказавшись в зоне, куда не могло стрелять ни одно орудие землян.

Вадиму казалось, что он готовился к этой секунде всю свою жизнь.

Его противоперегрузочное кресло, специально смонтированное для этой операции, уже отъехало назад и частично погрузилось в пол — настолько велика была действующая на пилота перегрузка.

— Огонь! — исторг он торжествующий хрип.

Это был не бой — сплошное, презирающее какие-либо законы сумасшествие.

Семь шаттлов, вторгшиеся в зону перекрестного огня четырех крейсеров, одновременно озарились вспышками выстрелов и ослепительными факелами от работы тормозных двигателей.

Они не собирались проскальзывать ниже, выходя из зоны перекрестного огня вражеских кораблей!

Резкое торможение заставило хрустеть и стонать корпус штурмовика, у Вадима начали вытягиваться щеки и отекать черты лица, но это длилось три-четыре секунды, потом с зубовным скрежетом подломился один из амортизаторов противоперегрузочного кресла, и с этим звуком Нечаев пришел в себя, вынырнув из короткого беспамятства, вызванного запредельной перегрузкой.

Семь маленьких кораблей продолжали интенсивно тормозить, полыхая огнем носовых орудий; зримые снарядные трассы впивались в броню четвертого, замыкающего ромбовидное построение крейсера, шаттлы стремительно неслись на него, и теперь даже слепцу было понятно, что, отстреляв весь боекомплект, они попросту нырнут под брюхо космического левиафана, чтобы, проскользнув под ним, вырваться в открытый космос за кормой эскадры.

В этот миг вторая группировка шаттлов, которой командовал Дорохов, уже достигла апогея баллистической траектории и начала рушиться во внутреннюю зону образованного крейсерами периметра, в точности повторяя маневр эскадрильи Нечаева.

Это было не сумасшествие, а математически выверенный расчет, который вольно или невольно приводил к роковому результату. В тот момент, когда носовая надстройка четвертого крейсера брызнула, наконец, осколками брони, выпуская в космос мутное облако декомпрессионного взрыва, достаточно затормозившие корабли Нечаева вдруг начали боевой разворот, демонстрируя, что не собираются уходить из теснины, замкнутой корпусами четырех исполинов.

Бой внезапно вышел на уровень психологического поединка.

Первым не выдержал расчет одной из батарей ПКО атакованного крейсера, и его орудийно-лазерные комплексы разрядились в запретную зону, целя по шаттлам, столь нагло и стремительно атаковавшим их корабль.

Это было все, чего добивались Нечаев и Дорохов, разрабатывая свой попахивающий самоубийством план.

Они знали, что в тесных орудийных башнях сидят люди, чья выдержка также имеет свой предел, и вот этот предел был пройден: пространство между флагманом земной эскадры и тремя другими крейсерами внезапно превратилось в библейский ад… На фоне черноты космоса в тесном, не превышающем сотни километров, промежутке в одну минуту сконцентрировались такие энергии, что вакуум, который и так

нельзя считать абсолютной пустотой, совершенно утратил свою физическую природу.

Космические истребители противника, выброшенные стартовыми катапультами строго «вверх», оказались на солидном удалении от главного места событий. Теперь они, совершив боевое перестроение, разделились на две группы и ринулись вниз, в узкий зазор между исполинскими крейсерами, пытаясь осуществить перехват атакующих штурмовиков, но на самом деле их маневр только добавил хаоса в происходящее.

Новые учебники боевой навигации и космических построений будут написаны на примере этого боя, но ни один из его участников не задумывался сейчас над этим…

Штурмовики двух эскадрилий Кьюига, как и было запланировано, ринулись в разные стороны, словно две стайки вспугнутых птиц, не атакуя конкретные цели, а поливая бешеным огнем из боковых орудий обшивку вражеских крейсеров…

Теперь уже никто не управлял боем, каждая орудийная башня жила своей собственной жизнью: четыре крейсера озарились множественными вспышками лазерных разрядов и ракетных запусков, сделав этот миг роковым для всей эскадры, — орудийно-ракетные комплексы разрядились в запретную для ведения огня зону, и большинство попаданий пришлось не на маленькие, дерзкие корабли, а на броню своих же крейсеров.

— Дима, выходим из боя!

Вадиму казалось, что он орет в коммуникатор, но на самом деле его горло, сдавленное непрекращающимися перегрузками, выдавило лишь сипящее подобие звуков…

Космические скорости, при относительно небольших расстояниях между материальными объектами, способны свести с ума, полностью дезориентировать пилота, обучавшегося неторопливым, степенным маневрам стыковки с грузовыми кораблями, но Нечаев уже побывал в плену подобного шокового эффекта, и теперь, преодолев потенциально опасный участок, он несколькими импульсами торможения окончательно сбросил рискованную скорость машины, а его взгляд за доли секунды успел охватить всю панораму окружающего космоса.

Нужно было обладать железными нервами, чтобы адекватно воспринять реальность: его штурмовик стремительно скользил в узком коридоре, образованном корпусами двух титанических крейсеров. На фоне кипящего от разрывов и лазерных лучей пространства Вадим успел заметить разворачивающиеся в его сторону орудийно-ракетные комплексы, падающие сверху силуэты истребителей прикрытия, разлетающиеся во все

стороны обломки, принадлежность которых уже невозможно было опознать…

Разум отказывался постичь истинное количество выплеснутой в космос фотонной и кинетической энергии, — с данной задачей едва справлялся бортовой компьютер, хаотично меняющий на мониторах десятизначные числа, отражающие суммарные мощности одновременного залпа лазерных и орудийно-ракетных комплексов четырех крейсеров Земной армады.

Для человеческого восприятия все выглядело проще и страшнее: рубиновые лучи резали мрак ослепительными росчерками, снаряды вакуумных орудий летели сплошной стеной, в эфире смешались восторженные возгласы и предсмертные выкрики, но суть явления крылась уже не в отдельно взятых человеческих судьбах, а в роковой тактической ошибке, которую флот Земного Альянса, да и все другие формирования космического базирования в будущем канонизируют в учебниках: построение крейсеров оказалось слишком тесным, а перекрестный огонь сотен орудийных и лазерных установок, ведущийся по мелким, быстролетящим целям, нанес урон прежде всего своим же кораблям.

И все же главными виновниками разрушительного столкновения были люди.

Когда счет времени идет на секунды, а натянутые нервы готовы вот-вот лопнуть от напряжения, каждому человеку, заточенному в тесное узилище орудийной башни, выдвинутой за пределы брони крейсера, вполне оправданно кажется, что бесноватые штурмовики летят прямо на него… Первый залп исполинских крейсеров явился прямым следствием долгого, нервозного ожидания людей, занимавших боевые посты в башнях орудийно-ракетных и лазерных комплексов…

…Пытаясь уклониться от плотного, губительного огня, Нечаев еще раз задействовал тормозные двигатели в надежде, что залпы, наведенные на него с упреждением, пройдут мимо. Мгновенная перегрузка вновь помутила разум, отозвавшись болью во всем теле, а когда зрению вернулась резкость, вокруг его штурмовика продолжал кипеть настоящий ад, будто в космосе разом извергалась сотня вулканов.

Большинство снарядов и лазерных лучей по-прежнему пролетало мимо атакующих шаттлов, попадая в обшивку своих же крейсеров, и теперь из безобразных пробоин в космос вместе с туманными выхлопами декомпрессии извергались тучи обломков внутреннего оборудования пораженных отсеков. В этом хаосе лавировали истребители, сбившиеся с курса, потерявшие цель из-за обилия засветивших радары сигналов. В

эфире царил настоящий содом, и Вадим понял, что действительно пора уходить.

— Следи за кормой! — отрывисто приказал он андроиду, разворачивая нос челнока по направлению ближайшей полусферы орудийно-ракетного комплекса.

С грохотом заработали орудия обоих бортов, покрывая броню атакованного комплекса частыми вспышками разрывов, один из снарядов пробил емкость с жидким азотом, применяющимся для охлаждения лазеров главного калибра, и мутный шлейф газа под давлением ударил в пространство, заволакивая мутью поврежденный участок брони крейсера.

Рядом извергалось несколько подобных газовых гейзеров, медленно вращаясь, мимо проплывали неузнаваемые обломки чего-то огромного, оторванного от брони, возможно, это были детали подающего суппорта или даже целая надстройка, срезанная шальным лазерным лучом.

— Два истребителя. Заходят со стороны кормы. — Хьюго резко повернулся вместе с креслом, оборачиваясь к комплексу управления расположенных в хвостовой части орудий.

Вадим без подсказок знал, что нужно делать. Пока Хьюго наводил кормовые орудия, он развернул нос штурмовика в направлении чистого космического пространства с таким расчетом, чтобы импульсы ускорения от стрельбы не привели к столкновению штурмовика с близлежащим крейсером.

Шаттл задрожал, вибрация была ритмичной, скорость росла рывками, — это кормовые орудия, выплевывая длинные очереди, ускоряли полет машины, а у Вадима, сосредоточившегося на удержании курса, дрожь гуляла по телу. Он смотрел вперед, оставляя без внимания все, что творится за кормой, но вместо участка открытого космоса взгляд натыкался на сплошной хаос разлетающихся во все стороны обломков, перемежающихся с мутными облаками декомпрессионных выхлопов.

Он не мог выдержать определенный курс, по броне штурмовика постоянно что-то ударяло, то гулко и сильно, то со слабым скользящим скрежетом, теснина между крейсерами казалась бесконечной, хотя их суммарная протяженность равнялась всего семи километрам…

После очередного маневра, когда еще работали кормовые орудия, Вадим внезапно увидел, как в поле зрения носовых видеокамер выплывают исполинские контуры двигательных секций замыкавшего построение эскадры крейсера.

Решение пришло мгновенно. Руки потянули астронавигационные рули, доворачивая нос корабля в сторону появившейся цели, большой

палец правой руки сбросил предохранительную скобку и лег на бугорок сенсорной гашетки, управляющей залповым запуском ракет.

— Хьюго, приготовься, я атакую.

— Они на хвосте. Очень близко!

— Стреляй!

Прицельная сетка наконец совместилась с плавным обводами двигательных секций вражеского корабля.

Машинально задержав дыхание, Вадим надавил на сенсорный бугорок гашетки.

Из-под уплощенного днища штурмовика, где были смонтированы пусковые установки неуправляемых ракет, вырвалось ослепительное пламя запуска, и два десятка реактивных боеголовок рванули по прямой траектории.

Обратный импульс от их старта резко затормозил шаттл, Вадима бросило вперед так, что лязгнули зубы, а страховочные ремни больно впились в грудь, и в тот же миг он увидел, как броня крейсера полетела рваными клочьями, — это ракеты ударили в цель, уродуя обтекаемые обводы брони, прожигая ее и взрываясь уже внутри, в отсеках, где располагалось оборудование гиперпространственного привода.

Вкус победы был вкусом крови…

Солоноватая жидкость растеклась по нёбу, языку, — организм человека не выдерживал мгновенных перегрузок, порожденных залпами неадаптированного к космическим условиям оружия… На несколько секунд сознание Нечаева помутилось, руки стали ватными, непослушными, и этого хватило, чтобы бесноватые силы разнонаправленных ускорений, терзающие штурмовик, увели его в хаотичное вращение.

Хьюго, который спокойно переносил перегрузки, опять резко развернулся вместе со своим креслом.

У него были свои критерии восприятия окружающего мира, в корне отличающиеся от человеческих, но в данный момент, несмотря на хаотичную смену изображений, транслирующихся на экраны обзора, он воспринимал окружающий космос как нечто, несущее зловещую красоту разрушения…

У Вадима, так и не отпустившего астронавигационные рули, из уголка губ текла кровь. Взгляд Нечаева был мутным, неосмысленным, он явно находился в полубессознательном состоянии.

Механические пальцы Хьюго цепко охватили дублирующие рули системы управления.

Он был отлично спроектированной машиной. Возможности андроида

намного превосходили человеческие, но даже он не мог охватить своим вниманием всю ситуацию в целом. Пока Хьюго стабилизировал корабль, одновременно пытаясь вывести его из опасной, полной обломков зоны, сзади в кормовой полусфере вновь появилось звено космических истребителей противника.

Эти смертоносные машины были специально разработаны для ведения космического боя и по своей конструкции принципиально отличались от оснащенного неадекватным наземным оружием шаттла. Бортовые орудийные комплексы горбоносых, обтекаемых машин класса «Гепард» никак не влияли на летные характеристики, в них был реализован принцип электромагнитного ускорения боеголовок, имелась хорошо отлаженная автоматическая система компенсации выстрела, и теперь, когда первый шок от уничтожающего взаимного залпа базовых крейсеров уже прошел, в заполненном обломками пространстве началась настоящая планомерная охота за дерзкими, но неуклюжими кораблями колонистов, которые своей стремительной психологической атакой сумели нанести непоправимый вред четырем титаническим крейсерам.

Благодаря плану Дорохова, малые силы самообороны Кьюига сделали во сто крат больше, чем можно было вообразить в самых смелых мечтах, и теперь, когда ситуация вышла из стадии шока, им осталось лишь одно — с честью погибнуть, потому что стартовые катапульты поврежденных крейсеров выбрасывали в космос все новые и новые звенья «Гепардов», а прорвавшиеся сквозь теснину челноки едва могли маневрировать из-за множества повреждений, полученных в результате ответного огня крейсеров и столкновения с хаотично разлетающимися обломками…

* * *

Вадим смутно осознавал, что кораблем управляет Хьюго, в секунды просветления, когда измученный разум начинал нормально воспринимать реальность, он видел чистую черноту космоса, на мгновение ему показалось, что в коммуникаторе гермошлема звучит далекий голос Димы Дорохова, который кричал из бездны:

— Всем, кто меня слышит! Выходим из боя! Повторяю: выходим из боя, курс — домой!

«Домой…» — Вадим почувствовал себя лучше, зрение перестало двоиться, руки все еще были ватными, как и все тело, но он знал — они уже второй раз больно ударили по непобедимым земным кораблям, и это главное… Мгновенное воспоминание о заполняющих космос обломках подсказало — не полетят на Кьюиг орбитальные бомбы, по крайней мере

не сегодня, не сейчас, и вопрос заключался лишь в том, какой ценой далась эта вторая победа, сколько машин вернется назад, смогут ли они еще раз, вопреки всему, взмыть в район низких орбит, чтобы вновь с сумасшедшим упорством атаковать нависающих над планетой титанов?..

«Надо отдать приказ… Надо приказать своим, чтобы возвращались…»

— Маленькие… — Испачканные в крови губы едва шевелились. — Первая эскадрилья, возвращаться на базу, выходим из…

Его слова оборвал зубовный скрежет ломающегося металла и тонкий невыносимый свист улетучивающегося воздуха, но Вадим не слышал этих признаков попадания и декомпрессии отсеков, — чудовищный удар в плечо заставил его выгнуться в кресле и заорать, захлебываясь кровью; снаряд, прошивший кресло, взорвался внутри приборной панели. Вадим инстинктивно попытался вскочить, но его удержали страховочные ремни, лишь перед помутившимся взглядом мелькнули парящие в невесомости брызги собственной крови…

Хьюго, которого лишь вскользь задело осколками, рванулся к Нечаеву, бросив управление и оборвав пристегивающие его к креслу ремни.

В эти мгновения мозг андроида работал на пределе своих вычислительных возможностей, — мгновенная смена приоритетов произошла за доли секунды, теперь для него не имел значения противник, главное — жизнь Вадима.

Воздух из отсека улетучивался с невероятной скоростью, но действия машины оказались стремительнее. Хьюго успел сорвать со специальных креплений баллон с герметизирующим составом и, не обращая внимания на кровь, начал поливать плечо Вадима струей мгновенно затвердевающей пены, нанося ее прямо поверх окровавленных лохмотьев, в которые превратился скафандр на правом плече Нечаева.

Спустя две секунды пена полностью затвердела, превратив плечо Вадима в буро-желтый ком.

Герметизация скафандра была восстановлена одновременно с появлением на уцелевших секциях пульта сигнала, означающего полную декомпрессию рубки.

Неуправляемый челнок с развороченной прямыми попаданиями кормой медленно скользил на фоне голубовато-серой облачности Кьюига, а за ним тянулся длинный шлейф обломков брони и кристаллизовавшейся атмосферы.

Три «Гепарда» резко отвернули в сторону в поисках новой цели.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЕРВ-БАТАЛЬОН

Глава 7

Второй материк планеты Кьюиг. Граница горного массива и непроходимых лесов

Он был спокоен, как и подобает машине.

Штурмовик падал, снижаясь по крутой дуге, но Хьюго понимал, что в космосе он бессилен, — множественные попадания в корму полностью вывели из строя секции маршевой тяги, и им с Вадимом оставалось уповать лишь на атмосферное маневрирование…

Нечаев дважды приходил в себя, но оба просветления сознания были слишком короткими. Хьюго слышал, как Вадим стонал, пытаясь пошевелиться, и вновь проваливался в небытие, лишь робкие синусоиды на датчиках систем жизнеобеспечения свидетельствовали о том, что он жив.

Хьюго отчетливо понимал, что командиру нужна срочная и квалифицированная медицинская помощь, но тут разум андроида вставал перед дилеммой: он при всем желании не мог ускорить процесс аварийной посадки без нанесения еще большего вреда тяжело раненному Вадиму.

В рубке штурмовика царил вакуум. Это не мешало андроиду, но множественные повреждения бортовых систем осложняли вход в атмосферу. Работали только маневровые двигатели, не было никакой возможности осуществить полноценное торможение. О посадке в заранее запланированном месте речи не шло, — Хьюго смог найти лишь один приемлемый вариант маневра: сжечь остатки топлива на корректировку угла входа в атмосферу. Он рассчитывал совершить как минимум один виток вокруг Кьюига, удерживаясь в разреженных слоях воздушной среды планеты, которые затормозят полет, нанеся при этом минимальный урон обшивке штурмовика.

Далее челнок, который по своей конструктивной сути являлся гибридом самолета и космического корабля, погасив орбитальную скорость, мог планировать на крыльях, превращая стремительное падение в некое подобие аварийной посадки при выключенных двигателях.

* * *

Это был тот самый миг, когда Нечаев пришел в себя, сумев удержать сознание на зыбкой грани небытия.

От боли, которая охватывала половину тела, он не мог ни пошевелиться, ни заговорить, — просто полулежал в кресле,

удерживаемый страховочными ремнями, и смотрел сквозь забрызганное кровью забрало собственного шлема на изуродованную, неузнаваемую обстановку рубки управления.

За четырнадцать дней им была прожита целая жизнь, и вот, похоже, она заканчивалась. Простреленный во многих местах триплекс кабины, выбитые осколками приборы, оплавленные жгуты проводки, вывороченные из-за разбитых панелей, глухая, ватная тишина в коммуникаторе гермошлема и несколько злобных красных огней на уцелевших секциях пульта явно говорили в пользу того, что пилоту не выжить, не посадить грузопассажирский челнок, наспех переоборудованный под боевую машину. Корабль уже вошел в фиолетово-черное пространство стратосферы и снижался по пологой дуге. Неуправляемый, изрешеченный снарядами, с выведенным из строя бортовым компьютером и поврежденными цепями ручного управления, он мог совершить лишь один маневр — ускоряясь по воле тяготения планеты, раскалиться в плотных слоях атмосферы и рухнуть на поверхность горячим, ослепительным болидом…

Вадим не видел своего напарника, но ощущал, что Хьюго тут, рядом.

Нечаев знал, что андроид будет бороться за целостность корабля до последних секунд, но сама возможность посадки, а не падения казалась Нечаеву чем-то невероятным, впрочем, он не испытывал страха, разум уже оцепенел, так же как парализованное болью тело.

Снаряды, прошившие рубку управления, прошли верхом, пощадив экраны нижнего обзора, которые ровной полосой тянулись на стыке пола и лобовой стены рубки, и из своего бессильного положения Нечаев все же мог наблюдать часть транслирующегося с внешних видеодатчиков изображения.

Они летели над Кьюигом.

Планета была очень близка, ее шар разросся до таких размеров, что не умещался в поле зрения видеокамер. Вибрация корпуса челнока и тонкий свист в микрофонах скафандра говорили о том, что °ни уже находятся в пределах атмосферы.

Вадим, полубессознательно глядевший в экраны нижнего обзора, видел, как приближается, растет горный массив, он даже попытался узнать это место, вытащив из памяти какие-то географические подробности, но тщетно, — Кьюиг был заселен, дай бог, на треть своих территорий, и на планете оставалось множество мест, где вообще не ступала нога человека.

В следующий момент подбитый штурмовик, роняя хлопья окалины с перегретой обшивки, уже скользил над вершинами гор.

Трудно сказать, как удавалось андроиду поддерживать режим планирования без участия турбин, но корабль не падал, а *снижался*, постепенно теряя высоту.

Вадим по-прежнему не мог пошевелиться. Он лежал, словно кукла, и лишь глаза продолжали жить на его мертвенно-бледном, забрызганном уже засохшей кровью лице.

На экранах нижнего обзора промелькнули покрытые снегом и льдом горные вершины, за которыми потянулись ровные пространства каменистых плато…

Здесь никогда не было людей…

Вадим смотрел вниз, с трудом балансируя на грани небытия, и потому не мог поручиться перед самим собой — видит он реальность, или его сознание уже соткало бредовые предсмертные картины эфемерных вероятностей?

На одном из горных плато, словно жуки, закованные в темные, тускло поблескивающие панцири, стояли ровные ряды посадочных модулей. Мимикрирующие маскировочные сети скрадывали их контуры, делая картину еще более призрачной, приближенной скорее к бреду, чем к действительности.

Между спускаемыми аппаратами и расположенными неподалеку временными куполообразными укрытиями сновали люди, но они казались букашками на фоне двух исполинских фигур, которые с высоты казались какой-то невероятной формой жизни: огромные яйцеобразные корпуса машин более походили по своей форме на уродливые головы, к которым были прилеплены исполинские лапы с выгнутым в обратную сторону коленным сочленением. Эти бредовые механизмы отдаленно напоминали исполинскую серв-машину, доставленную на Кьюиг прорвавшимся с Дабога транспортом «Игла»…

Спустя мгновенье Вадим понял — это и есть серв-машины.

Появление подбитого штурмовика над позициями тайно высадившегося десанта не могло пройти незамеченным. Два шагающих исполина внезапно развернули свои чудовищные торсы, одновременно приподнимая их вверх относительно опорной платформы, и спаренные зенитные орудия, установленные на загривках механических чудовищ, вдруг зашлись злобной лающей скороговоркой, посылая вслед падающему штурмовику длинные очереди снарядов.

Что-то глухо ударило в днище покалеченной машины, и штурмовик, прекратив планирование, начал резко заваливаться вправо.

Это было последнее осознанное воспоминание Вадима Нечаева.

Изрешеченный снарядами шаттл еще какое-то время падал, двигаясь параллельно понижающимся горным склонам, потом каким-то чудом объятая огнем машина приподняла нос, и этот маневр позволил кренящемуся на одно крыло штурмовику протянуть еще километров двадцать, двигаясь над сплошным морем древесных зарослей. Но ничто не может продолжаться вечно, и в конце концов днище многострадального корабля чиркнуло по кронам деревьев, и он рухнул, рассекая непроходимые заросли Кьюиганской сельвы, будто огромный пылающий плуг…

За сотню километров от места его падения боевая шагающая серв-машина с бортовым номером восемнадцать плавно опустила свой обтекаемый яйцеобразный корпус.

Вывод бортового компьютера после анализа поступивших данных был категоричен: штурмовик противника уничтожен. Место его падения было автоматически занесено в базы данных и помечено на карте алой точкой в глубине заросшего непроходимым лесом пространства, которое люди именовали сельвой.

* * *

Второй материк планеты Кьюиг. Район места падения орбитального штурмовика Вадима Нечаева

Сельва…

Изначально этот термин означал влажные экваториальные леса одного из материков далекой Земли, но в истории колонизации планет слово «сельва» получило свое развитие, обозначая любой враждебный человеку труднопроходимый лес, составленный из экзобиологических видов растений.

Кьюиганская сельва сохранила от прототипа высокую влажность, труднопроходимость и кажущуюся враждебность, хотя на самом деле нет враждебных или благосклонных мест — живая ли природа, мертвая ли, — она подчинена своим законам, живет, сообразуясь с ними, и не выказывает к человеку приписываемых ей субъективных качеств.

Этим утром участок влажного многоярусного леса жил привычной, ничем не примечательной жизнью: тихо шумели на ветру разлапистые кроны даланий, образующих густой шатер крон, покачивались лианоподобные растения, похожие на толстые переплетенные между собой веревки, тянущиеся от дерева к дереву и порой свисающие до самой земли, шелестели и потрескивали ветви кустарникового подлеска, когда по незримым тропам, проложенным сквозь чащобу, пробегал шустрый зверек

или проходил более крупный и степенный представитель исконного животного мира Кьюига.

Были тут и иные признаки жизни.

На берегу небольшого озерка, своими размерами более напоминавшего болотце, стояли три старых приземистых здания, образующие букву «П», обращенную своей открытой частью к водоему. Здания имели ограду из высоких, заостренных кверху бревен. Периметр частокола не примыкал вплотную к зданиям, он был много шире в диаметре и окольцовывал клочок возделанной земли, несколько плодоносящих деревьев, лужайку с вросшими в землю поржавелыми остовами какой-то техники, а также старый, покосившийся навес, под которым между бетонными плитами пробивалась вездесущая трава.

Ворот в ограждении не было, плотные ряды кольев сбегали к воде и обрывались на берегу, у причала, подле которого на водной глади неподвижно застыли две лодки из легкого алюминиевого сплава.

Смесь древних и новейших технологий, примененных при возведении построек небольшого островка человеческой жизни посреди влажной сельвы, наводила на мысль о полной изоляции этого места от цивилизации, процветающей на соседнем материке планеты.

Утро уже полностью вступило в свои права, под пологом древесных крон царил влажный сумрак, кое-где солнечные лучи находили себе дорогу средь плотной листвы и били в землю косыми столбами янтарного света, в которых роилась мошкара.

Глядя на окружающую природу, можно было понять, почему люди избрали именно это место. Над небольшим водоемом отсутствовал непроницаемый полог разлапистых крон, и солнце, давно растопившее плавающий над поверхностью воды утренний туман, ярко и щедро озаряло светом и теплом как сами здания, так и расположенные подле небольшие участки культивированной земли.

И все же… Что-то здесь было не так.

Безлюдье — вот что настораживало, делало поселение каким-то угрюмым, хотя не заросшие травой тропинки явно говорили в пользу недавней населенности этого места.

Внешне все выглядело целым, исправным, — никаких проломов или дыр в частоколе, которые бы свидетельствовали о внезапном нападении крупных представителей животного мира сельвы, в зданиях, отражая солнечные лучи, блестели целые стекла, на ровных стенах не было видно ни выщербин, ни каких-то иных повреждений.

Только серели подле пашни недавние холмики земли, слишком

маленькие для могил, но очень похожие на них…

Какая-то зловещая загадка витала тут, конденсируясь в самом воздухе, как мошкара в ласковых столбах солнечного света.

…Внезапно хлопнула дверь, и этот звук поломал тишину.

Из здания вышел пес. Он хозяйским взглядом окинул пустой двор, потом потянулся, жмурясь на солнце, и энергично встряхнул шерстью, при этом в движение пришла лишь передняя часть туловища, что объяснилось очень легко — задние лапы пса представляли собой механические протезы, хвоста у него не было вовсе, а шерсть покрывала лишь две трети туловища.

Потянувшись, пес втянул носом воздух и, не распознав ничего предосудительного в запахах, вразвалку пошел к водоему, чтобы напиться, свесив голову с мостков, к которым были привязаны лодки.

Пока он пил, открылась еще одна особенность в строении его тела: розовый язык мелькал между угрожающего вида искусственными челюстями со вставными зубами.

Все это наводило на мысль, что животное сильно пострадало в схватке с неведомым противником и было заботливо излечено людьми, которым он, как и многие поколения его предков, служил верно и бескорыстно.

Высокий уровень технологий, примененных при протезировании, настораживал, потому что окружающее, а в особенности частокол из древесных стволов и скудные орудия труда кустарного производства, оставленные под навесом подле пашни, шли вразрез с умением лечить несовместимые с жизнью травмы…

Странные люди должны были населять это место, и в самой их жизни, несомненно, крылась одна из трагичных загадок выживания на чуждой планете, когда какие-то технологии утрачивались безвозвратно, а иные получали развитие, намного опережая самые прогрессивные разработки далекой прародины.

* * *

Пес не успел толком напиться, как его внимание привлек отдаленный, зазвучавший где-то в поднебесье надсадный гул.

Он вздрогнул всем телом, прекратил пить и задрал голову, пытаясь вполне осмысленным взглядом отыскать в лазурных небесах источник необычного звука, но то ли прореха в плотной листве над водоемом оказалась слишком мала для обзора всего поднебесья, то ли источник звука находился еще очень далеко, — псу не удалось увидеть ничего, кроме двух перистых облачков. Однако он ощущал, как вибрирует воздух, шум

верхних крон стал более волнующим, все внезапно обострилось, словно с окружающего мира сдернули вуаль сонного покоя…

Шерсть на загривке встала дыбом, из глотки пса вырвалось угрожающее рычание, и он бросился назад к П-образному дому, двигаясь быстро, но неуклюже из-за асинхронности работы протезов и живой плоти.

Затормозив посреди двора, он осел на задние искусственные лапы и завыл.

Снова громко хлопнула дверь, и, обрывая вой собаки, раздался сердитый и немного испуганный окрик:

— Ред, прекрати выть! Что случилось?

Две отрывистые фразы, произнесенные на старом интеранглийском, принадлежали молодой девушке лет двадцати, которая стояла на крыльце, вслушиваясь в приближающийся гул.

Она в недоумении переводила взгляд с лазурных небес на пса и обратно, пока в той части поднебесья, откуда доносился гул, не засверкали ослепительные частые вспышки, словно там, в безоблачном небе, началась гроза…

Она не видела молний и не слышала грома. Что-то беззвучно озаряло небеса нестерпимыми для глаза сполохами. Ред, не выдержав, снова взвыл, нагоняя жуть, и хозяйка сердито посмотрела на него, заставляя замолчать, но теперь уже не окриком, а беззвучным мысленным приказом.

Когда она подняла глаза, в небесах все разительно изменилось. Лазурный небосвод с двумя полосами перистых облаков больше не озаряли ослепительные вспышки, зато теперь гул стал громче, басовитей, он явно приближался, а вместе с ним от невидимого горизонта двигалась волна света с ясно различимым огненным шаром посередине.

Он падал, подчиняясь силе тяготения, и траектория его снижения, как показалось девушке, вела прямо им на головы.

— Ред, в укрытие! — закричала она, бросаясь к заржавелым двустворчатым дверям, которые почти заросли травой, плашмя положенные на землю в углу двора.

Пес прорычал что-то в небеса и кинулся вслед хозяйке, с видимым усилием поднимающей рыжую от окислов створку двери, которая поддалась, роняя осыпающуюся ржавчину и протяжно скрипя.

Пес первым юркнул во влажный мрак, гнездившийся внизу, в подземелье. Девушка, демонстрируя недюжинную физическую силу, скользнула вслед за собакой, позволив ржавой плите рухнуть на свое место.

В подземелье царил плотный мрак.

Оглушительный гул стал далеким, будто кто-то убавил громкость.

Было слышно, как где-то капает вода, срываясь с потолка бетонной коробки бомбоубежища.

Девушка пошарила рукой по стене, нашла выключатель, и продолговатое пустое помещение, которым уже очень давно никто не пользовался по прямому назначению, озарил неяркий свет протянувшихся цепочкой ламп, работающих от автономного источника питания.

Томительное ожидание, растерянность, испуг — все это длилось не более минуты, затем землю, здания и расположенный под ними бункер поколебал чудовищной силы удар, от которого лопнуло несколько осветительных приборов, и с потолка посыпалась мелкая, отслоившаяся от времени бетонная крошка.

Затем наступила ватная, глухая тишина.

Девушка стояла, не шелохнувшись, втягивая носом затхлый воздух заброшенного подземелья, но никаких новых катаклизмов не происходило.

Неизвестно, о чем она думала в эти минуты напряженной тишины, но, когда прошло достаточно времени после поколебавшего землю удара, она посмотрела вверх, туда, где ступени круто взбирались к положенным плашмя металлическим створам, и позвала своего пса:

— Пошли, Ред, посмотрим, что это было.

* * *

Когда они выбрались наверх, картина, представшая взглядам человека и собаки, была удручающей: здания стояли на месте, но кое-где с крыши сорвало листы покрытия, оконные стекла хрустким крошевом стелились под ноги, частокол за рухнувшим навесом устоял, но колья, ранее накрененные в сторону сельвы, теперь неестественным образом наклонило остриями внутрь двора, по небольшому и всегда спокойному озерку гулял вал воды высотой в полметра, одну из лодок сорвало с привязи и теперь носило по водной поверхности, грозя опрокинуть и затопить…

Однако все это были мелочи, и в первый момент взгляд девушки приковали к себе не эти незначительные разрушения. В полукилометре от ее дома горела сельва, там полыхал огонь, что-то звонко лопалось, а в небеса тянулся изогнутый ветром шлейф жирно-черного дыма, который застилал собой солнце, превращая его диск в кроваво-красное блюдце…

Первым ее порывом было бежать туда, посмотреть, что же случилось на самом деле, но, не сделав и шага, она вдруг мысленно осеклась, остановилась, вспомнив безусловную мудрость:

«Никогда не вмешивайся в дела людей с той стороны пролива. Они наши враги».

Да, было бы величайшей глупостью очертя голову ринуться туда.

«Упал, и ладно…» — подумала она, имея в виду летательный аппарат, потерпевший крушение в джунглях

На взгляд оценив расстояние и зная, что влажная сельва вскоре погасит огонь, не дав ему добраться до двора и построек, она огляделась вокруг и со вздохом сказала:

— Пошли, Ред, нужно поймать лодку и вставить хоть несколько стекол, а то ночью будет холодно и заест мошкара.

Странное равнодушие к судьбе себе подобных, учитывая внутреннюю уверенность девушки в том, что рухнувшая в сельву машина один из летательных аппаратов людей, живущих на другом материке, за Зоной Отчуждения…

Такие аппараты иногда, не чаше чем один раз в полгода, пролетали над сельвой, деловито стрекоча своими двигателями и чертя лопастями сверкающие в солнечных лучах круги. Они никогда не причиняли никакого вреда жителям сельвы, но память о прошлом передавалась из поколения в поколение, и едкая ненависть гнездилась в сердцах тех, кто знал слово «война» лишь понаслышке.

* * *

Там, где горела сельва, лес был повален концентрическими кругами, в эпицентре которых, наполовину зарывшись носом в податливую почву, лежал, полыхая жаром, изуродованный орбитальный челнок. Его броня, пробитая во многих местах снарядными трассами и лазерными уколами, сейчас светилась вишнево-малиновыми пятнами, медленно остывая после трения об атмосферу, раскалившего тугоплавкий керамлит до такого состояния, что по нему в некоторых местах побежали потеки…

Развороченная земля вокруг упавшего корабля уже обуглилась, пробивался жирный, зловонный дым сгорающей органики, иногда из-под слоя пепла, изгибаясь, словно живое существо, выскакивал лопнувший корень какого-либо дерева и тут же вспыхивал, как факел…

Черный, едкий дым стелило ветром по земле, но восходящие от обугленной почвы горячие потоки воздуха тут же подхватывали его клубы и бросали их вверх, закручивая спиральными смерчами…

Казалось, ничто не должно уцелеть во внезапном катаклизме, однако прошло немного времени, и пожар вокруг места падения начал затухать сам собой, обшивка упавшего корабля сначала приобрела темно-вишневый цвет, а затем начала стремительно чернеть, на глазах покрываясь толстым слоем растрескавшейся коросты, отлетавшей от него, словно чешуя…

Прошло еще около часа, огонь пожара совсем утих, и вдруг в кормовой части корабля, возвышающейся на несколько метров над обугленной землей, по черной поверхности пробежала овальная трещина, обозначающая контур люка, на который что-то давило изнутри.

Наконец окалина не выдержала и с треском отлетела, овальная плита люка подалась вперед, а затем ушла вбок, поддерживаемая изнутри корабля двумя выдвижными телескопическими штангами.

Из образовавшегося проема показались руки, голова и плечи робота-андроида.

Это был Хьюго.

Несколько секунд он созерцал картины разрушений, вызванные падением их корабля, но это было лишь кажущееся любопытство, на самом деле сканирующие программы дройда намечали в этот миг наиболее безопасный путь передвижения через баррикады обугленных, поваленных друг на друга деревьев, которые ударная волна, образовавшаяся при падении челнока, выворотила с корнем из земли, а жар раскаленной обшивки заставил вспыхнуть.

Сейчас эти завалы лениво сочились дымом, в недрах разогретых пластов почвы что-то шипело и фыркало, кое-где по окружающей челнок золе пробегали голубоватые язычки пламени.

Отсканировав окрестности, Хьюго скрылся в недрах корабля, чтобы через минуту появиться вновь, но уже с человеком на руках.

Тело в скафандре безвольно обвисло, человек был либо мертв, либо находился в шоке, пребывая в бессознательном состоянии.

Не обращая внимания на жар и прочие препятствия, Хьюго осторожно выбрался из люка, только ему ведомым способом сохраняя равновесие, затем он спустился на обугленную землю и быстро пошел прочь от корабля, при этом его ноги утопали в горячей золе выше щиколоток, вздымая при каждом шаге облачка искр и пепла.

Миновав опасную зону, он перебрался через первый концентрический круг обугленных древесных стволов, на миг остановился, но местность, курящаяся дымом, явно не приглянулась дройду, и он пошел дальше, миновал второй ряд поваленных деревьев и, только дойдя до опушки, остановился под сенью деревьев уцелевшего участка сельвы.

Опустив на землю свою бесценную ношу, он осторожно снял гермошлем, открыв смертельно бледное лицо Вадима Нечаева.

Из указательного пальца дройда со щелчком выскочила игла анализатора, и Хьюго осторожным движением ввел острие под кожу Вадима, где на шее слабо пульсировала синеватая прожилка кровеносного

сосуда.

Сняв показания жизненных ритмов и одновременно произведя экспресс-анализ крови, Хьюго выдернул иглу и срочно занялся другим делом. Из объемистого пакета, закрепленного на груди скафандра, он извлек плотно скатанную палатку с прозрачным верхом и толстой подложкой.

Расстелив на земле это временное убежище, Хьюго уложил в него Вадима, затем включил встроенный в прорезиненную ткань основания прибор, и палатка наполнилась чистой, обеззараженной дыхательной смесью, надувшись, словно пузырь.

Еще несколько встроенных приборов заморгали индикаторами, включившись в замкнутый цикл жизнеобеспечения. Теперь Вадим лежал внутри надутого купола, полностью отрезанный от вредоносного влияния сельвы.

Не удовлетворившись сделанным, Хьюго вернулся на борт корабля и через некоторое время вновь показался в проеме люка с тяжелым упаковочным контейнером в руках, на крышке которого была нанесена надпись:

«Осторожно. Боевое оборудование. Вскрывать только подготовленным специалистам».

Остановившись подле герметичной палатки, дройд быстрыми и точными движениями вскрыл кофр, в котором была упакована компактная двадцатимиллиметровая автоматическая пушка. Собрав ее компоненты, он установил орудие на вращающейся треноге, подключил переносной компьютер и запрограммировал его.

Теперь за безопасность Вадима можно было не беспокоиться. Герметичная палатка надежно предохраняла его от проникновения микроорганизмов и мелких насекомых, а более крупных представителей местной фауны, если они рискнут сунуться в район падения челнока, к палатке не подпустит автоматическое орудие.

Завершив эти операции, Хьюго еще раз окинул взглядом окрестности и решительно пошел прочь, в сторону группы приземистых зданий, которые он мельком успел заметить перед самым ударом корабля о почву. Постройки не были видны с места крушения, но память человекоподобной машины надежно сохранила нужное направление, поэтому он и отправился в путь без лишних колебаний и промедлений.

Если Вадиму немедленно не оказать квалифицированную медицинскую помощь, то он потеряет еще одного хозяина, к которому успел привязаться, — это Хьюго осознавал с той же отчетливостью, что и

направление, ведущее к людям.

* * *

П-образный комплекс зданий, расположенный за высоким частоколом из заостренных бревен, не вызвал у дройда никаких ощущений.

Внешний вид Хьюго выдавал в нем стопроцентный механизм, но на самом деле за титано-керамическими и металлопластиковыми деталями его облика скрывались не только сервомоторы, микросхемы, лазерные вычислительные устройства и позитронные сопроцессоры, — говоря языком нетехнических терминов, Хьюго имел свой разум, свой взгляд на мир, — он вполне конкретно осознавал факт собственного бытия, и это обстоятельство резко отдаляло человекоподобную машину от прочих электронных устройств.

Создатели Хьюго сознательно старались наделить все машины этой серии неким подобием интеллекта, надеясь, что такое качество поможет машинам теснее сотрудничать с людьми на первой, самой критической стадии освоения чуждых планет.

Так оно, по сути, и вышло, но инженеры и программисты, оставшиеся в период Великого Исхода на Земле, не учли трех нюансов: во-первых, подавляющее большинство планет, куда попадали поселенцы, требовали от последних жесточайшей борьбы за выживание, во-вторых, люди, отправившиеся в космос для освоения новых миров, являлись далеко не лучшей частью общества, и между ними часто вспыхивали конфликты, втягивающие в себя и приданные колонистам машины, для которых третий уровень программной свободы стал нормой существования… и, наконец, последним обстоятельством, так или иначе сформировавшим поведенческий облик подавляющего большинства человекоподобных машин, стала заложенная в них функция саморазвития.

Известно, что благими намерениями чаще всего бывает выстлана дорога в ад… и, позволяя машинам самообучаться, проектировщики не учли необратимость процесса накопления и анализа информации об окружающем мире. Андроиды обучались с недоступной человеку скоростью, их разум, основанный на логике, быстро совершенствовался, и ситуации, когда машина вдруг отказывалась исполнять заведомо губительные для нее или же неоправданно жестокие приказания своих хозяев, стали обыденностью. Андроиды, если можно так выразиться, «обрели характер», и это совершенно не нравилось тем людям, кому машины принадлежали.

Таким образом, массовое саморазвитие человекоподобных машин,

тесно переплетенное с человеческими трагедиями первых лет колонизации чуждых миров, привело к тому, что роботов данной модели осталось очень мало, а те, кто сохранил целостность, как правило, принадлежали семьям, которые образовывали люди умные, имеющие определенные моральные устои.

К сожалению, таких на колониальных транспортах оказывалось меньшинство, и позднейшие исследования показали, что во всей заселенной Галактике нашлось всего несколько планет, где роботы и люди образовали тесные гармоничные сообщества.

…Это необходимое отступление может лишь частично пояснить действия Хьюго, который, подойдя к накрененному ударной волной участку частокола, недолго думая, перелез через него и оказался внутри огороженной территории.

Его встретила гробовая, сторожкая тишина.

Время уже перевалило за полдень, солнце вскарабкалось в зенит лазурного небосвода, дым от пожарища постепенно иссяк и не долетал сюда, относимый ветром в противоположную сторону.

Хьюго остановился, с нервным визгом сервомоторов поведя головой из стороны в сторону.

Никого…

Хотя анализаторы запаха говорили прямо противоположное: где-то поблизости находились один человек и одна собака, причем последняя источала как запахи плоти, так и специфичные флюиды сервомоторной смазки… Возможно, это происходило оттого, что животное в данный момент затаилось рядом с каким-то подвижным агрегатом, и их запахи смешивались, наслаиваясь друг на друга?

Еще один дройд?..

Хьюго так и не смог прийти к однозначному выводу.

Делая шаг вперед, он поднял обе руки, желая показать, что пришел с миром и не имеет никаких дурных намерений относительно обитателей низких зданий, однако это проявление миролюбия дройда мало убедило хозяев данного места, они по-прежнему не показывались из своего укрытия, лишь сбоку, как раз с той стороны, откуда шел сложный запах, раздался характерный щелчок взводимого затвора и прозвучал голос:

— Стой, где стоишь, истукан, не то хуже будет!

Этим словам недвусмысленно вторило злобное, угрожающее рычание собаки.

Хьюго повернулся на голос и ответил, безошибочно отсканировав голосовой ряд:

— Я пришел за помощью, мисс. У меня нет никаких агрессивных намерений.

Девушку не удивило, что вторгшаяся на их территорию машина смогла распознать пол говорящего.

— Думаешь, у меня не хватит смелости начинить твое электронное брюхо парой кусков железа?!

— Я думаю, что вы дурно воспитаны, мисс… — полуутвердительно предположил Хьюго.

— Не твое дело.

— Но я тут, — резонно возразил дройд. — И все, что происходит вокруг, касается меня лично. — Он уже задействовал систему тепловидения, повернувшись в нужном направлении, и теперь отлично различал молодую особу с короткоствольным оружием в руках и собаку, которая затаилась рядом. Ему стал понятен тот сложный запах, что улавливали анализаторы, — задние ноги пса представляли собой два сервомоторных протеза, они-то и источали смутившие Хьюго флюиды смазки.

На шее пса было закреплено устройство, назначение которого было хорошо известно дройду.

Он затягивал паузу, а сам тем временем сканировал диапазоны связи, пока блок, вживленный в загривок пса, не ответил ему.

«Привет, животное», — передал Хьюго на вычисленной волне.

«Кусок железа… Ты влез мне в голову?»

«Извини, пришлось. Как убедить твою хозяйку не стрелять, а выслушать меня?»

В низкорослом кустарнике, за ржавой, опрокинутой бочкой раздалось злобное рычание.

«Никак. Разбирайся сам, железка… У меня механические челюсти, я загрызу тебя…»

Хьюго понял, что попытки наладить контакт с собакой занятие бесполезное, по крайней мере, сейчас. Кто и когда снес псу полморды и отгрыз задние ноги, оставалось только гадать, но его челюсти, при детальном сканировании, действительно оказались протезами, снабженными зубами из титано-керамлитового сплава. Какой-то местный умелец изготовил все это кустарным способом, используя подручный материал, но связываться с собакой Хьюго расхотелось. Пес не преувеличивал, намекая, что запросто сможет перегрызть дройду руку или ногу.

Оставалось уповать на разум молодой особы.

— Мисс… — вновь обратился Хьюго к девушке. — У вас всего два патрона, к тому же пистолет не снят с предохранителя, а у меня нет желания вступать в конфликт. Мой хозяин сильно пострадал при аварийной посадке, и ему нужна срочная помощь автодоктора.

— У тебя есть хозяин? — не смогла скрыть своего удивления девушка.

— Да, — лаконично ответил Хьюго. — А что в этом странного?

— Мне казалось, что все андроиды ушли от людей.

— Вы правы, это было именно так. Но я вернулся. Сейчас нет времени на объяснение причин.

— Все равно я не хочу помогать тебе. Человек, которого ты называешь хозяином, с той стороны Зоны Отчуждения, верно?

— Да.

— Тогда с какой стати я буду помогать своему врагу?

— Он не враг обитателям сельвы. И вообще, высказанная вами ненависть несколько… устарела. Все кончилось три века назад, никто не вторгался в сельву за эти триста лет, и вы жили так, как считали нужным.

На некоторое время наступила тишина, потом раздался шелест раздвигаемых ветвей, и из-за давно не стриженной декоративной живой изгороди вышла девушка в сопровождении собаки.

Она так и не сняла с предохранителя автоматический пистолет, который сжимала в правой руке. Пес на поверку оказался не столь страшен, как это рисовало тепловидение.

— Меня зовут Хьюго.

— Яна… — скупо отрекомендовалась девушка, машинально поправив упавшую на глаза прядку волос. — Вообще-то я должна прибить тебя, дройд.

— Эти законы устарели, — ответил ей Хьюго. — А сейчас они вообще потеряли всякий смысл.

— Что ты там городишь? Говори яснее.

— Я хочу сказать, что все старые конфликты и распри теперь должны быть забыты. Из космоса пришел враг, который угрожает в равной степени как людям на материке, так и обитателям сельвы.

— Поэтому ты покинул горы и нашел себе хозяина?

— Да. Я вернулся к людям по этой причине.

— Ладно… — Яну явно отягчал пистолет в руке, она не знала, куда теперь девать оружие, которое она в спешке захватила из дома, когда к ней примчался Ред, с вестью, что к ним от места крушения движется андроид.

— Дайте, я посмотрю, — Хьюго протянул руку, заметив плачевное состояние орудия убийства. Даже если бы она сняла его с предохранителя и

попыталась выстрелить, то, скорее всего, нанесла бы этим больше вреда себе, чем ему.

Яна несколько секунд колебалась, а потом все же отдала ему тяжелый пистолет под неодобрительное ворчание пса, который по-прежнему вздергивал изуродованную верхнюю губу, скалясь на Хьюго своими искусственными зубами.

Дройд понимал, что теряет драгоценное для него время, но он осознавал и то, что без добровольной помощи хотя бы этой девушки ему не справиться с проблемой оказания Вадиму экстренной помощи, и доверие между ним и обитателями поселка становилось в этой связи наипервейшей задачей.

Присев на корточки, Хьюго на глазах девушки быстрыми и точными движениями разобрал пистолет, наглядно продемонстрировав неухоженность оружия, которое заедало при разборке, затем, не теряя времени, очистил от окислов и смазал все подвижные детали, пользуясь при этом указательным пальцем левой руки как масленкой, затем собрал оружие, несколько раз вхолостую спустил курок, передернул затвор, проверяя плавность работы всех движущихся частей, и, в довершение всего, коснулся небольшого выступа на своем кожухе, прикрывающем правое бедро, и тот с равномерным шумом микромотора отъехал в сторону, обнажая нишу, в которой был укреплен точно такой же пистолет с запасным боекомплектом к нему. Достав из своего запаса полную обойму, он вставил ее в пистолет девушки и протянул отремонтированное оружие Яне.

— Вот теперь, мисс, вы вполне можете подкреплять свои слова делом.

Хьюго повернул голову, посмотрел на ряд импровизированных холмиков, протянувшихся подле свежевспаханного поля, и спросил:

— Что случилось с остальными?

Губы Яны предательски дрогнули.

— Они ушли, — тихо прошептала она. — Ушли и не вернулись. Сезон охоты закончился месяц назад.

Хьюго, который наблюдал при снижении челнока те же картины, что и Вадим, сразу понял, в чем дело, но пока промолчал.

— Ты долго пробыла здесь одна? — спросил он у Яны.

— Три месяца.

Три месяца… Разум Хьюго сравнил названный девушкой временной отрезок с теми воспоминаниями, которые хранил он сам, и понял, что все намного серьезнее, чем предполагалось…

Значит, вслед за первой разведгруппой появилась еще одна, а затем на

орбиты Кьюига незаметно вышел базовый корабль высадки, который отстрелил спускаемые модули с оборудованием для будущей базы, а сам скрылся, не потревожив старых спутников, обращающихся на орбитах планеты еще со времен посадок колониальных транспортов.

«Мы приняли бой в космосе, но главный удар они готовят тут, на земле».

Хьюго посмотрел на девушку.

— В этих зданиях есть автодоктор?

— Мы не пользуемся сложными машинами, — отрицательно покачала головой девушка. Она пристально посмотрела на Хьюго и вдруг спросила: — Скажи, они не вернутся?

Андроид не знал, что такое ложь во спасение. Если отряд охотников ушел в сторону гор, то они наверняка погибли — плацдарм, скрытно захваченный силами Земного Альянса, по логике, должны были охранять мобильные разведгруппы, которые не оставляют в живых случайных свидетелей.

— Нет. Думаю, они мертвы, и в этом повинна не Сельва… — твердо ответил Хьюго.

С ресниц Яны сорвались две слезинки, но она не расплакалась, а лишь плотно сжала губы, заставляя окаменеть предательски задрожавший подбородок, потом смахнула навернувшиеся слезы и сказала:

— Хорошо. Я помогу тебе. Веди…

Андроид не шелохнулся.

— Каким образом? — спросил он. — Без автодока с его ранениями не справиться…

— Веди, — оборвала его девушка. — Мы три сотни лет не полагаемся на помощь машин, и как видишь — живы.

В некоторых случаях андроид из-за своей строгой логичности попадал в крайне затруднительные положения. Вот и сейчас ему оставалось лишь кивнуть, принимая ситуацию такой, как есть. Приходилось вслепую доверять человеку.

Окинув взглядом запустелые здания, Хьюго подумал: здесь обязательно должна уцелеть какая-либо техника. Нужно перенести Вадима сюда, а дальше действовать по обстоятельствам. Возможно, я смогу найти необходимые препараты и собрать хотя бы примитивное устройство поддержания жизни…

— Пошли, — вслух произнес он, поворачиваясь в сторону истекающей дымом сельвы.

Ред заворчал, когда девушка и человекоподобный робот направились к

тому месту, где накрененные взрывной волной колья защитного ограждения образовали узкую брешь.

Пока они шли по заросшей травой, потрескавшейся бетонированной дорожке, лицо Яны, и так неприветливое, еще более помрачнело, отражая какие-то ведомые лишь ей самой мысли, и ворчание Реда на сей раз осталось без внимания, — так что псу, как и андроиду, волей-неволей пришлось принять существующее положение вещей.

Он поплелся вслед, демонстративно приволакивая обе задние ноги, будто его протезы внезапно дали сбой, но даже эта старая, испытанная уловка не заставила хозяйку обернуться.

«Ладно… загрызу его позже…» — мысли пса, обращенные в спину человекоподобной машины, были скупы и лаконичны.

* * *

Пока они выбирались за периметр частокола, выражение лица Яны не изменилось, — она словно окаменела, переживая трудную душевную борьбу.

Она не была глупым, наивным подростком, как могло показаться на первый взгляд, — в сельве люди взрослеют рано, если учитывать, что средняя продолжительность жизни в лесных поселениях не превышала сорока лет.

Шагавший рядом с ней Хью несколько раз искоса поглядывал на свою спутницу. Откровенно говоря, он не ожидал столь легких и быстрых переговоров, но андроиду было нипочем не отгадать, отчего она согласилась помочь. Он был абсолютно уверен, что за прошедшие столетия взаимная неприязнь двух народов Кьюига не ослабла, и лишь обилие свободного пространства на планете предохраняло две самобытные цивилизации от масштабного конфликта.

Он недоумевал, в той степени, в какой это было доступно для логичной машины, а на самом деле все объяснялось просто: Яна смертельно устала от одиночества, и ее не напугало, а скорее обрадовало появление андроида, пусть даже это чувство невольной радости противоречило ее воспитанию и сопровождалось достаточно сильными потрясениями, связанными с крушением космического корабля…

Как любой обитатель непроходимых лесов, она была наблюдательна и осторожна, поэтому от нее не укрылось, что высоко в горах за границами лесов обосновались странные люди.

Яна не солгала Хью, сказав, что три месяца назад туда отправился отряд охотников. Они должны были вернуться через две недели, но прошло

уже шесть сроков, а отряд будто канул в воду…

Для Яны, с детства обученной трудному искусству выживания, было очевидно — они погибли. Отсюда и появились те импровизированные могильные холмики, которые заметил Хьюго.

Двадцатилетняя девушка не раз оставалась одна, но, когда истекли все мыслимые сроки возвращения ее сородичей, она впервые в жизни вкусила *одиночество*, и это неведомое доселе чувство оказало на нее ошеломляющее воздействие.

Собственно, она крепилась, сколько могла, но постепенно ее душа опустела, выдохлась, и то, что еще вчера казалось истинным и непреложным, постепенно утратило свой смысл… Ее душа пошатнулась, потеряв точку опоры в окружающем враждебном мире…

Дело было в том, что поселения людей в сельве постепенно вырождались, и ждать помощи было неоткуда, — мнимый синтез человека с исконной биосферой Кьюига имел как свои исторические корни, так и массу негативных сторон. Яна прекрасно знала, что подавляющее большинство мужчин и женщин ее народа страдало бесплодием и оттого дети рождались исключительно редко. Стоило взглянуть на комплекс запустелых зданий, чтобы понять, насколько серьезной была эта проблема для обитателей сельвы. Поселения, некогда многолюдные, постепенно пустели, причем этот процесс за последние десятилетия приобрел стремительный характер вырождения: оскудевшие сообщества сливались, образуя угасающие очаги цивилизации, но это не помогало исправить общую картину происходящего.

Вместе с сокращением численности населения постепенно падал общий уровень образованности и знаний. После войны люди, живущие в лесах, возненавидели машины, стараясь пользоваться только наиболее примитивной техникой, содержащей минимум электроники. Исключением из правил были лишь некоторые системы жизнеобеспечения, без помощи которых постепенно деградирующие поселения вообще не смогли бы существовать в условиях дикой сельвы, чья природа не уставала подбрасывать людям все новые и новые задачки на выживание.

Эти мысли, кажущиеся стройными и логичными, на самом деле давно копились в душе, а сейчас, под воздействием внезапного стресса, просто выплеснулись из тщательно скрываемых тайников…

Вырвавшись на свободу, они очень быстро и болезненно вошли в противоречие с некоторыми догмами, — ведь все ее знания о мире основывались либо на личном опыте, либо на рассказах взрослых, которые часто были сдобрены хорошей порцией застарелой ненависти к двум

категориям обитателей Кьюига — к людям, живущим по ту сторону Зоны Отчуждения, на соседнем материке, и к человекоподобным машинам, участвовавшим в войне трехсотлетней давности.

Сейчас, шагая вслед за андроидом по обугленной земле, которая еще истекала струйками дыма, глядя на поваленные концентрическими кругами, наполовину сгоревшие деревья и торчащий в эпицентре этих разрушений остов огромного летательного аппарата, Яна вдруг подумала, что Хьюго был прав, — на ее памяти никто и никогда не вторгался в сельву, тревожа живущих в ней людей… а стоило взглянуть на громадную, упавшую с небес машину, как становилось немного не по себе — ведь люди, обладающие такой техникой, запросто могли смахнуть с лица планеты все дикие леса вместе с их обитателями, если бы та давняя война продолжалась до сих пор, как это упрямо утверждали некоторые ее сородичи…

Эти мысли, невольно прорвавшиеся сейчас, заставили девушку испытать нечто похожее на чувство стыда, но она быстро справилась со своими эмоциями.

Никто и никогда не говорил ей, что помогать попавшему в беду человеку — дурно, пусть даже он и не принадлежал ни к ее роду, ни к цивилизации покрытого непроходимыми лесами материка.

Она уже три месяца жила совершенно одна в окружении враждебного мира, который никак не ассоциировался в ее сознании с понятием «родина», и из этого жизненного тупика страстно хотелось найти хоть какой-то выход…

Возможно, эта старая машина и полуживой человек помогут ей, как сама она собиралась помочь им, — вот на какой мысли основывались все действия Яны, показавшиеся Хьюго такими странными, непохожими на стереотип поведения обычного обитателя сельвы…

…Хьюго пришлось остановиться в двухстах метрах от палатки, в которой он оставил Вадима.

— Подожди тут, — попросил он, направляясь к оставленному для охраны автоматическому орудию. Только дезактивировав его, он позволил девушке подойти и взглянуть на Вадима.

— Мы не сможем ничего сделать прямо тут, — оглянувшись по сторонам, произнесла она. — Его нужно нести в дом.

Хьюго ничего не имел против, и они, не нарушая герметизации палатки, понесли бесчувственное тело Вадима к возвышавшимся неподалеку зданиям.

* * *

Он очнулся глухой темной ночью, лежа на холодном полу.

Первым ощущением Вадима было недоумение, граничащее с паническим беспокойством, — он отчетливо помнил последние минуты перед беспамятством, и вернувшееся сознание никак не желало увязывать между собой две радикально отличные друг от друга обстановки.

Вадим помнил развороченную рубку падающего корабля, по которому вели зенитный огонь оккупировавшие скальное плато невиданные сервоприводные машины, а очнулся он на холодном бетонном полу, в кромешной темноте, и потому первой его осознанной мыслью было предположение о том, что он каким-то образом попал в плен.

Попытавшись пошевелиться, чтобы ощутить свое тело и степень его свободы, Вадим почувствовал, как натянулась в темноте некая незримая нить, связующая его с чем-то, что находилось Рядом, и тут же рука, вслепую шарившая в темноте, наткнулась на что-то теплое, мягкое, податливое.

— Не шевелись!.. — раздался совсем рядом незнакомый женский голос, и почти одновременно с этим в помещении вспыхнул рассеянный свет.

Вадим, несмотря на запрет, успел привстать, опираясь на локоть, и вдруг увидел, что его рука лежит на обнаженной груди молодой девушки, вытянувшейся подле него на голом бетонном полу небольшого помещения.

Он в смущении и замешательстве отдернул свою руку и тут увидел, что за нить ощущалась им в темноте. Это был толстый шнур, похожий на шунт нейросенсорного контакта, с той лишь разницей, что этот вид соединения был снабжен на обоих концах не компьютерными разъемами, а иглами для инъекций. Одна их них была погружена в тело девушки, а вторая входила в вену на его бедре.

— Не шевелись! — яростно повторила она. — И не смей прикасаться ко мне!

Вадим подчинился, приняв прежнюю позу, и спросил, глядя в потолок:

— Что все это значит? Где я и что происходит?

В его голосе также не звучало ноток дружелюбия, но это было скорее следствием полного непонимания ситуации, чем осознанной неприязнью.

— Ты был смертельно ранен, — ответила девушка. — Твой робот вытащил тебя из горящего корабля, а потом пришел за помощью в ближайшее поселение.

— Мы падали над сельвой…

— Да. Ты на территории одного из лесных поселений.

— Почему ты лежишь рядом со мной? И где Хьюго?

— Твой робот в соседней комнате.

— Ты не ответила на первый вопрос.

— Я лечу тебя.

— Как? — Вадим чуть повернул голову, покосившись на невиданное соединение.

— Думаю, ты уже достаточно здоров, раз задаешь столько вопросов. — Девушка привстала, ловко выдернула обе иглы, и от взгляда Вадима не укрылась ни ее красота, ни смертельная бледность, ни то, как пошатнулась она при совершении незначительного усилия.

— Что это такое? — упрямо продолжал расспрашивать он, глядя на глянцевитый шнур с двумя иглами на концах, но она опять не ответила, а лишь молча смотала странное приспособление, накинула на плечи свободную ниспадающую одежду, которая была аккуратно сложена рядом, и вышла из комнаты.

Секунду спустя в дверях появился Хьюго.

В одной руке он нес влажную после стирки одежду Вадима, а в другой миску с выщербленным краем, в которой истекало паром нечто, похожее на сваренный из концентрата суп.

* * *

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? — Вадим принял от андроида одежду и понял, что это полетный комбинезон, который любой пилот надевал под скафандр.

— Мы упали в сельву, — лаконично ответил дройд. — Мне не удалось посадить корабль.

— Я был ранен?

— Посмотри на свое плечо.

Вадим повернул голову и только тут заметил, что район левой ключицы покрыт уродливыми розоватыми вздутиями, будто кожу изорвали в клочья, а потом срастили, не подгоняя друг к другу отдельные фрагменты…

— Снаряд пробил твое плечо. К счастью, он не раздробил кость, а лишь разорвал мышцы и связки.

Вадим шевельнул рукой и понял, что сустав функционирует, рука подчинялась ему, хотя в некоторых местах кожа и мышцы болезненно натягивались, будто были готовы вот-вот лопнуть…

— Это сделала… она?

Хьюго кивнул.

— Девушку зовут Яна, — сообщил он Вадиму. — Она согласилась помочь тебе при условии, что мы заберем ее отсюда.

— Но как ей это удалось?

Хьюго пожал плечами чисто человеческим жестом.

— Эта технология находится вне сферы моих знаний, — сознался он. — По внешним признакам процесса могу предположить, что она временно управляла твоим метаболизмом, отдавая тебе часть своих жизненных сил.

— Такое возможно?

— Да. Жители сельвы начинали подобные опыты еще в ту пору, когда я находился среди них, три века назад. Налицо очевидный прогресс, но суть мне непонятна.

— Ладно… — Вадим натянул влажный комбинезон с заштопанным плечом. — Я поблагодарю ее при первой же возможности. Теперь скажи: где мы находимся, и главное, при снижении я видел горное плато, на котором группировались непонятные мне машины. Это был бред или действительность?

— Это была реальность, — ответил андроид. — Ты видел плацдарм, скрытно захваченный силами Альянса на поверхности Кьюига.

— А машины? Что это было, по твоей оценке? — Вадим застегнул комбинезон, ощущая его неприятную, холодящую тело влажность. — Мне показалось, что они отдаленно похожи на аграрные машины Дабога.

— К сожалению, да, — подтвердил его вывод Хьюго. — На мой взгляд, это боевые серв-машины, новый вид планетарной техники, созданный Альянсом в противовес шагающим роботам Дабога.

«Дьяволы Элио…»

Обуреваемый дурными предчувствиями, Вадим подошел к окну, оперся руками о раму, из которой были выбиты все стекла, и застыл, вдыхая незнакомые запахи, идущие со стороны сельвы.

— Насколько это опасно? — не оборачиваясь, спросил он.

Хьюго не понял истинный смысл его вопроса и ответил:

— Можешь дышать спокойно. Яна наверняка ввела в твою кровь антитела, которые способны уничтожать местные вирусы.

— Да я не о том, Хью! — Вадим резко повернулся. — Эта группировка серв-машин… Выходит, мы зря дрались на орбитах? Мы пытались отбить атаку крейсеров, а главный удар готовится тут, на земле?!..

— Я давно говорил тебе, что им нужен космопорт, — спокойно

ответил андроид. — А теперь он нужен им во сто крат больше, потому что план Дорохова удался и на орбиты Кьюига сейчас выходят уже не полноценные космические корабли, а нуждающаяся в срочном ремонте группировка из четырех критически поврежденных крейсеров.

— Отсюда возможна связь с центром управления полетами?

— Нет, — категорично покачал головой дройд. — Наш штурмовик сгорел, а жители сельвы никогда не поддерживали контактов с остальной цивилизацией Кьюига. У них нет передатчиков.

Вадим, ощущая накатившую вдруг слабость, присел на неширокий подоконник.

— Тебе нужно поесть, — Хьюго протянул ему миску с непонятным варевом.

— Позже, — отвел его руку Вадим. — Сначала мы должны решить, что делать дальше.

— Уходить, — не задумываясь, ответил андроид. — Пока ты был в беспамятстве, я сумел обрисовать Яне сложившуюся обстановку, насколько та оказалась доступна ее пониманию, но главное она истолковала верно, — на горном плато обосновались враги, и вскоре они снимутся с места, чтобы совершить марш через материк и атаковать космопорт Кьюига с земли. Они должны обеспечить посадку и ремонт своих крейсеров, иначе те не продержатся на орбитах до прибытия сил поддержки.

— Прости, Хью, я смутно помню финал боя.

— Крейсера искалечены. Другого слова я подобрать не могу. Вряд ли хоть один из них способен к гиперпрыжку.

Вадим поднял глаза на андроида и внезапно произнес:

— Я чувствую, ты что-то недоговариваешь, Хью. Не молчи, если что-то знаешь, — говори, выкладывай все, иначе наши жертвы, все эти вылеты, бои — все окажется напрасным, — они возьмут космопорт, и это будет оккупацией Кьюига!

— Успокойся, Вадим. — Хьюго поставил плошку с едой на подоконник и выглянул на улицу, во двор. — Видишь открытые ворота? — спросил он.

— Ну? — Нечаев посмотрел в указанную сторону.

— Там я обнаружил старый вездеход, — пояснил Хьюго. — Когда-то я жил тут, в сельве, и мои блоки памяти хранят в себе карту старых дорог, которые выводят через леса к Зоне Отчуждения. Я смогу вывести нас туда, а в районе береговых укреплений, оставшихся от прошлой войны, наверняка найдется передатчик.

— Это все?

— Нет. Я воевал триста лет назад и помню очень многое из того, что напрочь забыли люди. Если ты поешь, а Яна хотя бы пару часов поспит, то тогда мы сможем двинуться в путь, а по дороге я расскажу тебе все, что знаю о старых линиях обороны пролива и об истинной сущности Зоны Отчуждения.

— Хорошо… — Вадим смирился, чувствуя, что действительно испытывает голод. — Ответь мне на последний вопрос, Хью: ты считаешь, что их наступление возможно остановить?

— С точки зрения математической вероятности, нет, — ответил дройд. — Но об этом судить не мне. — Он секунду помолчал, а потом добавил: — Странный парадокс, Вадим… По своей конструкции я совершеннее и крепче, чем ты, но зачастую люди могут сделать то, что для машины невозможно. Я не понимаю, как такое происходит.

Глава 8

Зона старых укреплений в районе разделяющего материки пролива

Раннее утро над Кьюиганской степью…

Багряное солнце едва проклюнулось у горизонта, еще видны наиболее яркие звезды на побледневшем небе, туман, поднимаясь из ложбин между холмами, выползает на бескрайний простор, заросший причудливым смешением целинного травостоя.

Здесь мирно сосуществуют растения далекой Земли и Кьюиганской сельвы, степь кажется ровной как стол, лишь кое-где поросль кустарника обозначает узкие ложбины, да темнеют крутыми склонами несколько разветвленных оврагов.

По смешению трав и неестественной ровности протянувшегося до горизонта простора можно сделать легкий и правильный вывод: знаменитая степь Кьюига — создание рук человеческих…

Но если присмотреться к волнующемуся под утренним ветерком травостою, то внимательный взгляд обязательно заметит, что недалеко от побережья среди высокой травы тут и там торчат насквозь проеденные коррозией, брошенные остовы планетопреобразующих машин.

Кто оставил их тут и почему?

Чтобы дать ответ на данный вопрос, нужно обратиться к истории заселения планеты Кьюиг.

Эта история уникальна тем, что три колониальных транспорта, независимо друг от друга, по прихоти аномалии космоса были отторгнуты в трехмерный континуум именно в системе данной звезды, вокруг которой обращалась планета с кислородосодержащей атмосферой.

Естественно, учитывая малый автономный ресурс колониальных транспортов, сразу после выхода в трехмерный космос и разведки планет системы все три корабля совершили посадку, избрав для этого один и тот же мир.

Первые два корабля появились тут четыре века назад, с небольшим временным разрывом в несколько лет, то есть они сели почти одновременно.

Три материка планеты предполагали определенный выбор места посадки: один, расположенный в северных широтах, явно не годился для заселения, там было холодно и большую часть суши сковывал панцирь

льда. Два других материка лежали южнее, ближе к зоне экватора. Когда-то, в доисторические времена, они явно были единым участком суши, который раскололся на две неравные части вследствие тектонических потрясений планетной коры.

Два пригодных для жизни материка разделял узкий пролив, с обеих сторон окаймленный цепями холмов.

Четыреста лет назад два колониальных транспорта, не имевшие взаимного контакта друг с другом, совершили посадку на два разных материка. Так на поверхности планеты начали свое развитие два автономных человеческих анклава, которые в борьбе за выживание пошли разными путями развития.

Те колонисты, к потомкам которых причислял себя Вадим, с первых дней колонизации сумели организоваться в сплоченную общину и удержать коллективными усилиями высокий уровень технических знаний. Они использовали всю привезенную на борту колониального транспорта технику, чтобы создать вокруг зоны посадки очаг земной жизни, и, в конечном итоге, выстояв первые годы противоборства с местной биосферой, начали успешное развитие, постепенно продвигаясь от зоны высадки к периферии материка.

Второй транспорт, который спустя несколько лет совершил посадку на меньший по размерам материк, доставил на своем борту людей не таких целеустремленных, к тому же высадка на планету Прошла неудачно: в момент касания поверхности яйцеобразная часть корабля, содержащая в себе криогенные залы со спящими людьми и грузовые палубы с техникой, была повреждена, — корпус колониального транспорта раскололся и деформировался, произошел сбой энергоснабжения криогенных залов, и, пока малочисленный экипаж основного модуля боролся за целостность установки термоядерного синтеза, автоматика жизнеобеспечения, оценив степень ущерба бортовых систем, начала процесс экстренного, непланового пробуждения колонистов.

Взорам людей, только что очнувшихся от сверхглубокого сна, предстала безрадостная картина: они находились на чуждой планете, их корабль, расколовшийся на несколько частей, явно уже не мог выполнить функции первоначального убежища, большая часть техники пришла в негодность или оказалась недоступной из-за сильной деформации переборок и палуб.

Атмосфера чуждой планеты, ворвавшись через разломы в корпусе, смешивалась с воздухом корабля, системы безопасности, не умолкая, сообщали о повреждениях и обнаруженных экзобиологических

микроорганизмах, что приводило растерянных и подавленных людей в состояние паники.

Те, кто не заболел и не умер в первые недели после катастрофической посадки, все же сумели извлечь часть оборудования из поврежденного корабля и погасить его реактор. Ни о каких глобальных машинных преобразованиях зоны посадки уже не могло быть и речи.

Из трехсот тысяч уцелела едва ли четверть, чья иммунная система сумела справиться с внезапной атакой чуждых микроорганизмов. Эти люди, ослабленные болезнями и лишениями, не захотели оставаться подле зловещего места крушения. Здесь все напоминало о трагедии, не было сил даже на то, чтобы предать земле тела погибших, — этим занимались машины, а люди, образовав небольшие группы, сформированные по случайному принципу, решили уходить прочь от обломков колониального транспорта в надежде вернуться сюда позже. Поделив между собой извлеченные из корабля припасы и технику, они углубились в сельву, где начали Новую жизнь в окружающих влажных зарослях, схожих с давно исчезнувшими на Земле джунглями…

Шли годы, складываясь в десятилетия, и в очаговых поселениях появились первые дети. Люди, сохранив толику знаний, постепенно приспосабливались к местной биосфере.

В этих условиях вновь включились дремавшие до сих пор эволюционные процессы Словно время обратилось вспять, и для старшего поколения людей, покинувших урбанизированные города-муравейники истощенной прародины, вновь началась борьба за выживание вида, где побеждал сильнейший. Они понимали, что влажная сельва полна нераскрытых еще опасностей, и потому, используя спасенную с места крушения колониального транспорта аппаратуру, старались уберечь своих детей от воздействий экзовирусов, проводя эксперименты с местными животными, у которых они позаимствовали некоторые специфичные приемы работы иммунной системы, и на генном уровне привили их своему потомству…

В результате, спустя столетие после трагической посадки, во влажной Кьюиганской сельве жили около ста тысяч человек, разбросанных по многочисленным локальным поселениям. Потомки колонистов еще хранили частицы знаний и технологий, бок о бок с ними сосуществовали машины, но сами люди разительно изменились, скорее внутренне, чем внешне.

Это нельзя было назвать деградацией, хотя их жизнь, напрямую связанная с местной природой, могла показаться примитивной Новые

обитатели Кьюига не полагались на земные культуры растений, они использовали исконные виды, среди которых горький опыт их предков выделил наиболее совместимые с человеческим метаболизмом формы.

Механизм накопления полезных эволюционных мутаций, включившийся в борьбе за выживание и усиленный путем лабораторных воздействий, сделал четвертое поколение колонистов уже вполне приспособленным к жизни в сельве. Природа чуждой планеты изменила их психологию и внешний облик, — конечно, люди остались людьми, они не превратились в монстров или уродов, но отличить обитателя северного материка, где благополучно развивалась техногенная цивилизация, от коренного жителя сельвы уже не составляло труда.

Они по-прежнему не знали о существовании друг друга, развиваясь каждый по своему пути, когда, спустя столетие, на Кьюиг совершил посадку третий колониальный транспорт, — один из последних, стартовавших из Солнечной системы в рамках так называемого «Первого Рывка».

Он благополучно приземлился на побережье малого, покрытого сельвой материка среди прибрежных холмов.

Выбор места посадки не был случаен: совершая орбитальный облет планеты, колонисты третьей волны могли со всей очевидностью наблюдать развивающиеся города, расположенные на территории большего по площади северного материка. Не желая ни вливаться в существующую цивилизацию, ни вступать с ней в территориальный конфликт, новые поселенцы избрали для посадки побережье южного материка, покрытого, как им казалось, девственными зарослями непроходимых джунглей.

На колониальном транспорте «Ризенберг» прилетели люди решительные, хорошо понимающие свою цель, оснащенные значительно более совершенной планетопреобразующей техникой, которая за полстолетия существенно эволюционировала в результате ужесточающихся с каждым годом требований к комплектации колониальных транспортов. За долгий период колониального бума количество желающих покинуть Землю резко сократилось, и теперь корабли строились уже не массово, а под определенного заказчика.

В данном случае транспорт был построен и оснащен по заказу русско-немецкого союза — неформальной организации, члены которой в условиях полного смешения исторических рас и народностей пытались сохранить чистоту генофонда двух древних европейских народов.

Единственным способом отгородиться от влияния субкультуры и смешения генофонда городов-муравейников была иммиграция с Земли на

новую гипотетическую родину, где представители двух образовавших временный союз народов могли бы вновь разделиться и сосуществовать, храня свои традиции и чистоту наследственности.

Колониальный транспорт «Ризенберг» успешно преодолел аномалию космоса и совершил посадку на Кьюиг в районе левобережья узкого пролива, среди поросших кустарником холмов.

В сотне метров от берега начиналась дикая и враждебная сельва, но это не смущало людей, покинувших Землю не от отчаяния, как это было во времена стартов первых колониальных транспортов, а осознанно, с вполне конкретной целью. Новые колонисты тщательно готовились к встрече с чуждой биосферой, которую они изначально планировали превратить в неосуществимый на Земле рай.

Большинство колонистов еще спали в своих низкотемпературных камерах, а грузовые аппарели корабля уже открылись, и на побережье двинулась планетопреобразующая техника.

Машин было несколько типов, они разнились между собой как по внешнему виду, так и по специализации: одни начали вгрызаться в склоны холмов, чтобы соорудить в недрах естественных возвышенностей первичные бункеры-убежища для пробуждающихся людей, другие были призваны стерилизовать так называемую «зону посадки» на широкой полосе фронта, начинающегося от места приземления, третьи должны были преобразовать мертвое пространство в очаг новой, совместимой с человеческим обменом веществ жизни.

Спустя неделю после посадки, когда началось пробуждение первой партии колонистов, сотни машин уже стирали чуждую человеку природу, превращая непроходимые заросли в белесую субстанцию, которая медленно оседала на землю, словно пепел.

Следом двигались почвоукладчики — сложные многотонные машины, совмещающие в себе несколько функций. Бульдозерные ножи выравнивали грунт, расположенные за ними приспособления срезали верхний слой почвы, перемешанной с прахом уничтоженной сельвы. Эта субстанция попадала в специальные бункеры, где грунт стерилизовался, а затем обогащался культурами земных бактерий.

Следом за почвоукладчиками, оставлявшими за кормой полосы перерожденной земли шириной в десять метров, двигались посевные машины, высаживающие в подготовленный грунт семена специально разработанных сортов травы, которая своими всходами была призвана окончательно закрепить успех, изменив экологическую структуру отвоеванного у сельвы участка.

Планетопреобразующие машины продвинулись в глубь материка на пятьдесят-семьдесят километров, прежде чем на них обратили внимание люди, за сто с небольшим лет сумевшие приспособиться к жизни в сельве.

Все началось внезапно, хотя конфликт стал неизбежен, еще в ту пору, когда последние партии колонистов на борту «Ризенберга» только пробуждались, а группа почвоукладчиков, вырвавшаяся вперед относительно основной массы планетопреобразующих машин, уничтожая сельву, обратила в прах не только непроходимые заросли чуждой флоры, но и расположенный среди них небольшой форпост иного человеческого сообщества.

Чуткие приборы разведки при орбитальном зондировании планеты не смогли выявить сотни очаговых поселений, скрытых под непроницаемым пологом сельвы, и потому планетопреобразующие машины, не имея особых инструкций, продолжали свое движение вперед.

Последующие события походили на внезапный кошмар.

Все произошло в течение одних суток, когда из глубин сельвы внезапно появились вооруженные отряды людей и андроидов, которые попросту сожгли большинство планетопреобразующих машин.

Триста тысяч человек, только что переселившихся с борта колониального транспорта в отстроенные машинами бункеры, не сразу поняли, в чем дело, а когда стало понятно, что вся передовая цепь планетопреобразующих машин попросту уничтожена, они пришли в гневное замешательство, которое можно было легко понять — без сложной дорогостоящей, а главное, невосполнимой техники они были бессильны противостоять чуждой биосфере, в синтез с которой новоселы не собирались вступать ни под каким видом.

Спустя месяц после посадки положение сложилось таким образом: вновь прибывшие колонисты закрепились в выстроенных машинами герметичных бункерах, расположенных в недрах прибрежных холмов. Тут же под открытым небом были срочно воссозданы некоторые производства военного профиля, и вершины холмов украсили уже вовсе не мирные и совершенно неэстетичные долговременные укрепления.

На сотню километров в глубь материка простиралась мертвая, перепаханная машинами равнина, далее темнела сплошная стена влажных джунглей, откуда каждую ночь с удручающей регулярностью совершались нападения на хаотично вросшую в холмы и землю цитадель прилетевших на «Ризенберге» поселенцев.

Все происходило в «лучших» традициях внезапных непримиримых конфликтов — никто не вел никаких переговоров, обе стороны нетерпимо

отнеслись друг к другу, как только стало понятно, кто есть кто. Жители сельвы восприняли прилетевших на «Ризенберге» как агрессоров, уничтожающих их мир, а колонисты третьей волны, осознав, с кем имеют дело, восприняли обитателей влажных джунглей Кьюига уже не как людей, а скорее как мутантов, которые подпали под власть враждебной природы и не имеют ничего общего с генетически «чистыми» предками.

Конфликт разрастался со скоростью лесного пожара. Стокилометровая Зона Отчуждения, где уже зеленели первые всходы посевов, стала буфером, нейтральной землей между сельвой и цепью ощерившихся бункеров, образовавших сложную и запутанную цепь коммуникаций, как наземных, так и расположенных в недрах холмов. Представители технократической цивилизации Земли, потеряв множество дорогостоящих машин, решили во что бы то ни стало отстоять полосу уже преобразованной территории.

Вместо развития по заранее разработанному плану люди, прилетевшие на борту «Ризенберга», внезапно были вынуждены работать на войну, возводить не мирные сооружения, а цеха по производству оружия и боевой техники.

Позиции на холмах, с высоты которых легко контролировалось все обработанное почвоукладчиками пространство, обрастали новыми укреплениями, и теперь обитателей сельвы, пытавшихся предпринимать вылазки, встречали настоящим артиллерийским огнем.

Ситуация стремительно заходила в тупик, грозя превратиться в Долгую позиционную войну, которая неизбежно привела бы к взаимному истреблению двух человеческих анклавов.

Однако в происходящее вовремя вмешалась третья сила. Гул артиллерийской канонады, да и сама посадка нового колониального транспорта не могли не привлечь внимания обитателей северного материка, которые успешно строили прогрессирующее государство.

Именно они являлись наиболее весомой силой на планете, они дали Кьюигу и название, и первое государство, их успешное развитие предполагало разные подходы к освоению территорий, начиная от полного преобразования земель и заканчивая нетронутыми участками заповедной исконной жизни.

Они не собирались участвовать во внезапно вспыхнувшей войне на границе двух материков, но, вступив в контакт с прилетевшими на «Ризенберге» людьми, северяне предложили себя в роли посредников при переговорах с обитателями сельвы, о которых государство Кьюига также не было осведомлено до последней поры.

Однако состоявшиеся переговоры между тремя человеческими анклавами не привели к взаимопониманию — потомки колонистов, населявшие сельву, требовали, чтобы захватчики ушли с их материка, а терраформированные пространства вновь были отданы непроходимым зарослям.

Представители государства Кьюига резонно объяснили им, что совершить обратный процесс невозможно, — преобразованные земли уже несли культуры чуждых сельве микроорганизмов и растений, потому спорный участок было предложено оставить в качестве нейтральной буферной зоны, где проходила бы граница двух биосфер, но обитатели сельвы сочли такие условия неприемлемыми.

Конфликт получил новое развитие, в районе терраформированных земель начались настоящие боевые действия, которые, то затухая, то вспыхивая вновь, длились без малого два десятилетия.

В конечном итоге противостояние разрешилось иным путем Жители северного материка предложили прилетевшим на «Ризенберге» оставить попытки отвоевать полосу преобразованной земли на которой за период боевых действий выросла новая флора, перемежающаяся останками разбитых боевых и планетопреобразующих машин, и, бросив укрепленные районы, переселиться к ним на материк, где хватало жизненных пространств.

Это предложение было принято с благодарностью. Для эвакуации населения прибрежной полосы, разборки колониального транспорта и отвода наиболее ценной техники через пролив был отстроен мост, по которому в течение года осуществлялась постепенная эвакуация неудавшегося поселения…

…Сейчас, спустя триста лет, о конфликте напоминали лишь старые укрепления, целинные поля, протянувшиеся вдоль всей линии побережья, да вросшие в землю насквозь проржавевшие остовы почвоукладчиков…

Зону Отчуждения вот уже более ста лет не контролировали никакие воинские формирования — она существовала сама по себе, став настоящей нейтральной полосой, — обитатели сельвы не могли селиться тут из-за произошедших коренных экологических изменений, а наследники прилетевших на «Ризенберге» колонистов, убедившись, что полоса терраформированных земель не только препятствует распространению сельвы, но и стихийно расширяется в глубь второго материка, наконец сняли из зоны укрепрайонов последние форпосты, окончательно направив свои усилия в иную сторону, благо площадь северного материка планеты позволяла им свободно развиваться, не предпринимая попыток

насильственного захвата чужих земель.

То давнее противостояние постепенно забылось. В обществе Кьюига, куда влились колонисты с «Ризенберга», не любили вспоминать о территориальном конфликте… О второй цивилизации помнили, но контактов с ней практически не поддерживали, — за триста лет различия между двумя анклавами людей еще более усугубились. Обитателей сельвы было принято считать деградирующим сообществом, а их синтез с исконной природой планеты — опасным и ненормальным прецедентом мутаций, когда природа планеты взяла верх над человеком и полностью изменила его, начиная от обмена веществ и заканчивая внутренней психологией.

Давний конфликт утих сам собой, не получая развития.

От линии побережья до космопорта планеты пролегала слабозаселенная сельская местность, включавшая в себя огромные лесные массивы, рассеченные редкими просеками дорог; мост, соединявший два участка суши, сохранился, но им не пользовались уже очень давно…

* * *

Утренний туман постепенно рассеивался, таял в воздухе, открывая панораму бескрайних степей Зоны Отчуждения. Тут цвели самые разные травы, природа двух планет причудливо перемешалась в полосе преобразованной когда-то почвы. В основном тут властвовали растения, завезенные с Земли, кое-где, вдоль оврагов виднелась поросль ивового кустарника, но попадались и представители исконной фауны Кьюига, адаптировавшиеся на степных просторах, созданных усилиями машин, чьи ржавые остовы едва виднелись из высокого травостоя.

Холмы, протянувшиеся вдоль побережья, также густо поросли кустарником, и только бетонные плеши старых долговременных укрытий белели на скатах и вершинах холмов, словно вымытые из земли и выбеленные временем фрагменты черепов невиданных животных.

С высоты птичьего полета эта картина теряла мирный вид пасторального пейзажа. Еще не заросли шрамы прошлой войны, до сих пор по гребням высот вились змейки траншей, темнели прямоугольники капониров для орудий, изредка в лучах восходящего солнца сквозь туман влажно белели фрагменты бетонных укреплений, верхняя часть которых за прошедшие столетия так и не заросла травой…

На самом берегу, подле моста, виднелись похожие на бараки или цеха прямоугольники бетонных зданий. Чуть дальше остекленевшая окружность, где от жара планетарных двигателей обнажилось базальтовое

ложе материка, отмечала место посадки колониального транспорта «Ризенберг», разобранного до винтика во времена противостояния и последующей эвакуации.

Над Кьюиганской степью, образованной причудливым смешением травостоя двух соперничающих биосфер, рассеивался туман, разгоралось утро, грозя знойным полуднем, да парил в поднебесье одинокий силуэт хищной птицы, по контуру которой нельзя было с точностью судить, порождением какой эволюции является этот степной хищник.

Все казалось незыблемым, навек застывшим, но, нарушая сонную идиллию этого утра, по степи, утопая колесами в густой траве, двигался одинокий вездеход неимоверно древней модели.

Судя по всему, управлявший им водитель держал курс к укреплениям на холмах и расположенному дальше мосту через пролив.

* * *

Был полдень, когда старая машина миновала сохранившийся отрезок дороги между холмами и остановилась, скрипнув тормозами, подле двух бетонных коробок приземистых зданий.

Хьюго распахнул дверь вездехода.

Первым из машины выскочил Ред и недовольно зарычал, нюхая воздух и царапая когтями передних лап теплый стеклобетон площадки.

Вслед за собакой показался Вадим. Протянув руку, он хотел помочь Яне выбраться из вездехода, но девушка не обратила внимания на этот жест.

Вообще она вела себя крайне отчужденно, едва ли обмолвившись с Вадимом парой слов. Он не понимал причины такой настороженности и, в конце концов, оставил попытки завязать с ней разговор, мысленно переключившись на проблемы более насущные.

Рассказ Хьюго о давнем противостоянии двух цивилизаций он выслушал молча и внимательно, и вот теперь, когда вездеход преодолел теснину между холмами, Вадим смог воочию увидеть то, о чем скромно умалчивали учебники истории.

Цепь долгосрочных укреплений протянулась на гребнях возвышенностей, извиваясь по склонам змейками траншей, вздымаясь желтовато-белыми выступами бетонных укрытий, выдавая суть происходивших тут когда-то событий сотнями заросших травой, оплывших от времени воронок, которые щедро усеивали склоны холмов и степь перед ними.

Хьюго, захлопнув двери вездехода, уверенно направился к правому из

двух приземистых зданий.

Дверь была плотно закрыта и опечатана, но андроид, не церемонясь, взломал ее — скрипнули давно не смазанные петли, и изнутри пахнуло застоявшейся пыльной прохладой.

Вадим вслед за андроидом вошел внутрь и остолбенел: в рассеянном свете, который пропускали расположенные под самой крышей окна с мутными стеклами, виднелись укутанные прорезиненной тканью ряды каких-то механизмов, чей истинный облик и назначение было невозможно угадать из-за бесформенности накрывавшего их защитного материала.

— Это консервационный склад, — бесстрастно доложил Хьюго. — Три века назад, когда я последний раз ходил в разведку, сюда свозили все полевые орудия из укреплений на холмах.

— Зачем?

— А какой смысл было забирать их с собой? Люди покидали эти укрепления, чтобы начать новую, мирную жизнь.

— А почему они не бросили орудия в укреплениях? — спросил Вадим, приподнимая тяжелый полог прорезиненной материи. Под ним тускло блеснул металл, покрытый толстым слоем консервирующей смазки.

— В ту пору еще никто не мог с уверенностью сказать, что конфликт полностью исчерпан, — ответил Вадиму дройд. — Все могло внезапно вернуться на круги своя, если бы жители сельвы не успокоились на достигнутом…

— Да… верно, — согласился с ним Вадим, оглядываясь по сторонам. — А это что такое? — Он указал на штабелированные отдельно контейнеры, неприятно напоминавшие по своей форме гробы.

— Это упаковочные кофры для андроидов.

— Твоей серии?!

— Нет, — покачал головой Хьюго. — Более простой человекоподобный тип. Если говорить о специализации — орудийная прислуга. Эти машины производились тут, на Кьюиге, в самый разгар конфликта.

Вадим мысленно сосчитал контейнеры. Законсервированных андроидов было всего два десятка, в то время как на складе стояло около сотни накрытых защитной тканью орудий.

— Пункт связи, — напомнил он Хьюго, стряхивая с себя оцепенение, словно пыль веков, скопившуюся тут.

Андроид молча указал на дверь, ведущую в одно из внутренних помещений огромного склада.

* * *

Им потребовалось около получаса, чтобы расконсервировать старую систему связи.

Хьюго хорошо помнил схему работы передатчиков. Вообще, его память о прошлом оказалась бесценным в их ситуации кладезем знаний.

Когда была развернута основная антенна, встал вопрос о том, на каких частотах вызывать космический порт Кьюига. Вадима терзали сомнения — вот уже вторые сутки он находился в полном отрыве от источников информации и не имел ни малейшего понятия о том, какие силы хозяйничают в космопорту.

Хотелось верить, что искалеченные корабли земной армады, получив неожиданный удар, не рискнули высаживать десант, памятуя о плачевных уроках Дабога…

И все же…

Вадима осенило в последний момент.

Он вдруг отчетливо вспомнил, как перед первым вылетом подошел к нему Дима Дорохов и со словами: «на всякий случай» черканул на вырванном из блокнота листке позывные «Иглы» вкупе с частотами связи.

Вадима невольно прошиб холодный пот от такого совпадения

Сунув руку в карман выстиранного Хьюго полетного комбинезона, он вытащил смятый, будто изжеванный листок пластбумаги с расплывчатыми буквами и цифрами.

— Вызывай, — сказал он андроиду, расправляя листок.

Связь установилась быстро и оказалась вполне устойчивой, несмотря на древность используемой аппаратуры.

Вадим надел на голову тонкий обруч коммуникатора с микрофоном на дугообразном отростке, чувствуя, что испытывает неимоверное моральное напряжение.

— «Игла», ответь Первому (это был позывной Нечаева в космосе), прием.

Секунда тишины, а затем Вадим услышал голос… Дорохова!

— «Игла» на приеме. Кто говорит? Прошу повторить позывной. — В далеком голосе Дмитрия также проскользнула предательская дрожь внезапного волнения.

— Дима… — Голос Нечаева вдруг сорвался. Какие к дьяволам Элио позывные — на том конце связи был Дорохов! Живой!..

— Дима, это я… На связи Нечаев!

— Вадим?! Ты живой?!

— Упал в сельву, — немного успокаиваясь, ответил он. — Хьюго тянул корабль до последней секунды…

— Где ты, Вадим?!

— У пролива, разделяющего материки. В районе старых укреплений, около моста.

Минуту или чуть больше они говорили, перебивая друг друга, а потом их беспорядочный диалог вдруг принял целенаправленный характер: Вадим стал рассказывать о том, что он и Хьюго увидели при снижении.

У Дорохова эта информация вызвала шок.

— Серв-машины? Ты не ошибся? — переспросил он, когда Нечаев закончил описывать группировку, замеченную им на горном плато.

— Нет. Хьюго тоже видел их. Есть видеозапись.

— Но мы не сумеем отразить наземную атаку! — голос Дорохова внезапно упал, из него исчезли все восторженные нотки, Дмитрий мгновенно оценил степень угрозы, которой попросту нечего было противопоставить.

В этот момент Вадим принял окончательное решение.

Это был какой-то переломный миг, когда он понял, что семьсот километров, отделяющих его от космопорта, несмотря на связь, превратились в пропасть…

Ему, только ему стоять на этой стороне, потому что механизированное соединение землян наверняка уже движется сюда… а они немы и глухи, все спутники, по словам Димы, сбиты космическими истребителями, и сами они сидят в космопорту, как кроты в глухой норе.

— Слушай меня внимательно, Дима. — Вадим оглянулся по сторонам, а потом стал спокойно и ясно излагать, где он находится, что окружает его в консервационном складе, и…

— Ты хочешь задержать их? — спросил Дорохов, выслушав Вадима. — С помощью старых пушек и двух десятков примитивных дройдов?!

— Я не вижу иного выхода, — ответил Вадим, сконцентрировавшись на том, чтобы говорить твердо, без дрожи в голосе. Он не хотел выдать того, что начинает психовать, лишь отдаленно, приблизительно осознавая степень той силы, которая уже надвигалась сюда, проламывая себе путь через сельву. — Иди к Шахоеву, докладывай ему, и пусть шлет сюда весь личный состав сил самообороны, всю технику, все, что только сможет наскрести. Если не остановить наземную атаку, Кьюиг будет оккупирован, ты понимаешь это?!

— Я все понимаю, Вадим… Не кричи.

— Тогда действуй, Дима. Я попытаюсь расконсервировать эту линию обороны, а ты должен во что бы то ни стало убедить Шахоева в реальности угрозы!

— Хорошо. Я иду к нему. Выйду на связь, как только переговорю с полковником.

— Добро…

Тонко прозвучал сигнал отбоя связи, и Вадима вдруг окружила оглушающая тишина.

Некоторое время он сидел, не двигаясь, потом повернулся к Хьюго и сказал:

— Как ты думаешь, сколько у нас времени до появления серв-машин?

Андроид секунду помедлил с ответом, видимо, что-то подсчитывая в уме.

— Часов шесть-семь, не больше, — произнес он. — Если нам удастся реактивировать андроидов, то мы успеем разместить часть орудий в бункерах.

Вадима вдруг окатил настоящий страх — он ясно припомнил исполинский контур машины из своего последнего видения. Отгоняя дрожь, он с усилием встряхнул головой и сказал:

— Пошли, чего сидим…

Глава 9

Левобережье… Три часа спустя

Они появились у горизонта растянутой цепью точек — пока еще нестрашные, призрачно-далекие, темные, будто были созданы не из металла, а принадлежали окружающему миру в такой же равной степени, как обитающие на границе сельвы и степи животные Кьюига.

Вадим поднял электронный бинокль, и все мгновенно переменилось. Даль рванулась навстречу, укрупняя хищные, приплюснутые контуры шагающих исполинов, которые действительно двигались растянутой цепью, но каждая точка, кажущаяся издали чем-то цельным, на самом деле являлась механизированной группой из трех серв-машин.

Впереди каждого боевого звена двигался легкий «Хоплит», его яйцеобразный корпус, снабженный по бокам пилонами, на которых крепилось ракетное вооружение, постоянно двигался из стороны в сторону, словно серв-машина крутила непомерно большой головой, поворачивая ее то вправо, то влево, а узкие разрезы смотровых триплексов, расположенные на лобовом скате брони, казались раскосыми глазами, взгляд которых обшаривает дымчатую даль…

Вслед за каждым тридцатитонным «Хоплитом» тяжкой поступью двигались два шестидесятитонных «Фалангера». Эти тяжелые машины были разработаны Альянсом как универсальная боевая единица и могли не только вести ближний бой с противником, но и осуществлять дальнюю огневую поддержку.

В отличие от «Хоплитов», тяжеловесные «Фалангеры» двигались медленнее, от размеренных, неторопливых тактов работы их исполинских ступоходов, казалось, должна содрогаться земля, они шли ровно, целеустремленно, не дергаясь уплощенными торсами из стороны в сторону, словно знали цену своей броне и огневой мощи…

Чудовищные подробности строения серв-машин задержали на себе похолодевший взгляд Вадима.

Нечаев смотрел на них, впитывая оцепеневшим на миг разумом каждую деталь, различимую в электронную оптику умножителей.

Резвые «Хоплиты», вид которых так поразил его при снижении челнока, теперь, в сравнении со своими шестидесятитонными собратьями, не казались ему такими грозными, как это было некоторое время назад.

Каждый из «Фалангеров» стоил того, чтобы надолго приковать к себе

взгляд. Вооружение машин из разных троек не различалось по своей конфигурации, — неизменными для всех были покатые горбы пусковых ракетных установок, расположенные на уплощенном корпусе сразу за козырьком брони, прикрывающим сверху рубку пилота от ослепительных вспышек при запусках, и боковые оружейные пилоны, на которых крепились независимые подвески спаренных автоматических пушек с длинными стволами калибром миллиметров в сто двадцать, не меньше…

От попавших в поле зрения Нечаева технических подробностей по спине вдоль позвоночника пробежала холодная, щекотливая капля пота.

Он опустил электронный бинокль и попытался сосчитать точки у горизонта, но быстро понял: их больше, чем может различить взгляд. Теперь, спустя всего три-четыре минуты после того, как он заметил первые признаки движения на границе леса и степи, казалось, что от крайних деревьев сельвы по терраформированным когда-то площадям движется сплошная темная стена…

Шок от увиденного еще не прошел. Вадим смотрел на темную массу, которая катилась к переправе, как приливная волна, не отдавая себе отчета, что перед ним не армия, и даже не крупное соединение.

По меркам боевых единиц Земного Альянса на старые позиции, расположенные в зоне предмостья, двигался отдельный механизированный серв-батальон, без пехотной поддержки, без прикрытия с воздуха, — соединение действовало в полном отрыве от базовых кораблей высадки, лишь несколько БПМ смутно просматривались за огромными фигурами серв-машин.

Нечаев оглянулся.

Зрение на секунду расплылось, взгляд завяз в знойном мареве полудня, время застыло, двигаясь неоправданно медленно, в такт нечастым, глухим ударам его сердца…

Два андроида выкатывали из прохладных недр консервационного склада полевое орудие времен Великого Исхода.

Вытолкав его на свет, дройды впряглись в тяжелую станину, приподняли разнесенные по сторонам сошки и потащили орудие к капониру на вершине холма, чтобы поставить его на прямую наводку.

Следом за человекоподобными машинами из ворот приземистого строения показался пес. Пятясь, он упирался в землю протезами задних лап, волоча за собой тяжелый поддон с боекомплектом, — ящики со старой маркировкой зеленели уступчатой горкой…

Вадим медленно сел.

Переведя взгляд с немногочисленных фигурок, рассыпавшихся по

змейкам траншей, на сплошную стену сервоприводного металла, он лишь сипло вздохнул и, срывая полог тишины, поднял к губам коммуникатор, выдохнув в него сначала хрипло и сдавленно, а потом, прочистив горло коротким нервным кашлем, уже более внятно:

— Внимание всем… Они идут!..

Оцепенение сгинуло, словно звук собственного голоса согнал морок, — он пружинисто встал, спрыгнул в расселину вычищенной от травы траншеи и, зачем-то пригибаясь, побежал по ходу сообщения к намеченному заранее командному пункту, на вершину холма, в просторный, укрепленный бетонными стенами дот, расположенный между двух открытых капониров.

Распахнув скрипнувшую на петлях металлическую дверь, он на секунду застыл. Глаза после яркого солнечного света не сразу адаптировались к прохладному сумраку бункера, а когда предметы вокруг стали различимы, Нечаев первым делом подошел к старой коммуникационной установке и, включив питание, вытащил из гнезда трубку коммуникатора дальней связи, снабженную короткой антенной в пластиковом чехле.

Частота, настроенная заранее, тут же отозвалась позывными.

— Дорохов… Дима, ты меня слышишь? — Он волновался, психовал и ничего не мог с этим поделать, пот не то от полуденного жара, не то от внезапной нервной встряски сбегал по лицу, он смахивал его тыльной стороной ладони, покусывая губы в ожидании ответа.

— Да? — пришел наконец полуутвердительный ответ. — Кто на связи?

— Это Нечаев. — Он облизал пересохшие губы. Во рту было горько, страшно хотелось курить, и отчего-то в голове засела мысль: «я увижу сегодня закат?» — Дима, они появились.

— Сколько? — Голос Дорохова казался далеким, идущим из иного мира, где все было по-другому…

— Не знаю, — честно признался Вадим. — Не сосчитал… — Он вдруг усмехнулся, успокаиваясь так же внезапно, как запсиховал. — Группы по три единицы, в каждой одна легкая серв-машина и две тяжелых. Прут от горизонта, словно стена… Как дела у тебя? Что с поддержкой? Ты говорил с Шахоевым?

— Да сука он!.. — Вадим отчетливо услышал, как Дорохов сплюнул. — Ничего слушать не хочет, сидит надутый, как сыч. Спутники сбиты, орбитальный контроль сдох, неизвестно, что творится. Я ему рассказал все, как ты велел, он же только глаза выпучивает и орет, что не

может доверять непроверенным разведданным, шаттлов осталось всего три, он в них вцепился мертвой хваткой, будто они смогут что-то сделать, когда начнут садиться штурмовые модули…

— Значит, все? Поддержки не будет? — голос Вадима опять сорвался, осип.

— Будет, — внезапно пообещал ему Дорохов. — Я иду к тебе. Со мной одна серв-машина с Дабога и еще три десятка добровольцев, согласившихся идти, вопреки крикам Шахоева. Я поговорил с пилотами шаттлов, передал им позывной и радиочастоту. Они еще мнутся, но, думаю, скоро созреют, — сидеть в космопорту и ждать, пока тебе на голову вывалят орбитальные бомбы, тоже несладко. Короче, Вадим, держись, сколько сможешь, в предмостье, потом взрывай переправу и отходи на наш берег. Мы уже час как в пути, я реквизировал две старые БПМ, но раньше трех пополудни нам до тебя не добраться. Продержишься?

Вадим взглянул на ровную как стол степь, по которой двигались различимые уже невооруженным взглядом контуры серв-соединений, и ответил:

— А куда деваться? Будем держать. — Он сам не ведал, что говорил, но все прошлые понятия стали незначительными и ненужными под тем нервным прессом, что испытывала сейчас его психика от одного вида вражеских серв-машин. — Ты это, Дима, вызови через полчасика воздушную поддержку, ладно? — вдруг попросил он, понимая, что времени на разговоры уже не осталось. — С минуты на минуту передовые «Хоплиты» выйдут на прямую наводку установленных на вершинах холмов орудий.

— Хорошо. — Голос Дорохова на том конце связи внезапно тоже сорвался, стал хриплым, неузнаваемым. — Продержись, Вадим… И…

— Ладно… — оборвал его Нечаев. — Увидимся, Дима. — На него опять, словно плотный полог, опустилось спокойствие. — Давай, до связи… — Он отключил коммуникатор, чтобы не затягивать диалог, который уже исчерпал свою деловую часть и перешел в стадию сдавленных эмоций.

Взгляд в смотровую щель.

Вот они, передовые серв-машины: десять «Хоплитов» движутся ровным строем, растянувшись по степи, интервал между машинами более полукилометра, крайние едва видны, а в центре три легких робота, как на ладони, — шагают, деловито перебирая ступоходами, прямо к мосту, в теснину между холмами.

Полная радиотишина. Они все оговорили заранее, больше не будет ни

споров, ни прений, все решат ближайшие минуты.

Вадим вдруг почувствовал себя одиноким. Хьюго на правом фланге, Яну он отослал на тот берег, а сам остался в центре, в общем-то, расстояние между ними — не больше чем интервал у шагающих серв-машин, а кажется — бесконечность, не добежишь, не докричишься…

Два андроида застыли у орудия. Тупо блестят жала бронебойных снарядов в открытом ящике. Автомат в нише смотровой щели, два запасных магазина рядом, гранаты в подсумке — все это кажется игрушечным по сравнению с шагающими машинами, которые спокойно идут, меряя своими ступоходами пространство степи.

Их цель — мост, затем, после переправы, — космопорт, — это же ясно, как божий день, только Шахоев по какой-то причине не захотел слушать, не понял, что главный удар сейчас идет не из космоса, а отсюда, — блокировавшие планету крейсеры будут ждать, им нет нужды бомбить космопорт, который необходим им для ремонта.

Рваные мысли. Растерзанное время, которое то срывается бешеным пульсом, то застывает тягучими гулкими ударами секунд. Наверное, хуже нет, чем это изматывающее ожидание…

Все сейчас решают цифры в электронном окошке дальномера. Когда они сбегут к значению одного километра, начнется бой.

* * *

Нечаев не знал, что Кьюиг стал в этот день полигоном, тут не только разворачивались боевые действия, но и проходило первое экстремальное испытание программного пакета «Одиночка», созданного специально для серв-машин нового поколения.

Десять тридцатитонных «Хоплитов» сбавили темп движения; не ломая строя, они сходились к одной точке, постепенно сокращая дистанцию между собой. Все происходило в пределах видимости, но машины, подтягивая фланги, все еще не пересекли критическую отметку, и древние орудия, в расчетах которых находились примитивные дройды, не открывали огня.

Тяжкое испытание для психики человека.

Ни Вадим, ни тем более Яна, которая стояла сейчас на вершине холма по ту сторону пролива, не обладали выдержкой андроидов, а вынужденное соблюдение радиотишины не позволяло им в данный момент поговорить друг с другом, обменяться мнением о происходящем… но они мыслили в унисон, испытывая в эти минуты примерно одинаковые чувства, словно затянувшееся ожидание стерло границы пропасти, образовавшейся за века

автономного бытия между двумя ветвями цивилизации Кьюига.

Отчуждение, так явно сквозившее в краткой истории их взаимоотношений, таяло в эти секунды, будто воск, но было поздно, слишком поздно, потому что их разделял не только узкий пролив — между ними пролегла смерть…

Наконец, сократив дистанцию между собой до ста метров, десять «Хоплитов» двинулись вперед, к переправе.

Километр…

Нечаев, напряженно, до рези в глазах вглядывающийся в дымчатую даль степного простора, внезапно боковым зрением уловил яркую вспышку, и почти одновременно с ней раскатился счетверенный хлопок, словно в разных местах, справа и слева, кто-то рванул плотные листы картона.

Он метнулся взглядом по позициям и увидел, как от ближайшего капонира легкий ветерок лениво относит сгусток сизого дыма.

Удивительно, сколько визуальной информации способен вместить в себя краткий миг времени, когда нервы натянуты до предела и человеческий организм вдруг начинает работать в ином, отличном от обыденности ритме. Он услышал грохот, заметил вспышку, сизое, относимое ветром облачко и в ту же секунду успел податься вперед, прикипая взглядом к десятиметровым силуэтам шагающих серв-машин…

Эффект от залпа был скорее зрелищным, чем губительным. Из-под ступоходов «Хоплитов» вырвались черно-оранжевые, кустистые разрывы, лопающийся гул ударной волны тяжело хлестнул по травостою, но ни одна серв-машина не понесла серьезного ущерба.

Нечаев недоумевал: почему только четыре орудия разрядились в противника и отчего попадания столь неточны?

Он не был искушен в нюансах наземных боев, Вадим даже не вспомнил в этот миг, что ни одно из древних орудий не было пристреляно перед боем, — они опасались выдать свое присутствие свежими воронками. В таких условиях первый залп, пусть даже он произведен с рубежа прямой наводки, неизбежно являлся пристрелочным.

В следующий миг он понял, отчего молчали ближние к нему огневые точки.

Обслуживающие орудия андроиды не нуждались в специальных устройствах, — их сканирующие системы мгновенно отследили траектории первого залпа, и секундная заминка была вызвана поправками, которые вносили человекоподобные машины в прицел своих орудий.

Все происходило в десятки раз быстрее, чем может быть описано.

Султаны первых разрывов еще только опадали, разбрасывая вокруг комья дымящейся, вывороченной земли, как справа и слева от КП оглушительно рявкнул второй залп — это разрядились четыре ближних орудия, установленные не в бункерах, а в открытых капонирах.

Первый снаряд лег точно в лобовой скат брони головного «Хоплита», и серв-машина, пошатнувшись от чудовищного удара, потеряла равновесие, начиная опрокидываться; еще одна ослепительная вспышка сверкнула на броне пошатнувшегося робота, и правую ракетную установку сорвало с оружейного пилона, отшвырнув тяжелый агрегат метров на сто…

От следующих попаданий «Хоплит» рухнул. Земля ощутимо поколебалась, принимая на себя удар тридцати тонн брони и механизмов, трава, разметанная по сторонам, вспыхнула, оконтуривая черные, дымящиеся воронки гудящими, набирающими прожорливую силу языками пламени…

За падением первой серв-машины наступила короткая пауза — миг, когда Нечаев смог-таки охватить взглядом всю доступную панораму близлежащей степи.

Ему казалось, что он видит сон.

С визгом сервоприводов разворачивались торсы шагающих серв-машин. Несмотря на ошеломительную внезапность атаки, они не сломали строй и действовали по-прежнему синхронно, слаженно, словно сидящие в них люди не ведали ни страха, ни растерянности.

Вадим просто не знал, что в рубках «Хоплитов» нет людей, — ими управляла кибернетическая система нового поколения — первый образец программного пакета «Одиночка», которому уготовано долгое, кровавое существование, как, впрочем, и самой концепции серв-машин. После боев на Кассии и Кьюиге они прочно, на века, займут нишу самого страшного и эффективного планетарного наступательного вооружения.

…Оторванная пусковая установка поверженного «Хоплита» внезапно хаотично разрядилась, земля буквально вскипела в месте ее падения: вспышки самопроизвольных запусков сверкали среди происходящих в нескольких шагах разрывов… спустя секунду две ракеты все же вырвались из внезапно вскипевшего ада и взорвались в стороне…

Силуэты девяти «Хоплитов», кажущиеся призрачными из-за плотной дымовой завесы, внезапно озарились пламенем целенаправленных пусков, и Вадим, не отрывавший глаз от картины боя, увидел, как выпущенные ракеты прочертили дымный воздух прямыми, словно стрелы, инверсионными шлейфами, ударив точно в вершину близлежащего холма.

Со стороны казалось, что земля там кипит, стекая расплавленными

потоками со стен старых бетонированных убежищ. Ракетный залп девяти машин сорвал тонны грунта с заросшего травой и кустарником холма, обнажая стены древнего укрепления, словно из глубины времен под ураганным огнем выперло беловато-желтую кость ископаемого скелета с угловатой черепной коробкой…

Изнутри атакованного бункера внезапно вырвалось ослепительное пламя; через секунду оно стало нестерпимым для глаза, а когда огонь опал и повалил дым, то Нечаев понял — это орудие Уже не заговорит: древний дот разворотило, расколов на несколько Уродливых кусков, — очевидно, одна из ракет попала точно в амбразуру и разорвалась внутри укрепления, заставив детонировать складированные подле орудия снаряды…

«Хьюго… Там был Хьюго!..» — пришла отчаянная мысль.

Волна нестерпимой горечи обдала его изнутри; на несколько секунд Вадим утратил возможность здраво мыслить, но близкий, надсадный вой сервомоторов быстро заставил его прийти в себя, — это «Хоплиты» под прикрытием ракетного залпа пытались преодолеть короткую дистанцию, отделявшую их от передовой линии внезапно оживших укреплений.

Не было смысла соблюдать установленную радиотишину, и Вадим схватил коммуникатор:

— Огонь! Всем орудиям — огонь! — закричал он в устройство связи, отдавая недвусмысленный приказ уцелевшим андроидам. Пока перезаряжались пусковые установки «Хоплитов», а поддерживающие их «Фалангеры» еще маячили у горизонта призрачными силуэтами, обнаружившие себя орудия могли произвести несколько залпов.

Распределяя скудный боекомплект, они исходили из расчета быстрой смены позиций. Орудиям, заговорившим первыми, было отдано всего по четыре снаряда, расстреляв которые обслуживающие их человекоподобные машины должны были покинуть демаскированные огневые точки и следовать к другим укреплениям.

Все было продумано правильно, но мощь противника, несмотря на первый кажущийся успех обороняющихся, оказалась несоизмеримой со скудными возможностями малочисленных защитников древнего укрепрайона.

И, тем не менее, первой группе шагающих серв-машин не удалось беспрепятственно сократить дистанцию и вскарабкаться по заросшим травой и кустарником склонам холмов.

Справа, со стороны развороченных позиций, скороговоркой ударило уцелевшее на фланге орудие. Три снаряда были выпущены им с интервалами в десять-пятнадцать секунд. Ровно столько требовалось

андроидам для того, чтобы загнать снаряд в казенную часть и произвести очередной выстрел.

Головного «Хоплита» разорвало полыхнувшим изнутри взрывом.

Хьюго был тысячу раз прав в своей прозорливости: их броня не держала кинетической энергии древнего мощного варварского кумулятивного заряда, — компромисс, достигнутый земными конструкторами между механической стойкостью и энергетическими отражающими качествами брони, оказался неудачным. На Кьюиге, в отличие от Дабога, против сил Альянса сражались не лазерные горнопроходческие установки, а пушки, и это решило участь передовых серв-машин, которые слишком резво сократили дистанцию, продавливая центр обнаружившей себя оборонительной линии…

Вадиму эта минута показалась соизмеримой с вечностью: «Хоплиты» наступали прямо на КП, рассчитывая занять центральную, господствующую высоту и планомерно уничтожить замеченные огневые точки, но расчет их кибернетических систем провалился. Андроиды на флангах успели развернуть орудия до того, как их противник достиг вершины холма, и Нечаев, застывший у амбразуры, внезапно очутился в самом пекле…

Восемнадцать снарядов были выпущены по наступающим серв-машинам менее чем за минуту, и ни один из выстрелов не пропал даром.

Разрывы уже не кромсали землю, они вспыхивали ослепительными бутонами, прожигая броню шагающих по склону «Хоплитов», а те, не понижая темпа, перли вверх, с ходу отплевываясь длинными, лающими очередями из установленных на загривках крупнокалиберных зенитных установок.

Визг перегруженных моторов казался оглушительнее выстрелов и разрывов, масса чудовищного металла катилась вверх по склону, поливая соседние высоты шквалом ответного огня, ступоходы боевых машин выворачивали землю вместе с травой и кустами, оставляя за собой громадные четырехпалые следы…

Над кустарниковой порослью внезапно появился огромный, чуть приплюснутый торс, и Вадим даже не успел отпрянуть от смотровой щели, — автоматическая зенитная установка «Хоплита», резко повернувшись, ударила по амбразуре обнаруженного сканерами укрытия щедрой очередью снарядов…

Нечаев, который стоял в трех метрах от орудия, у устройства наблюдения, имевшего отдельную смотровую щель, остался жив, — взрывная волна ударила его о бетонную стену, на миг погасив разум, а

когда он пришел в себя, то в дымном сумраке бетонного убежища не было видно ни зги — все осветительные приборы были уничтожены, а амбразуру заволакивал сизый, удушливый дым, который вытягивало наружу образовавшимся сквозняком.

Он с трудом поднялся на четвереньки, судорожно закашлялся, слепо шаря рукой в окружающем дыму, потом все-таки встал и, пошатнувшись, на ощупь двинулся вдоль шероховатой стены, пока не споткнулся о сорванную с петель толстую металлическую Дверь убежища.

Сизый дым выедал глаза, жег легкие, вызывая мучительный кашель, — задыхаясь, Вадим инстинктивно сунулся в дверной проем и словно оказался в ином мире…

Сразу за выбитым входом в убежище стоял накренившийся набок десятиметровый «Хоплит».

Вокруг царила звонкая, зловещая тишина, не было слышно ни грохота орудий, ни визгливого звука работающих сервомоторов, и ему поначалу подумалось, что он просто оглох в результате контузии, как вдруг в этой ненатуральной, ватной тишине со стороны ближайших зарослей кустарника раздался тонкий пересвист какой-то пичуги.

Звуки стали проявляться один за другим, словно птичий щебет открыл им путь к разуму полузадохнувшегося человека.

Поднявшийся ветерок лениво прошелестел листвой, с брони возвышающейся над бункером серв-машины с влажным, мягким шлепком отвалился ком земли. Нечаев поднял глаза и увидел, как по исполинскому ступоходу медленно сочится зеленоватая жидкость, капая на землю из пробитой системы гидравлических усилителей…

Ухватившись рукой за косяк выбитых дверей, он какое-то время стоял, жадно глотая ртом знойный воздух полудня, пока по ту сторону убежища от склона вновь не послышался заунывный звук — это работали сервомоторы.

Птаха испуганно замолчала, и все сразу встало на свои места, словно минута мирной тишины была дарована ему свыше…

Взглянув на покосившийся силуэт серв-машины, Вадим десятым чувством понял — этот механический монстр уже не в счет…

Окончательно очнувшись, он шагнул назад в бункер.

Сквозняк уже вытянул большую часть дыма, и теперь в сером сумраке можно было различить контур орудия. Сделав шаг, Вади, увидел, что верхнюю часть щита разворотило попаданиями зенитных снарядов. В толстой броне зияли дыры с рваными, уродливы, ми краями, а два андроида, составлявшие расчет, валялись подле станины. Корпус одного из

них, прошитый навылет, все еще истекал зловонным дымом, второй, разорванный на несколько частей, вообще утратил всякое сходство с человекоподобной машиной, подле станины орудия лежало что-то непонятное, и лишь откатившаяся в сторону голова напоминала о том, что минуту назад эта груда металла являлась человекоподобным роботом…

Вой сервомоторов стих, опять наступила зловещая тишина. Казалось, что его шаги, отдающиеся эхом в пустом помещении бункера, слышны на много километров окрест.,

Нечаев, забыв про дурноту, подошел к орудию, которое удержалось на фиксирующих штырях, уходящих глубоко в бетонный пол, и взглянул в амбразуру поверх изуродованного щита.

Трава на склоне горела, свежие воронки курились дымом, который сносил в сторону усилившийся ветерок, среди перепахан ной взрывами земли высились корпуса двух опрокинутых «Хоплитов», но три серв-машины пережили ураганный фланговый огонь и теперь стояли на почтительном расстоянии друг от друга, отчего-то прекратив движение…

В первый момент Вадим не понял причины их остановки, но, внимательно присмотревшись к ближайшему исполину, заметил, как часть бронированной обшивки раздалась в стороны и наружу с равномерным, утробным гулом выдвинулся лоток, на котором покоилось шесть оперенных ракет.

Полукруглая пусковая установка с темными зрачками стартовых труб еще дымилась от произведенного залпа, а механизм перезарядки уже работал. Сухо щелкнули фиксаторы, выдвинувшийся из чрева машины лоток внезапно повернулся вокруг оси, и шесть ракет скользнули в раскаленные от прежнего залпа стволы…

Рука Вадима машинально легла на удобную и бесхитростную панель наводки орудия.

«Только бы не подвели аккумуляторы…» — подумал он, но, вопреки опасениям, старый механизм преданно и чутко отозвался на прикосновение руки человека. Пальцы Нечаева охватили холодный металлический штырь с шарообразным утолщением на конце, и тот легко подался вперед. Заработавшие микромоторы чуть приподняли орудийный ствол, и на видавшем виды жидкокристаллическом планшете контур боевой машины прочно влип в перекрестье прицела. На линиях, рассекающих плоскость древнего оптического устройства, имелась масса засечек и соответствующих им значков, но Нечаев с трудом разбирался в них, да и сомнительно, чтобы на дистанции прямой видимости, когда до цели всего метров триста, данные поправки на гравитацию, ветер и прочие условия

внешней среды играли существенную роль…

Ракеты уже скользнули в пусковые стволы, и механизм перезарядки начал складываться в исходное положение, исчезая внутри серв-машины.

В этот миг ладонь Вадима утопила преувеличенно большую кнопку, расположенную на панели рядом с джойстиком точной наводки.

Орудие гаркнуло, выплевывая в амбразуру сноп огня, полуавтоматическая казенная часть со звоном вышвырнула горячую гильзу, и ее механизм остался в открытом положении, лениво истекая кисловатым дымком, требуя новый снаряд, но Вадим в эту секунду инстинктивно подался вперед.

Он наводил орудие на коленное сочленение ступохода серв-машины и теперь, полуоглохший от выстрела, жадно впитывал взглядом его результат. Тридцатитонный «Хоплит» медленно и картинно валился набок, спустя секунду многострадальный склон холма ощутимо содрогнулся от обрушившегося на него веса.

Метнувшись назад, за щит орудия, Нечаев увидел открытый казенник и машинально выкрикнул:

— Снаряд!

Ответом ему была гулкая тишина пустого бункера. Он забыл, что расчет уничтожен и он остался один…

Резко обернувшись, Вадим разглядел в сумраке открытый ящик, в котором желтели подготовленные к выстрелу снаряды, схватил один из них, чувствуя разгоряченными ладонями холод и вес металла, толкнул его в открытый казенник орудия, и полуавтомат перезарядки резко закрылся, едва не отхватив ему пальцы.

В этот момент пол бункера задрожал… нет, скорее заходил ходуном, так что Нечаев едва удержался на ногах.

Трудно сказать, что это было, но сотрясение земли длилось всего несколько секунд и прекратилось так же внезапно, как началось.

Сейчас его заботило одно: серв-машины на склоне, оказавшиеся на линии прямого огня.

Взгляд поверх изуродованного щита заставил его похолодеть. «Хоплит», которого минуту назад он, торжествуя, списал со счетов, поднимался, используя дополнительный гидравлический упор. Шарнирное соединение ступохода, куда попал снаряд, было отмечено шрамом рваного по краям металла, оттуда пульсирующими толчками била зеленоватая жидкость, но робот вставал, и живучесть боевой машины, получившей прямое попадание в одно из наиболее уязвимых мест, заставила Вадима дрогнуть…

Два других «Хоплита» уже определили цель и разворачивали обтекаемые торсы в сторону внезапно ожившего бункера.

Вадим одним движением навел орудие на поднимающуюся машину, поймал в перекрестье прицела поворотную платформу, к которой крепились отдельные элементы конструкции, и, ударив ладонью по кнопке выстрела, сознательно рухнул на пол подле станины, закрывая руками голову.

В следующий миг бетонный пол укрытия вздрогнул, словно холм вознамерился вытолкнуть из своих глубин древнее убежище, сверху посыпались крупные обломки бетона, белесая пыль потянулась ленивыми клубами, по полу зазмеились трещины, одна из которых с треском разошлась прямо под Нечаевым.

Он приподнялся, стряхивая с головы и плеч бетонную крошку, и сквозь белесые клубы пыли его слезящиеся глаза различили солнечный свет.

Свод бункера просел, местами обвалившись, и теперь отдельные его фрагменты висели, удерживаясь на обнажившейся арматуре.

Это был ракетный залп «Фалангеров», не меньше…

Вадим, шатаясь, подошел к орудию.

Как ни странно, оно уцелело, только стало белым от осевшей бетонной пыли да разлетелся вдребезги от удара рухнувшего со свода обломка жидкокристаллический монитор.

Нечаев с усилием скинул на пол изувечившую прибор глыбу и тронул помятый джойстик.

Ствол орудия послушно дернулся…

Работает.

Казенная часть была открыта в ожидании нового снаряда, и Нечаев присел между разведенными в стороны и прикрепленными к полу упорами станины, заглянув в длинный гладко отполированный канал ствола.

Он увидел пятачок синего неба.

Подняв взгляд, он посмотрел в зазор, образованный стволом и прорезью щита.

«Хоплит» так и не смог подняться, он горел, превратившись в чадный костер, дым стелился вдоль изуродованного склона холма, а сквозь этот шлейф прямо на бункер двигались две последние машины передового отряда. Они шли, покрывая каждым шаговым тактом ступоходов по пять-шесть метров. Первая исполинская фигура уже грозила затмить собой весь свет, и Нечаев метнулся к ящику со снарядами.

Сухо клацнул механизм затвора, и орудие гаркнуло, выплевывая

снаряд в приближающуюся машину. Звонко покатилась по треснувшему полу выброшенная полуавтоматом перезарядки гильза, а Нечаев, припав на колено, уже толкал в горячий канал ствола новый снаряд.

Его переживания, сомнения, страх — все умерло, исчезло, словно какой-то неведомый механизм саморегуляции отключил инстинкт самосохранения, который в определенный момент перестал быть благом, ибо выжить в окружившем его механическом аду можно было лишь одним способом — стоять насмерть, там, где не выдержали бетон и металл…

Снаряд…

Ослепительная вспышка, рванувший в десятке метров от развороченного бункера разрыв, ноющий свист осколков, зубовный скрежет поврежденных механизмов вражеской серв-машины, солоноватый вкус крови на разбитых губах — все эти ощущения сливались в краткий миг, пока Нечаев, не вставая с колен, тянул разбитые руки к початому ящику боекомплекта.

Снаряд…

Длинная, захлебывающаяся очередь автоматической пушки хлестнула по изуродованному бункеру, фонтаны бетонного крошева вырастали на стенах, словно диковинные цветы, окруженные облачками мертвой пыльцы. Орудие болезненно вздрогнуло, принимая на свой щит удары выпущенной в упор очереди. Его броня отвечала сводящим с ума, нестерпимым, звонким хрустом, крепежные клинья в правой части станины не выдержали и лопнули.

Вадим со снарядом в руках на секунду застыл, припав на одно колено, — вторично контуженный, полностью дезориентированный, он бессмысленно тряс головой, пытаясь изгнать засевший в ушах звон, потом, словно очнувшись, втолкнул снаряд в ствол орудия, уже не надеясь на адекватную работу последнего, но казенная часть все же закрылась, несмотря на толстый слой бетонной пыли и крошки, покрывавший все механизмы…

Очнувшийся от контузии разум подсказывал: беги, ползи отсюда, пока еще цел, но содранные в кровь колени не гнулись, да и здравомыслие уже никак не вписывалось в окружающую реальность, и Вадим вдруг подумал, что побежать сейчас, значит, попросту умереть, если не физически, то морально…

Едкая бетонная пыль, поднятая очередью зенитного орудия, медленно оседала.

Нечаев с усилием навалился на правую часть станины, со стоном возвращая орудие в прежнюю позицию. Он совершенно потерял контроль

над окружающей обстановкой. Вадим не мог бы ответить, сколько машин находится подле бункера, какой отрезок времени минул с момента его первого выстрела, не говоря уже о том, что он абсолютно не представлял, что творится на остальных позициях, уцелел ли хоть один андроид из расчетов семи орудий, и…

Его отвлекло движение за развороченной, расширенной множественными попаданиями амбразурой обвалившегося бункера.

Пыль уже осела, и он увидел, что в полуметровую щель смотрит серв-механизм.

В первый момент его окатила холодная волна жути. «Хоплит», согнув ступоходы, *заглядывал* в бункер. Раскосые прорези затянутых бронестеклом смотровых триплексов, разительно напоминающие два удлиненных глаза с частыми ресничками видеосенсоров, уставились на оглушенного, окровавленного человека, одежда которого превратилась в лохмотья и была белой от осевшей на нее пыли, а Вадим в секундном оцепенении смотрел сквозь мутноватое бронестекло и видел неясные контуры каких-то приборов, пустое кресло пилота и даже дергающиеся сами по себе рычаги управления.

Эти машины не управлялись людьми, они являлись беспилотными кибернетическими системами.

Исчадие современных земных технологий, скопированное с аграрных роботов планеты Дабог и усовершенствованное для нужд войны, очевидно, имело свой эквивалент разума или что-то схожее с ним, но программная суть застывшей перед бункером машины не являлась аналогом долгого, своеобразного пути саморазвития, как у андроидов серии «Хьюго», — за раскосыми триплексами крылось нечто иное, более скоропалительное и зловещее. Вадим ощущал это на уровне подсознания, интуиции, и в этот страшный миг немого противостояния ему не было нужды в технических обоснованиях и аннотациях…

Его ладонь вслепую нашарила преувеличенно большую кнопку на изуродованной панели управления и ударила по ней.

Сноп огня, вырвавшись из ствола орудия, плеснул в лоб любопытной машине, — снаряд лег точно посередине, между смотровыми триплексами, проломив разделяющую их перегородку брони и разорвавшись в рубке управления.

Огненный бутон, вспухший внутри машины, вырвал ее противоестественные «глаза», осколки бронестекла, смешанные с кусками брони, хлестнули по щиту орудия, и спустя секунду многострадальный бункер пошатнулся, а по его стенам поползли новые змеистые трещины,

когда горящий тридцатитонный «Хоплит» опрокинулся, тяжко рухнув на склон холма перед укреплением.

Полуослепший и окончательно оглохший Нечаев бессильно навалился на станину; из ушей текла кровь, глаза смутно различали окружающие предметы, он лишь тряс головой, пытаясь прийти в себя после грянувшего в нескольких метрах от него взрыва, потом, осознав, что орудие развернуло отдачей и его ствол смотрит в стену, Вадим в горячке попытался вернуть на место сорванную с креплений сошку, но на это уже не осталось сил… Тогда он встал в полный рост и, шатаясь, словно пьяный, подошел к амбразуре, которая из-за множественных попаданий превратилась в овальную дыру.

Пыль медленно оседала, зрение и слух постепенно возвращались к нему, а вместе с ними приходило восприятие окружающего…

Склон холма окончательно выгорел за эти минуты, — теперь вместо травы и кустов перед древним укреплением простиралось уродливое, изрытое воронками поле, на котором полыхали три чадных костра — подбитые серв-машины…

Жирные шлейфы ядовито-черного дыма утекали в лазурные небеса, а сквозь прорехи сминаемой ветром дымовой завесы на равнине, ниже цепи прибрежных холмов, уже показались контуры уверенно шагающих «Фалангеров», между которыми двигалось пять или шесть боевых планетарных машин с десантом на борту.

Позиции укреплений предмостья молчали. Над изуродованными бункерами стлался дым и стояла гробовая тишина.

Не поворачивая головы, Нечаев протянул руку, на ощупь нашел запорошенный пылью автомат и подсумок с гранатами, которые он оставил в нише под дополнительной смотровой щелью.

Он понимал, что для него все кончится в ближайшие несколько минут. Разум Нечаева раздваивался, словно в нем ожила еще одна, незнакомая ранее сущность. Еще есть время бежать, вряд ли шестидесятитонные машины обратили бы внимание на одинокую человеческую фигуру, но он *не мог* сделать даже шага назад с развороченной, утратившей свой тактический смысл позиции.

Сейчас не вспоминалась ни прожитая жизнь, ни тот моральный разброд, что он испытывал перед боем или во время самоубийственных атак на подступающие к планете крейсеры. Словно нирвана для верующего, пришло отрешенное спокойствие: прищурившись, он смотрел на ровный строй тяжеловесных «Фалангеров» и понимал — это не просто беда и даже не война в чистом смысле данного термина. На его родную планету обрушилась сила, которой некому противостоять, ведь до начала

роковых событий в системе Дабога все население колонизированных четыреста лет назад миров жило своей, сугубо мирной, созидательной жизнью, а люди на далекой Земле в это время вынашивали планы их полного уничтожения, геноцида колоний ради сомнительных в плане биологической пригодности жизненных пространств для миллиардов *иных* людей, — иных потому, что они выросли в непостижимом для Вадима, каком-то извращенном мире понятий, где все решает не слово, не разум, а злая бескомпромиссная сила, воплощенная в ракетном взрывателе…

Это было неправильно. Может быть, он мыслил однобоко, плоско, но как еще мог работать его разум, когда сам Вадим, полуживой, окровавленный, стоял со смешным автоматическим оружием в руках и двумя гранатами в подсумке, глядя, как прямо на него прет беспощадная сила, которой, в принципе, все равно, сколько людей с той и другой стороны погибнет ради достижения сиюминутной тактической цели…

Он не мог уйти отсюда, как бы ни было страшно, как бы ни увещевал его очнувшийся от контузий разум.

Это был момент истины, когда происходит невероятный взлет души и ее озаряют высочайшие понятия и моральные критерии… беда лишь в том, что чаще всего подобное случается с людьми за минуту до смерти…

* * *

Стоял знойный, изнуряющий полдень.

Остовы машин выгорали быстро, открытое пламя уже не бушевало в районе падения подбитых сервоприводных чудовищ, даже дым унялся, будто и его растопило своими лучами беспощадное, жгучее солнце.

Связи не было. Свой коммуникатор Вадим потерял в бункере, прибор, скорее всего, раздавило упавшими со свода обломками.

Он выбрался наружу, обошел стороной обездвиженного «Хоплита», который стоял прямо подле выхода, взрыв землю ступоходами и опираясь задней частью корпуса на угловатый бетонный выступ укрытия, — словно эта машина остановилась отдохнуть у стены обезображенного бункера.

Не заостряя внимание на подбитом роботе, Вадим нырнул в относительную прохладу глубокого, на совесть прорытого хода сообщения и побежал по извилистой траншее, соединявшей отдельные опорные точки передовых укреплений.

Первый попавшийся на пути открытый капонир, в котором было установлено орудие, теперь представлял собой глубокую яму, состоящую из множества наложившихся друг на друга воронок, углубивших укрытие еще метра на три, превратив его в глубокий провал с осыпающимися

отвесными краями.

Пришлось подтянуться на руках, выкарабкаться из траншеи и ничком упасть в траву.

Он машинально посмотрел в сторону наступающей цепи тяжелых серв-машин. «Фалангеры» двигались намного медленнее «Хоплитов», но, без сомнения, их медлительность компенсировалась более внушительной огневой мощью. Вадим мгновенно вспомнил, как дрогнула земля во время боя, и подумал, что глубокая яма, образовавшаяся на месте капонира, скорее всего следствие ракетного залпа одного из «Фалангеров».

Вывод в его положении малоутешительный, но Нечаеву некогда было, задумываться, он стремился найти выгодную позицию, прежде чем машины достигнут подножия холмов и начнут карабкаться на высоты.

Он прополз по траве, ужом огибая воронку, снова спрыгнул в траншею и побежал, пригибая голову, двигаясь в направлении левого фланга укреплений, где была позиция Хьюго.

Два бункера белели обнажившимся из-под земли стенами, на которых виднелись закопченные подпалины попаданий, местность вокруг изменилась до полной неузнаваемости: холмы обуглились, там, где росли кусты и трава, теперь простирались покрытые пеплом и воронками склоны. Над ними дрожало знойное марево и кое-где сочились ленивые струйки дыма.

До соседнего бункера он добрался спустя пять минут, когда машины противника уже были у подножия холмов.

Внешне бункер казался целым, если не считать того, что масса земли оползла вниз, обнажив его стены и фундамент. Вадиму, стоявшему у начала оползня, пришлось задрать голову, чтобы разглядеть длинную щель амбразуры, из которой торчал ствольный компенсатор орудия.

«Почему оно молчит?!»

Он принялся карабкаться вверх. Земля предательски осыпалась под ногами, Вадим продвигался медленно и, осознав ошибку, стал забирать левее, к границе оползня. Через минуту, почувствовав под ногами твердую, скрепленную корнями травы и кустов почву, он, задыхаясь от постоянного физического напряжения, собрал остаток сил для рывка и, преодолев наконец склон, скатился в траншею, которая змейкой вилась по вершине холма, расходясь по обе стороны от древнего бункера.

В висках гулко и ритмично бился пульс крови, мышцы налились свинцом от усталости, залеченное Яной плечо вдруг напомнило о себе тупой, ноющей болью…

Мир сужался вокруг Нечаева, ему казалось, что одиночество

превращается в вечность, стены хода сообщения стали границами реальности, а все происходящее с ним — дурным, затянувшимся сверх меры кошмарным сном.

Нужно было найти в себе силы, встать, чтобы преодолеть полсотни метров, которые оставалось пробежать до массивных ворот бетонированного укрытия.

Сейчас ему больше чем когда-либо нужна была связь. Вадим слишком хорошо понимал, что два километра, отделявшие его от моста через пролив, — расстояние непреодолимое, — серв-машины выйдут к водному рубежу намного быстрее, чем он. Переправу нужно взрывать, но сделает ли это Яна? Сможет ли она принять самостоятельное решение в отсутствие сведений о нем и Хьюго? Вадим не пытался принизить ее волевые качества, он просто *знал*, что она сейчас сидит у стационарного устройства связи в надежде, что с этого берега хоть кто-то подаст весточку о себе.

В этот миг он увидел девушку совершенно в ином свете, будто с глаз Нечаева упала пелена предвзятости.

Она была таким же человеком, как он, несмотря на семантические расхождения их языков, чуждость взглядов на жизнь, разницу в моральной оценке прошлых событий и территориальных делений — по большому счету все перечисленное являлось не более чем мелкими различиями, настоящая зона отчуждения пролегала отнюдь не на спорных территориях, а в душах людей… — это Вадим понял на дне траншеи, глядя в узкую расселину свежеотрытого хода сообщения, из глубины которого виднелась полоска ослепительного лазурного неба.

«Мы сами создаем себе врагов…» — внезапно подумалось ему, — «смотрим недобро, искоса, часто не понимаем, кто и как правит нашими душами…»

Мысль была правильной, щемяще-горькой, но запоздалой. На уроках истории ему преподавали материалы по зоне терраформированных земель, превратившихся в уникальную Кьюиганскую степь, говорили о том, что она — граница между двумя цивилизациями Кьюига — прогрессивной и регрессирующей, а на самом деле…

Его мысли прервала вспышка.

Вадим поднял голову, в душе ругая себя за минуту изнеможения, за промедление, но зря — эти мгновения, что он пролежал на дне траншеи, не только вновь спасли ему жизнь, но и позволили взглянуть на родной мир под иным углом зрения…

Вспышка, которая заставила его очнуться, была выстрелом орудия, установленного в бункере.

Подхватив автомат, Нечаев из последних сил побежал вверх по ходу сообщения, но ему удалось преодолеть от силы десяток метров, как со стороны равнины вдруг раздался ужасающий вой, который заставил его рефлекторно упасть на дно узкой расселины, и в тот же миг земля заходила ходуном, — казалось, что из нее вместе с тоннами выброшенной в небеса почвы вырвался тяжкий, страдальческий стон…

День за одну секунду превратился в ночь.

Нечаева опять приподняло взрывной волной, ударило о стену траншеи, и, падая на спину, он увидел солнце: застывший в зените опрокинутого купола небес багровый, горячечный диск, свет которого едва пробивался сквозь тонны выброшенной вверх земли… Это было жуткое зрелище, наглядно иллюстрирующее разрушительную мощь наступающих машин и их намерения относительно планеты Кьюиг, ее природы и населяющих два материка человеческих сообществ…

Несколько секунд тонны земли висели в воздухе, а потом рухнули назад, вниз.

Это был ракетный залп двадцати «Фалангеров», произведенный в ответ на одиночный выстрел чудом уцелевшего орудия.

* * *

Несмотря на чудовищную, уничтожительную мощь, которая плясала вокруг адскими разрывами, Нечаев не только не потерял сознание, а наоборот, все его чувства обострились, словно организм включил последние, неподконтрольные разуму резервы, и он, оглушенный, придавленный землей, в полной мере осознавал происходящее вокруг.

Султаны огня и дыма, затмившие солнечный полдень, с тяжким грохотом опали на землю, глухо отбарабанили комья дымящейся почвы и мелкие камни, могильная тяжесть легла на грудь, но Вадим уже начал свыкаться с постоянным прессом смертельной опасности, он не заметил, как начал зло, целеустремленно сопротивляться ей… Вот и сейчас еще разлетались горячие осколки, что-то взрывалось и рушилось вокруг, а его руки уже разгребали горячую супесь, освобождая плечи и грудь, потом под ободранные до крови пальцы попалась теплая сталь автомата, он вытащил его, встряхнул, освобождая от сыпучей песчаной почвы, и в этот миг он услышал голоса.

Потрясение, которое испытал Вадим от звука чужой, показавшейся поначалу незнакомой речи, едва ли было меньшим, чем от ураганного ракетного огня боевых машин.

Кто-то, разговаривая, поднимался вверх по обугленному, оползшему

склону холма.

Спустя несколько секунд оцепеневший, наполовину засыпанный землей Вадим наконец понял, что говорят на интеранглийском, но некоторые слова он просто не понимал, догадываясь об их значении лишь по контексту фраз.

— …Что они сделали с «Хоплитами»?! — долетел до него обрывок разговора. — К Фрайгу! — выругался невидимый человек. — Эта броня никуда не годится, так же как и программное обеспечение. Почему они полезли под фланговый огонь орудий, ответь, майор?

— Это боевые испытания, господин полковник, — раздался из-под откоса второй голос. — Сейчас идет та самая обкатка, которая раньше производилась на полигонах. Техники батальона отслеживают все неполадки, ошибки и слабые места машин, чтобы я мог составить отчет об испытаниях с рекомендациями по дальнейшему усовершенствованию.

— Я понимаю, майор, но эта чертова планета начинает меня злить. Сначала я высаживаюсь в горах и нарываюсь там на одичавших андроидов, которые режут лазерами моих солдат, потом один из этих чудо-механизмов, простоявший несколько столетий в пещере, вдруг приходит в себя на лабораторном стенде, самоактивирует реактор и уходит, а через сутки мой периметр взлетает на воздух. Оказывается, этот механический ублюдок еще и умудрился заминировать кормовые отсеки посадочных модулей!.. — Голос звучал все ближе и ближе, и по мере того, как невидимые пока люди приближались, в голосе полковника нарастало раздражение.

— Сэр, эта война затянется надолго. — Второй голос был более спокоен. — Видите, какое сопротивление оказывают потомки колонистов? Мне кажется, что они либо сумасшедшие, либо так и не осознали, с кем имеют дело. Наш флот все равно раздавит их сопротивление…

— Ну-ну… — мрачно прервал его голос полковника. — Прежде чем оглядываться на потенциал Земного Альянса, посмотри вокруг, майор, и признай, что треть серв-батальона уже выбита огнем орудий, а мы еще не подошли к переправе… Если так будет продолжаться дальше, мы растеряем всю технику в бессмысленных стычках с этими фанатиками.

— Мы наступали согласно разработанному плану… — начал было оправдываться командир соединения серв-машин, но полковник опять грубо оборвал его.

— Надо было сровнять с землей эти укрепления огнем ракетных установок, майор, а не атаковать их, теряя машины и время, — раздраженно заметил он. — Со следующим эшелоном оборонительных позиций так и следует поступить, причем немедленно, пока они не

взорвали мост. Подтягивай «Фалангеров» к подножию холмов, пусть скрытно сосредоточатся с этой стороны и бьют залпами, пока земля на том берегу не закипит. Вот тогда наше продвижение будет быстрым и бескровным.

Вадим слушал голоса, а его руки медленно двигались, засыпая автомат тонким слоем песчаной почвы.

Правая рука под рыхлой землей охватила пистолетную рукоять оружия, левую он бессильно выпростал поверх осыпи, под которой были погребены его ноги.

…Группа из шести человек появилась в поле зрения внезапно, словно они вынырнули из-под земли.

Майора и полковника сопровождали четверо космических пехотинцев в незнакомой Вадиму, постоянно меняющей свой цвет и фактуру броне. В руках они держали странное оружие, внешне похожее на обыкновенную винтовку, но с более коротким прикладом и удлиненным стволом, покрытым продолговатыми вздутиями неизвестного предназначения.

Поднявшись на гребень перепаханного ракетными залпами холма, офицеры не заметили Нечаева, — их внимание сразу же переключилось на мост, ведущий через пролив, который отлично просматривался отсюда.

Сопровождавшие их бойцы вели себя иначе — они напряженно озирались по сторонам, выискивая вероятную опасность, и неудивительно, что один из них увидел Нечаева.

Ствол импульсной винтовки взметнулся вверх, нацелившись в голову полузасыпанного человека.

— Господин полковник!

Один из офицеров обернулся, проследил за напряженным взглядом бойца и вдруг широко улыбнулся.

— Ага… — он сделал шаг к Вадиму, сверля его немигающим взглядом. Казалось, что он совершенно не удивлен такой неожиданной встречей с полуживым защитником передовых укреплений предмостья.

Вадим смотрел в глаза пришельца с далекой прародины без ненависти, вообще без каких-либо чувств во взгляде, — он был слишком измотан морально и физически, чтобы принимать участие в бессмысленной пикировке, ему лишь хотелось подольше удержать взгляд земного офицера из желания понять, что же на самом деле представляет собой этот человек, зачем он пришел сюда, отчего так спокойно и деловито рассуждает о людях, жизни которых он не представлял, но со всей очевидностью мерил собственными критериями…

Четверо космических пехотинцев окружили Вадима, соблюдая

разумную дистанцию и не сводя с него холодных зрачков оружия.

Полковник подошел ближе и, глядя сверху вниз, спросил:

— Сколько вас?

Никто даже не попытался вытащить Нечаева из-под осыпавшейся земли и оказать какую-то минимальную помощь.

Вопрос остался без ответа. Вадим продолжал смотреть на незнакомца, сжав губы в напряженную, бескровную линию.

— Я спрашиваю: сколько вас? Какие силы обороняли предмостье и есть ли укрепления на том берегу? — Полковник быстро терял терпение, и его голос звучал на повышенных нотах, в то время как Вадим молча смотрел на него бесцветными, безумно усталыми глазами.

Офицер не стал в третий раз повторять вопрос, — видимо, терпение у него было коротким, а такие понятия, как «жизнь» и «честь», не входили в разряд устоявшихся моральных ценностей данного человека…

Он спокойно освободил фиксатор силовой кобуры, и рифленая рукоять автоматической «гюрзы» преданно подалась вверх, ложась в ладонь хозяина.

Он поднял импульсный пистолет, спокойно нацелился в лоб Вадиму и произнес:

— Мы не можем отягощать себя бесполезными пленными.

Никто из солдат, включая низкорослого майора, командовавшего соединением серв-машин, даже не попытался остановить это откровенное убийство.

Жуткая усмешка исказила губы возглавлявшего группу офицера, и в этот миг Вадим нажал на спуск.

Автоматная очередь ударила из-под тонкого слоя рыхлой супеси, отшвырнув тело полковника Шермана на несколько метров… Он даже не вскрикнул, лишь нелепо взмахнул руками, роняя импульсный пистолет, а Нечаев уже повел стволом, не давая опомниться остальным окружившим его врагам.

Автомат в его руках захлебнулся длинной очередью, пули веером хлестнули по фигурам в фототропной броне, трое компехов и майор повалились навзничь, но четвертый боец успел выстрелить в Вадима, прежде чем вторая, уже короткая и прицельная очередь пробила забрало его боевого шлема, перечеркнув прозрачную лицевую пластину строчкой отверстий, от которых тянулась тонкая паутина трещин.

* * *

Он лежал в окружении тел мертвых врагов, чувствуя, как что-то

горячее сочится по правому боку.

Сознание уплывало медленно, неотвратимо. Контузии, нервное перенапряжение, палящий зной и, наконец, полученное только что ранение сделали свое дело, — он вышел из смертельной игры и лежал, наполовину засыпанный песком, который медленно напитывался его кровью.

Мир утратил свою резкость, все воспринималось туманно и расплывчато, звуки казались глухими, долетающими издалека.

Вадим вяло шевелил руками, пытаясь отгрести от себя песок, но эти бессознательные движения больше походили на конвульсии.

Он отдал всего себя короткому бою, и теперь у него не осталось сил, чтобы жить.

Хотелось снова услышать ту пичугу, что, улучив момент, вдруг запела в обугленных зарослях кустарника на холме, но это желание не сбылось, вместо трели беззаботной пташки он смутно воспринимал иные звуки: протяжный скрип отворяемых металлических ворот, глухой стук осыпающихся по склону камней, ноющее жужжание какого-то механизма…

Помутившийся разум воспринимал эти отзвуки реальности, формируя страшные образы серв-машин, занимающих позиции для залпового огня, но на самом деле все было не так, — строй тяжеловесных «Фалангеров» по какой-то причине остановился, не пересекая километрового рубежа. Машины застыли в непонятном ожидании, но Вадим не видел их, и ему было невдомек, что пилоты серв-соединения попросту растерялись, — оба командира, отправившиеся осматривать разбитые опорные точки первой линии обороны, вот уже полчаса не возвращались и не выходили на связь.

Ноющий звук исходил вовсе не от «Фалангеров».

…Скрипнув на ржавых петлях, приоткрылся деформированный створ ворот древнего бункера, и из образовавшейся щели боком выполз человекоподобный робот.

Его правая нога была оторвана, из обрубка механической конечности, конвульсивно подергиваясь, торчали тросики сервоприводов. Андроид выполз из обломков обрушившегося убежища, подтягиваясь на руках, и, не останавливаясь, пополз прямиком к Вадиму.

Нечаев, чья душа медленно уходила из мира реальности, не видел и не воспринимал его до тех пор, пока механическая рука подползшего к нему дройда не начала разгребать горячий песок, освобождая его ноги.

Боль в боку стала острой, нестерпимой, Нечаев вскрикнул и пришел в себя…

Вторично застонав, он повернул голову, и его потрескавшиеся губы

выдохнули одно-единственное слово:

— Хьюго?!..

Андроид на секунду оставил свое занятие, посмотрев на человека немигающим взглядом.

Да, это был он.

Искалеченный, опаленный, со множеством свежих вмятин и шрамов на кожухах, но функциональный, — а как подумалось Вадиму — живой.

— Хьюго…

— Терпи… — сипло и односложно прошелестел неузнаваемый голос, видимо, внутренние повреждения андроида были намного серьезнее внешних.

Разум Вадима, секунду назад пытавшийся покинуть этот мир, вдруг заработал с новой остротой.

— Связь… — также хрипло выдавил он, морщась от боли в простреленном боку.

— Все разбито… — прошелестел в ответ Хьюго, продолжая откапывать его ноги.

Вадим промолчал, собирая всю свою волю, чтобы не закричать от усилившейся боли и не потерять сознание. На секунду пришла иррациональная злость, — зачем Хьюго приполз, вырвав его из начинающейся агонии, когда разум медленно угасал с полным осознанием выполненного до конца долга? Что они станут делать теперь — раненый человек и искалеченная машина? Их осталось двое на передовом рубеже, и по всем мыслимым раскладам оба давно должны были погибнуть…

— Мой встроенный коммуникатор не работает… — просипел Хьюго, делая Вадиму инъекцию обезболивающего и стимулирующего препарата.

— Сколько длился бой? — спросил Вадим, ощущая, как боль в боку унимается и проясняется разум.

— Двадцать минут, — ответил андроид. — Уже полчаса стоит затишье.

— Они не наступают?

— Нет.

Вадим нашарил рукой автомат и, опираясь на него, попытался встать.

Со второй попытки ему удалось подняться на колени, потом он выпрямился в полный рост и посмотрел вниз.

Ровный строй изготовившихся к стрельбе «Фалангеров» просматривался отсюда как на ладони.

По направлению к холму, урча двигателями, ползли две боевые планетарные машины. Их покатые башни со спаренными орудийными

стволами казались игрушечными на фоне исполинских сер-воприводных исчадий.

— Уходим, Хьюго… Они двигаются сюда. Похоже, я застрелил их офицеров…

Андроид, лежа на боку, приподнял голову.

— Нам не добраться до переправы. Они будут здесь раньше, чем мне удастся проползти сотню метров. Уходи, Вадим, только оставь мне автомат…

— Нет.

— Почему?

— Мы не пойдем к переправе. Поднимайся! — Нечаев нагнулся, подхватив Хьюго, как человека, за подмышки.

Андроид молча повиновался, помогая его усилиям, и наконец встал на уцелевшую ногу.

— Закинь руку мне на плечо… Так, теперь возьми автомат… хорошо… Пошли… осторожно…

— Куда? — просипел андроид, не понимая, почему Вадим повернулся не к переправе, а к тому бункеру, который в начале боя являлся его КП.

— Сейчас увидишь… Главное — не упади.

Когда две боевые планетарные машины натужно вскарабкались на холм и космическая пехота обнаружила шесть расстрелянных в упор тел, лежавших на вершине холма подле развороченного бункера, Вадим и Хьюго уже преодолели четыреста метров хода сообщения и вышли к уничтоженному командному пункту.

Подбитый «Хоплит» с перерубленным ступоходом и огромной дырой в корпусе по-прежнему стоял, опираясь задней частью массивной поворотной платформы на частично обвалившуюся железобетонную стену.

— Внутрь… — прохрипел Вадим, которого вновь начали покидать силы.

Хьюго понял его мысль и, передав автомат, потянулся к люку, расположенному в днище машины. Вадим поддерживал дройда, пока механические пальцы последнего исследовали запор и совершали какие-то манипуляции над ним…

— Ну, что?

— Сейчас…

На вершине соседнего холма вновь заурчали двигатели БПМ.

— Быстрее, Хьюго, сейчас они разберутся, что к чему…

— Я стараюсь… — произнес андроид, и одновременно с этой фразой

люк наконец открылся, откинувшись вниз.

Из открывшегося проема выпала, раскручиваясь на лету, складная пластиковая лестница.

— Сможешь подняться? — спросил Вадим, озираясь по сторонам.

Андроид не ответил, — он молча полез вверх, подтягиваясь на руках. Хлипкая на вид лестница выдержала, и он скрылся внутри подбитой серв-машины.

Вадим, закинув автомат за спину, полез следом.

* * *

Внутри чуждого механизма царил полумрак, остро пахло перегоревшей проводкой и еще чем-то едким, специфичным. Нечаев, которого вновь оставили силы, рухнул в пустующее кресло пилота.

…Приятный женский голос, внезапно зазвучавший внутри мертвой серв-машины, мгновенно привел его в чувство, заставив вздрогнуть всем телом.

— Внимание, идет процесс активации вторичных функций. Пилот, пожалуйста, включите свой шлем и перчатки в общую цепь управления.

— Хьюго, ты понимаешь что-нибудь? — спросил Вадим, озираясь по сторонам, но тесное пространство рубки, до отказа забитое массой непонятных приборов и устройств управления, не дало ему никакой реальной, полезной информации.

Собственно, Вадим не рассчитывал использовать подбитую серв-машину по ее прямому назначению, — максимум, на что он надеялся. — это укрыться за броней и попробовать отыскать среди приборов штатную установку связи, чтобы, перенастроив ее на нужную волну, связаться с левым берегом пролива, предупредив Яну о грозящем ракетном ударе.

Андроид, в отличие от Нечаева, выслушал возникший из ниоткуда голос с присущим ему спокойствием. Для него это была всего лишь заработавшая аудиосистема оповещения, связанная с бортовым компьютерным комплексом.

Дройд схватился руками за кресло и подтянул себя к приборным панелям. Его не устраивал тот факт, что часть электронного оборудования вражеской машины продолжает функционировать, — это было чревато неприятными сюрпризами, вплоть до автоматического включения систем самоликвидации «Хоплита», если его вычислительное устройство распознает проникшего внутрь рубки управления врага.

Пока Вадим озирался по сторонам, пытаясь определить источник голоса и угадать истинное назначение тех или иных приборов, андроид

начал действовать по-своему.

Отдавая себе отчет в полной несовместимости собственного программного обеспечения с бортовым компьютерным комплексом чуждой серв-машины, Хьюго поступил просто и логично: путем теплового сканирования он отследил все работающие энергетические и электронные цепи, затем поднял правую руку, предварительно выпустив из указательного пальца острие контактного шунта, и вдруг резко вонзил импровизированный стилет в хрупкую панель пластиковой облицовки, за которой скрывался основной «нервный» узел серв-машины.

Из-за панели щедрым снопом сыпанули искры, Хьюго вздрогнул, словно по его механическому телу пробежала конвульсия, резко выдернул контакт и произнес:

— Я его убил.

— Кого?!

— Бортовой компьютер. Думаю, он не стал бы сотрудничать с нами.

Вадим, которого не отпускало возрастающее напряжение, почувствовал, что его спина ноет от неестественной позы.

— Ты сможешь найти передатчик?

— Я его уже нашел, — Хьюго со щелчком убрал назад в палец контактный шунт и указал на часть приборов, которые были превращены в хаос попаданием бронебойного снаряда. — Он где-то там, — лаконично пояснил дройд.

Вадим с досадой покачал головой.

Какой-то злой рок преследовал его со связью…

Пока он думал над создавшимся положением, Хьюго, примостившись подле приборной панели, снял закрывающий консоль управления кожух и принялся соединять между собой какие-то кабели.

Торс серв-машины внезапно дрогнул и начал поворачиваться вокруг оси. Вся конструкция при этом опасно покачнулась. Со стены бункера, на которую опирался боевой робот, посыпались обломки бетона.

— Что ты делаешь?

— Перевожу его на понятную мне схему управления. — С этими словами андроид замкнул еще несколько соединений, и на приборной панели перед креслом пилота осветились установленные в ряд мониторы.

Внешний обзор! Вадим жадно впился взглядом в ожившие экраны.

* * *

Подбитый двумя попаданиями «Хоплит» стоял на вершине холма, сразу за уничтоженным бетонным укрытием, откуда полчаса назад

выбрался Вадим.

«Идеальная позиция…» — подумалось ему, после того как Хьюго, замкнув цепи питания, развернул торс робота в сторону равнины, оставив поврежденный ступоход и поворотную платформу серв-машины в прежнем положении.

Ровная шеренга состыкованных между собой мониторов давала отличный обзор. Вадим видел прямо под собой обвалившееся внутрь бункера бетонное перекрытие, далее экраны демонстрировали выгоревший склон холма с черными, уже переставшими дымить остовами трех сгоревших «Хоплитов». Остальные машины передовой механизированной группы виднелись в разных местах, — внешне целые, но абсолютно неподвижные, в основном опрокинутые на землю, лишь один «Хоплит» стоял вертикально, выпустив два глубоко вонзившихся в землю аварийных гидравлических упора…

По степи, разделившись на четыре группы, двигались шестидесятитонные «Фалангеры». Не доходя до подножия холмов, они остановились и произвели ракетный залп, от которого в местах пусков земля покрылась клубами плотной пыли, на минуту скрывшей силуэты машин.

Проследив за огненными росчерками выпущенных ракет, Вадим увидел ослепительные вспышки разрывов, кромсавших многострадальные бункеры и прилегающую к ним территорию. Машины вели огонь по уже атакованным позициям, опасаясь, что в полуразрушенных укреплениях остались способные к сопротивлению силы, — гибель офицеров, решивших произвести рекогносцировку местности, научила их осторожности.

Однако, несмотря на ураганный огонь, смешавший с землей остатки укреплений на соседних холмах, ни одна ракета не ударила в район бывшего КП, и спустя минуту Вадим понял, почему.

Склон холма, на котором застыли подбитые «Хоплиты», стал объектом пристального внимания иного толка. От групп наступающих серв-машин отделились три БПМ и в сопровождении двух «Фалангеров» направились в сторону разрушенного командного пункта, но интересовал их отнюдь не обвалившийся бетонный бункер с погребенным под обломками древним орудием, а собственные механизмы, столь неудачно попавшие под фланговый огонь.

Вадим имел возможность наблюдать, как БПМ поочередно останавливаются у обездвиженных «Хоплитов», высаживая подле каждой серв-машины по одному или по два человека, — очевидно, это были

техники, которые должны исследовать подбитые механизмы на предмет возможного ремонта или разборки на запасные части.

Естественно, Нечаеву не улыбался визит незваных гостей, но что он мог сделать. Забравшись внутрь «Хоплита», они с Хьюго внезапно оказались в ловушке, выбираться из которой уже было поздно, — головная БПМ в эту минуту подкатила к разбитому укреплению и высадила очередную пару техников у выгоревшего остова той серв-машины, что заглядывала в бункер через амбразуру, прежде чем Нечаев произвел последний выстрел из орудия.

— Наша очередь, Хьюго… — прохрипел Вадим, сползая за кресло и передергивая затвор автомата.

Андроид попробовал последовать примеру Вадима, но в тесной рубке сложно было спрятаться, тем более что внешний вид человекоподобного робота никак не вписывался в интерьер кабины пилота.

— Не шевелись, — приказал ему Вадим, направляя ствол автомата на люк в полу, который они предусмотрительно закрыли за собой.

* * *

От тяжкой поступи «Фалангеров» сотрясалась земля. Три боевые планетарные машины казались букашками, путающимися под ступоходами исполинов. Ожидание развязки затягивалось, оно казалось Вадиму долгим и изматывающим.

То, что ни ему, ни Хьюго не выйти из этого боя, он понял давно, и мысль о смерти притупилась, а страх перед ней исчез еще в те минуты, когда он лежал полузасыпанный на краю оползня у соседнего бункера. Один в поле не воин. Эта древняя поговорка все же несла в себе долю справедливости: сколь ни берегла его судьба, но силы действительно оказались неравными, и теперь Вадиму оставалось лишь подороже продать свою жизнь…

Морально он был готов, и потому, когда люк в днище «Хоплита» с лязгом откинулся, он не испытывал никаких сомнений, направив ствол автомата в образовавшийся проем, куда упала складная пластиковая лестница.

Спустя секунду над полом рубки показалась голова человека.

Он был без шлема, в серой, мешковатой, заляпанной маслом униформе технического персонала, но Нечаев уже дошел до той степени морального изнеможения, когда разум перестает различать потенциальную опасность того или иного человека, — для него они все стали смертельными врагами. Это чувство родилось в тот миг, когда полковник

Шерман направил ему в голову ствол импульсного пистолета.

— Вадим, не стреляй!

Нечаев уже во второй раз слышал, как кричит Хьюго. Человек в люке удивленно повернулся, но Нечаев не дал ему даже пикнуть, больно ткнув ствольным компенсатором в лоб.

— Дернешься, снесу башку к чертовой матери! — хрипло и недвусмысленно предупредил он. — Залазь внутрь, только медленно и без фокусов, понял?!

Человек не ответил, — он повиновался молча и безропотно, но шок, который он испытывал, не был связан с направленным на него оружием и злым предупреждением Нечаева: расширенными от ужаса глазами техник смотрел на… Хьюго!

В рубке стало тесно. Вадим толкнул незнакомца, заставив его рухнуть в кресло, и покосился на Хьюго.

— Какого дьявола ты…

Он не закончил фразу, потому что андроид внезапно искривил свои прорезиненные губы в подобии усмешки, глядя на пленника, который в полнейшей прострации сидел в кресле, выпучив глаза на человекоподобного робота.

— Сержант Сайков, если не ошибаюсь? Человек в кресле нервно сглотнул.

Да, теперь он уже не сомневался, — перед ним был *тот самый* андроид, которого нашли в одной из пещер горного массива и доставили к нему для исследования хранящихся в памяти машины баз данных. Именно с побега этого дройда начались все неприятности Сайкова, едва не стоившие ему не только звания, но и жизни.

— Сука… — прохрипел он, рванувшись из кресла, но оглушающий удар автоматного приклада швырнул его назад.

* * *

— Мир тесен, — философски заметил Хьюго, когда у пленника перестали мельтешить звездочки перед глазами. На лбу компьютерного техника вспухла продолговатая лиловая шишка.

— Вы знакомы? — спросил сбитый с толку Вадим. Такого оборота событий нельзя было представить, даже специально фантазируя на данную тему.

— Да, — ответил андроид. — Это компьютерный техник второго десантного взвода, сержант Николай Сайков, человек, который исследовал меня после скрытной высадки передовых сил Альянса на территорию

горного массива южного материка.

Нечаев стал наконец кое-что понимать.

— Как ты оказался в составе серв-батальона? — спросил он, обращаясь к пленнику.

— Меня разжаловали в рядовые и перевели в технический взвод, — нехотя ответил тот, по-прежнему потрясенно глядя на Хьюго. До него вдруг дошло, что человекоподобный робот, которого он не раз поминал в мыслях, справедливо считая его источником всех собственных бед, на этот раз попросту спас ему жизнь, ведь не останови Хьюго этого парня с автоматом в руках, валяться бы ему сейчас под днищем «Хоплита» с простреленной головой…

Как странно, как парадоксально сплетались события и судьбы…

Николай не был дураком — людей с низким уровнем интеллекта попросту не брали в компьютерные подразделения военно-космических сил, а в силу определенного здравомыслия он не разделял фанатичной преданности иных бойцов идеям, которые пропагандировало Всемирное Правительство Джона Хаммера… Но когда в движение пришли миллиарды человек и целая звездная система вдруг заработала на войну, мало кто мог позволить себе высказывать вслух собственные суждения о происходящих событиях.

Сайков свое мнение держал при себе, а все злоключения последнего месяца, связанные с побегом этого андроида, последующим разжалованием и прочими неприятностями, только усугубили его внутреннее недовольство. Николай все более отчетливо понимал, что их бросили в мясорубку, которая призвана уничтожить население колоний, а вместе с ним и передовые части Альянса. Таким образом не останется фактически никого, кто бы мог донести правду о захватнической сути этой войны. Новые формирования войдут на зачищенные планеты, сюда хлынет поток поселенцев с Земли, но лично ему уже будет все равно — лежать Сайкову под безымянным холмиком, потому что война быстро вошла в стадию геноцида, а свидетелей такого действа не оставят в покое, их будут гнать из боя в бой, пока последний из очевидцев бомбардировок Дабога или предполагаемой зачистки Кьюига не встретит свою роковую судьбу…

Они все были приговорены к смерти, но Сайков оказался одним из немногих, у кого хватило ума, чтобы осознать это.

Они выполняли грязную работу, испытывая при этом новые виды техники и оружия, уничтожая население планет, а те, кто придет после, взвалят всю вину на них, мертвых, безропотных и безответных.

Конечно, мысли Сайкова являлись лишь грубым обобщением с

немалой долей личных обид, но суть он ухватил верно: Джон Хаммер сознательно перемалывал в боях за Дабог, Элио, Кьюиг и Стеллар устаревшую по меркам дальнего космоса технику и неугодные ему соединения «старой гвардии», которые помнили акции на лунах Юпитера и принимали участие в кровавом подавлении марсианского восстания.

Им внушали, что колонисты — это уже не люди, а некие мутанты, подпавшие под пагубное влияние чуждых биосфер, но, глядя на Нечаева, который по-прежнему молча сверлил его недобрым взглядом, Сайков при всем желании не находил в этом молодом парне ничего от монстра. Перед ним был безмерно усталый, раненый человек, и если в глазах его уже прижилось безумие, источником этого являлась развязанная Земным Альянсом кровавая бойня.

Все эти мысли промелькнули в голове Сайкова за считанные секунды, пока он приходил в себя после оглушающего удара прикладом в лоб, который будто перетряхнул его разум, поменяв местами некоторые основополагающие понятия, и результатом немого противостояния трех совершенно разных сознаний явился внезапный слом…

Сайков вдруг негромко захохотал, глядя на Нечаева и Хьюго…

Его всхлипывающий смех граничил с истерикой, но на самом деле бывший компьютерный техник второго десантного взвода испытывал в этот миг облегчение, — он понял, что расклад обстоятельств и сил резко изменился, и ему больше нечего бояться, не нужно прятать свои мысли, сторониться начальства и гадать, когда наступит конец затянувшейся черной полосе…

* * *

«Зона отчуждения пролегает в наших сердцах…» — эта мысль возникла у Вадима, когда он смотрел на Сайкова, чей сдавленный, истеричный смех внезапно наполнил рубку управления подбитой серв-машины всхлипывающими звуками.

Минуту назад он был готов убить этого человека, потом без колебаний вмазал ему прикладом в лоб, а теперь растерялся, не зная, что делать дальше, — ни душа, ни разум Нечаева не принимали злой абсурдности внезапно возникшей ситуации.

Все они, включая андроида, находились на волосок от смерти, и Вадиму вдруг расхотелось разбираться с пленником, — вражеские серв-машины уже миновали позицию старого бункера, близость развязки стирала грани рассудка, — бог с ним, пусть плачет, смеется, лишь бы не мешал…

Ровная линия состыкованных друг с другом мониторов показывала, как звено из трех «Фалангеров» изготавливается к стрельбе.

Машины пятнадцатиметровой высоты казались жуткими. Они имели лишь приблизительное сходство с аграрными кибернетическими механизмами Дабога, — конструкторы далекой Земли верно ухватили идею шагающей машины, но воплотили ее в абсолютно новых формах, наполнив их иным содержанием: каждый винтик, каждый механизм или электронная система боевой серв-машины были узко специализированы на войну…

Сайков бессильно затих в кресле, и в рубке «Хоплита» наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь звуками, долетавшими извне, через открытый в днище люк.

Три «Фалангера», остановившиеся на вершине холма метрах в тридцати от подбитого «Хоплита», внезапно присели, опускаясь к земле, и стали еще более похожими на гигантских бронированных жаб. Шарнирные соединения согнутых ступоходов теперь были расположены вровень с рубками управления, из задней части машин с равномерным гулом стали выдвигаться блестящие от смазки телескопические упоры, которые выталкивал гидравлический привод.

Дополнительная опора нужна была машинам только в одном случае, и Сайков, отлично знающий конструкцию «Фалангеров», внезапно прошептал:

— Сейчас будет залп тяжелыми ракетами… Вадим и сам видел это.

Пусковые установки «Фалангеров», расположенные на уплощенных спинах машин, имели по шесть пусковых стволов каждая, — то есть одна серв-машина могла производить одновременный залп двенадцатью ракетами. Учитывая длину пусковых установок и диаметр расположенных прямо за ними люков, под которыми скрывались механизмы перезарядки, нетрудно было угадать приблизительную мощность реактивных снарядов…

— Что у них в боеголовках? — спросил Вадим у Сайкова.

— Обычный таугермин.

— Ядерных компонентов нет?

— Поручиться не могу… Я в основном обслуживал «Хоплитов». В этот момент суета вокруг «Фалангеров» прекратилась, техники, контролировавшие остойчивость машин, вдруг побежали прочь, к стоявшей вдалеке БПМ.

Диафрагменные люки, расположенные за пусковыми установками серв-машин, внезапно начали открываться, расколовшись на клиновидные сегменты, и из открывшихся погребов показались тупые, обтекаемые носы

ракет, которые поднимались вертикально, закрепленные в специальных решетчатых лотках. Выйдя наружу, механизмы зарядки повернулись, решетчатые лотки подались вперед, вгоняя носовые части ракет в пусковые стволы, и в этот миг Вадим, с бессильным оцепенением наблюдавший за процедурой зарядки ракетных комплексов, ощутил, как рубка подбитого «Хоплита» пришла в движение, поворачиваясь в сторону изготавливающихся к стрельбе машин.

Это Хьюго замкнул найденную им цепь питания сервомоторов.

— Ты ремонтируешь подбитую машину, верно? — спросил андроид, обращаясь к Сайкову.

Бывший сержант понял скрытый намек и кивнул.

— Да они, скорее всего, не обратят на это внимания. Так и вышло.

Никто даже не взглянул на «Хоплит», который судорожными рывками поворачивал свой торс в сторону звена тяжелых машин Вадим понял замысел Хьюго и, посмотрев вверх, увидел в своде; рубки технический люк, как раз в том месте, где на загривке легкого робота крепилась спаренная зенитная установка. Снаряды ее; калибра вряд ли пробили бы броню «Фалангеров», но если действовать немедленно…

Он потянулся к люку и внезапно столкнулся плечом с Сайковым.

— Позволь мне, — в руке компьютерного техника был зажат специальный ключ.

— Давай.

Вадим не мог знать, что на самом деле держит в уме их пленник, поэтому он взял автомат и ткнул стволом под ребра Сайкову, но тот даже не посмотрел вниз, с какой-то непонятной, одержимой решимостью распечатывая технический люк, ведущий в тесную орудийную камеру, предназначенную для обслуживания механизмов спаренной зенитной установки.

Через несколько секунд люк открылся, и Николаю пришлось резко откинуть голову, чтобы не получить по ней массивной крышкой, которая, покачиваясь, повисла на одной петле.

— В сторону! — Нечаев сунулся в люк, не обращая внимания на боль, тут же резанувшую по раненому боку.

— Там есть рубильник, включающий аккумуляторы независимого питания, два рычага наводки и контрольный монитор, — раздался снизу голос Сайкова. — Справа от тебя мягкий шлем, советую надеть, иначе оглохнешь.

Вадим едва поместился в тесном пространстве контрольного отсека. Спаренная зенитная установки «Хоплита» калибром в; пятьдесят

миллиметров была полностью автоматизирована, но машины, какими бы совершенными они ни были, все равно нуждались в периодическом обслуживании, для того и был создан данный отсек, приборы которого позволяли осуществлять ручное управление механизмами в случае отказа автоматики, во время отладки и проверки точности стрельбы.

Полулежа в тесном отсеке, Вадим одной рукой нашарил мягкий шлем, о котором упоминал Сайков, а другой активировал аварийное питание тестовых систем

Тускло осветился единственный монитор, что-то тихо завыло в механических приводах зенитного комплекса, но Нечаев уже схватился обеими руками за рычаги наводки. Он не обращал внимания на сообщения, которые посылал на монитор сопроцессор орудия, — все внимание Вадима было сосредоточено в этот миг на тонкой паутине прицельной сетки, располосовавшей плоскость экрана.

Вот они…

Тыльная часть крайнего «Фалангера» появилась на краю монитора. Вадим, двигая рычагами, довернул орудие на нужный угол, ловя перекрестьем прицела хвостовое оперение ракет, которые только что скользнули из решетчатого лотка в пусковые трубы.

Механизм перезарядки ракетных установок «Фалангера» начал опускаться в исходное положение, и в этот миг Нечаев нажал сенсор огня, одновременно поворачивая независимую платформу орудия вправо с таким расчетом, чтобы выпущенная очередь задела все три изготовившиеся к стрельбе машины.

* * *

Это было подобно грому среди ясного неба.

Немногие выжившие очевидцы навсегда запомнили сцену, когда подбитый «Хоплит», бессильно прислонившийся поворотной платформой к стене обвалившегося бункера, несколько раз дернулся, поворачиваясь в сторону «Фалангеров», а затем спаренная зенитная установка легкой разведывательной серв-машины вдруг захлебнулась длинной лающей очередью, хлестнув веером снарядов по пусковым ракетным установкам своих многотонных собратьев.

День снова померк.

Снаряды, выпущенные с дистанции тридцати-сорока метров, несмотря на свой относительно малый калибр, возымели разрушительное действие, — они били по обнаженным частям механизмов шагающих чудовищ, круша лотки перезарядки, ломая поднимающиеся крышки

пусковых установок, заклинивая одни приводы и разрушая другие, но это было только начало. Внезапно средний «Фалангер» окутался слепящим шаром огня — это взорвалась одна из ракет, детонатор которой сработал прямо в пусковой трубе, и вслед за ослепительной вспышкой ударила чудовищная взрывная волна. Она опрокинула наземь две стоявшие по бокам серв-машины, раскидала, словно манекены, не успевших спрятаться людей, подкинула вверх и несколько раз перевернула в воздухе боевую планетарную машину, а «Хоплит», стоящий подле полуразрушенного бункера, попросту вдавила внутрь старого укрепления, стены которого наконец не выдержали и стали складываться «домиком», отрываясь от фундамента…

…Когда осела пыль и рассеялся дым, вершина холма представляла страшное зрелище: почва дымилась, повсюду зияли свежие воронки, чадно горели цельнолитые резиновые колеса опрокинутой набок боевой планетарной машины, на позиции тяжелых серв-машин зияла тридцатиметровая коническая воронка, на скатах которой в нелепых позах лежали, задрав к небу вывороченные из земли гидравлические упоры, два переживших адский взрыв «Фалангера».

Меньше всех, как ни странно, пострадал «Хоплит». Внутри полуразрушенного бункера обломки падающих стен завалили машину, частично предохранив ее от последствий чудовищного взрыва, произошедшего после детонации первой ракеты. Вслед за этим взорвался весь остальной боекомплект, отчего и образовалась на вершине холма исполинская воронка. Дно ее теперь усеивали отдельные фрагменты разорванного многочисленными взрывами шестидесятитонного «Фалангера».

Первым от боли в сломанной руке пришел в себя Сайков.

В сумраке горела одна-единственная лампочка аварийного освещения, обзорные мониторы щерились осколками выбитого стекла, рубку наполняла едкая пыль, смешанная с удушливым дымом.

«Что я тут делаю?» — пришла на ум Николаю первая мысль, и, повинуясь ей, он попытался ползти, ища выход из тесного, задымленного пространства, но внезапный стон, раздавшийся из сумрака, заставил его остановиться.

Стонал враг. Было самое время плюнуть на все и, превозмогая боль в сломанной руке, ползти прочь, спасая себя.

«Во имя чего?» — подумалось ему.

Чтобы вновь стать марионеткой, дергающейся на ниточках политических и военных замыслов Всемирного правительства? Опять

превратиться в ничего не значащий винтик огромной военной машины, когда тобой будут помыкать, сообразуясь с идеями и амбициями властей предержащих, до которых тебе нет никакого дела?

В этот момент Сайков мыслил скорее рационально, эгоистично, чем великодушно. Он наступал вместе с десантными подразделениями, высадившимися на планету, потом с серв-батальоном и вот теперь взглянул на войну и с другой стороны, безошибочно угадав, что огромным силам Альянса противостоят *одиночки*, — люди, которые творят вещи порой невероятные, в силу того, что у них есть идея, есть родина, есть внутренний стержень, помогающий им не гнуться под прессингом обстоятельств.

Да, все они были смертны, и шанс погибнуть, воюя на их стороне, возрастал во много крат, но для Сайкова, прошедшего через многие локальные войны, пожившего на перенаселенной Земле, испытавшего унижение *ничтожностью* собственного бытия, вдруг оказалось предпочтительнее стать личностью хотя бы на краткие, отпущенные судьбой часы или дни, ну, а если повезет…

Он не стал загадывать дальше, а, скрипя зубами от боли, пополз, ориентируясь на стон.

Вадима зажало смятой переборкой технического отсека.

Николай на ощупь нашел его тело, и пальцы стали влажными от крови; обильно пропитавшей одежду на правом боку Нечаева.

«Где же этот робот?..»

— Хьюго! — хрипло позвал Сайков.

— Я тут… — пришел ответ из темноты.

— Вадима зажало переборкой. Нужно что-то вроде домкрата…

— Я ползу.

Человекоподобный робот, конвульсивно дергая обрубками приводов оторванной ноги, дополз до узкой расселины, в теснине которой меж смятых переборок было зажато тело Вадима, и, упираясь механическими руками в деформированный металл, напряженно застыл, пока материал переборок не начал поддаваться его усилиям, раздаваясь в стороны с протяжным, режущим слух скрежетом.

Вадим был без сознания. Руки пилота так и не отпустили рычагов наводки зенитного орудия, и Николаю пришлось насильно разгибать его пальцы.

— Хьюго, отсюда есть выход? — просипел он, пытаясь сообразить, как им выбраться из тесного пространства рубки.

— Нас завалило обломками, — лаконично ответил дройд. — Вадима я

возьму на себя, а ты попробуй проползти к люку, посмотри, что за ним.

— Ладно.

* * *

Когда им удалось выбраться наружу из-под обломков бункера, солнце уже перевалило за полдень.

Нечаев несколько раз приходил в сознание, но ненадолго. Из-за многочисленных ранений его организм истощился настолько, что кожа начала обтягивать скулы, делая лицо похожим на тотемную маску смерти.

Были времена, когда от любой из полученных им ран человек умирал без всякой надежды на спасение, но в современных условиях все обстояло иначе. Лишь плата за многократное пользование различными препаратами и системами искусственной регенерации намного возрастала. Существовала определенная черта, за которой человека, злоупотребившего радикальным восстановлением жизненных функций, все равно ждала смерть, но только не от полученных ран, а от критического истощения организма.

Однако здравые рассуждения на эту тему в данный момент были невозможны.

Выбравшись из-под обломков бункера, они увидели изуродованную до полной неузнаваемости вершину холма, тридцатиметровую воронку с двумя опрокинутыми «Фалангерами» на склонах, сгоревшую дотла бронемашину, массу хаотично разбросанных повсюду обломков и…

Сайков, вооружившийся автоматом Нечаева, предполагал, что они лицом к лицу столкнутся с солдатами Альянса, но изуродованная вершина холма была пуста, на ней не осталось ни одного человека, даже пилоты опрокинувшихся «Фалангеров» покинули свои машины, о чем явно свидетельствовали открытые люки.

Впереди у переправы полыхал бой.

Хьюго, опираясь на обломок крепежной штанги, выполняющий роль костыля, несколько секунд смотрел на перемещающиеся в километре от них исполинские фигуры серв-машин, по которым с того берега пролива били одиночные выстрелы орудий, и понял, что помощь, обещанная Дороховым, безнадежно опаздывала и оставшиеся на том берегу ничтожные силы не удержат напора наступающих механизированных соединений.

Как бы отчаянно они ни сопротивлялись, силы были слишком неравными, — это не требовало никаких доказательств.

Пока Хьюго смотрел на тот берег, Сайков потащил Вадима к

ближайшей опрокинувшейся набок серв-машине, в днище которой зиял провал распахнутого люка.

После беглого осмотра множественных разрушений Николай понял, что пилоты покинули свои машины в страхе перед взрывом собственного боекомплекта. Возвышенность опустела по той же причине, — ракетные установки обеих серв-машин, поврежденные очередью зенитного орудия, все еще зловеще дымились… Неизвестно, какие процессы протекали сейчас внутри снаряженных к выстрелу пусковых труб, и находиться рядом с опрокинутыми «Фалангерами» было чистой воды самоубийством, но куда им деваться, раненым, изможденным…

Оставалось лишь рискнуть, отдавшись на волю судьбы.

— Хьюго, лезь в соседнюю машину. Я передам тебе все необходимые технические данные по каналу телеметрии. Только не ломай его бортовой компьютер, ради всех святых, понял?

— Я никуда не пойду без Вадима. — Андроид повернулся, опираясь на импровизированный костыль, и Сайков, взглянув на него, вдруг ощутил, насколько не доверяет ему человекоподобный робот.

«Единожды солгав, кто тебе поверит?»

В древнюю истину вкрадывалась смысловая неточность, которую не мог опознать искусственный разум.

Сайков не был предателем. Он впервые в жизни сумел сделать *собственный шаг,* и, не отрицая в его душе некоторого эгоистичного расчета, следовало признать, что Николай сделал выбор не в пользу сильнейшего… Как бы близко ни подошло искусственное сознание Хьюго к тонкостям, присущим психике человека, он все же мыслил слишком прямолинейно и рационально и поэтому не мог понять, что именно движет поступками бывшего сержанта.

Ему было невдомек, что Сайков уже давно жаждал одного — свободы. Он смертельно устал быть пешкой в чужой игре, мелким, ничтожным винтиком огромной военной машины, к тому же у него более не осталось друзей среди высадившихся на Кьюиг сил Альянса…

Все это смог бы понять Вадим, но не Хьюго, и сейчас, когда промедление грозило глупой, бесславной смертью, Николай, кляня в душе упрямого робота, решил все же не рисковать.

Оскальзываясь на сыпучем скате воронки, он доковылял до люка, ведущего в чрево «Фалангера», и вполз внутрь, втягивая за собой бесчувственное тело Вадима Нечаева.

В рубке этой машины было намного просторнее, чем внутри «Хоплита». Беглый взгляд на работающие приборы показал, что основные

системы серв-машины не повреждены, лишь на правом крыле пульта, где располагался контроль пусковых установок ракет дальнего действия, угрожающе тлели аварийные сигналы.

Николай опустил Вадима в кресло пилота, пристегнул его ремнями, и тут же из-за подголовника на специальной штанге выехал полушлем с прозрачным забралом, которое закрывало лишь глаза и лоб.

Хьюго, заползший в рубку управления, внимательно наблюдал за действиями Сайкова. В руках андроида не было никакого оружия, но Николай не сомневался, что своевольный дройд найдет способ противостоять ему, если ревностно охранявшей жизнь Вадима машине покажется, что хозяину причинен вред.

— Ты понимаешь, что, пока мы здесь возимся, они громят укрепления на том берегу?!

Хьюго кивнул.

В этих андроидах было много непонятного, даже загадочного. Сайков был компьютерным техником, но разгадать алгоритм поведения Хьюго оказалось выше его сил…

— Ладно, смотри. Я буду объяснять тебе, что делаю. — С этими словами он установил ноги Нечаева на педали, защелкнув специальные захваты, затем достал из ниши в пульте запасной комплект нейросенсорных перчаток, натянул их на руки Вадиму и подключил тонкие компьютерные шлейфы к двум коротким рычагам управления, которые возвышались вровень с подлокотниками кресла.

Что-то ожило вокруг, в мертвый танец перемигивающихся контрольных огней вплелась новая цветовая гамма, — это заработали секции датчиков жизнеобеспечения пилота.

— Ничего не трогай, — предупредил Сайков. — Включилась система боевого поддержания жизни. Она способна привести в чувство и поддерживать в сознании даже смертельно раненного пилота. Сейчас Вадим придет в себя, и я объясню ему, что делать дальше.

По мышцам Нечаева действительно пробежала судорога, и он открыл глаза. Невидимые глазу зонд-иньекторы, расположенные среди механизмов сложной подложки пилотажного шлема, уже впрыснули в его кровь нужную дозу стимулирующего препарата.

— Ваши конструкторы — жестокие люди, — лаконично заметил Хьюго.

Сайков не ответил ему, он напряженно ждал, пока действие стимулятора достигнет пикового значения.

— Вадим, ты меня слышишь?

Нечаев мучительно скосил глаза. Полупрозрачное проекционное забрало пилотажного шлема мешало ему четко различать окружающее.

— Где я?

— В рубке «Фалангера», в кресле пилота.

После того, как смысл произнесенных Сайковым слов достиг наконец проясняющегося сознания, Вадим уже второй раз за сегодняшний день испытал чувство внезапного глухого отчаяния.

Ему казалось, что он уже состарился на добрый десяток лет. Что осталось в нем от двадцатидвухлетнего парня, который две недели назад впервые поднял мирный грузовой корабль навстречу приближающейся к родной планете армаде врага?

Ничего… Остались лишь воспоминания, обрывочные и неясные, все затмили перемоловшие душу, тело и разум события, и по глазам Сайкова он понял, что в который раз от него сейчас потребуют невозможного…

— Я не смогу управлять этой машиной… — хрипло выдавил он, чувствуя, что страховочные ремни, сенсорные перчатки, пилотажный шлем и прочно пристегнутые к педалям ноги превратили его уже не в человека, а в некую биологическую составляющую чуждого его разуму кибернетического механизма.

— Сможешь. Как техник тебе говорю, — сможешь. Главное, поднять машину с земли, а дальше все пойдет как по маслу. Интерфейс управления сделан просто классно, ты интуитивно почувствуешь все механизмы, потому что они соединены с твоей нервной системой датчиками обратной связи через перчатки и шлем.

Нечаев скосил глаза на Хьюго, заметив при этом, что по поверхности полупрозрачного забрала, реагируя на движение зрачков, скользит алый кружок с тонкой паутинкой прицела.

Бортовой компьютер действительно был соединен с ним нейросенсорной связью, он реагировал даже на движение зрачка, нацеливаясь туда, куда смотрел пилот.

Вдалеке за холмами что-то раскатисто загрохотало.

Там шел бой…

— Хорошо, я попытаюсь… — пересохшие губы Вадима с трудом вытолкнули эту фразу. — Что я должен делать?

— Сиди смирно, как мышка, — неожиданно ответил Сайков. — Пусковые установки повреждены, работают только подвесные автоматические орудия, и каждая минута промедления грозит взрывом ракетного боекомплекта. Его нужно сбросить, но прежде следует поднять машину на ступоходы. Я полезу во второй «Фалангер», оттуда установлю

связь между бортовыми компьютерами. Будешь делать то же, что и я, договорились?

Вадим нашел в себе силы лишь для короткого кивка. За холмами снова раскатисто загрохотало, словно над левобережьем пролива бушевала гроза.

* * *

Голос Сайкова зазвучал в коммуникаторе шлема меньше чем через минуту.

— Так, Вадим, я на месте, начинаем работать.

— Я готов. — Голос Нечаева казался мертвым и бесцветным. Вадим был слишком изможден, чтобы выказывать эмоции. Он лишь задумался на миг, сможет ли жить дальше, оставаться человеком после всего произошедшего с ним, или просто выполнит долг и потом, если все же повезет выжить, ляжет лицом в мокрую от росы траву и затихнет навсегда, потому что внутри уже не осталось ничего человеческого — он убивал, и его убивали, мир потерял свою непорочность, словно наступил нежданный судный день…

Впрочем, эти обрывочные мысли служили лишь невнятным фоном, они скользили по периферии сознания, а главным было совсем другое.

Во что бы то ни стало поднять многотонную машину с земли.

— Внимание, я включил канал взаимного обмена данными. Сейчас твой «Фалангер» автоматически повторит действия моей машины.

— Понял. Я не вмешиваюсь.

Что-то гулко завибрировало в недрах серв-машины, близкая земля на обзорных экранах внезапно покачнулась, и Вадим испытал знакомое ощущение: внутренности на миг зависли, породив в животе спазматический холодок, — это он вместе с кабиной резко взмывал вверх на пятнадцатиметровую высоту.

«Фалангер» пошатнулся, переступил с одного ступохода на другой, глубоко врываясь четырехпалыми механическими конечностями в зыбкий, предательски оползающий грунт, и наконец застыл в вертикальном положении.

— Отлично! Мы встали! — Голос Сайкова, зазвучавший в коммуникаторе, выдавал смесь нечеловеческого напряжения и какого-то непонятного Вадиму восторга. — Теперь сброс ракетного боекомплекта. Найди красную кнопку под защитным кожухом, видишь ее?

— Да, — сквозь зубы выдавил Нечаев, у которого от постоянных воздействий аппарата поддержания жизни к горлу подступала тошнота,

хотя желудок с самого утра был пустым.

— Открывай кожух и… — начал было инструктировать Сайков.

Но Вадим, переборов дурноту, зло оборвал его:

— У меня руки пристегнуты к рычагам, забыл?

— Ничего, чуть наклонишь торс, это не страшно, — успокоил его Сайков, не обратив внимания на грубость. — Я слежу за показателями твоей машины, система самостабилизации работает как положено.

Вадим, вместо того чтобы пререкаться, молча подал вперед правый рычаг; огромный шагающий робот чуть накренился вперед и вправо, глухо взвыли системы, ответственные за стабилизацию машины, но указательный палец правой руки действительно дотянулся до прозрачной крышки, подцепил ее, откидывая вверх, и нужная кнопка с надписью: «Ракетные комплексы, аварийный отстрел» оказалась прямо под пальцем.

Глухой хлопок, и два дымящихся горба слетели с корпуса серв-машины, упав позади на пологий скат воронки.

— Что дальше? — спросил Вадим, справедливо опасаясь, что сброшенные установки все равно опасны — они могли взорваться и лежа на земле.

— Уходим отсюда. Поднимаемся на гребень холма.

— Как?

— Твои ноги соединены со ступоходами машины, руки — это две независимые подвески боковых орудий, голова — система наведения и обзора местности, все вместе — так называемый «комплекс нейросенсорного контакта». Некоторые его элементы скопированы с древних моделей костюмов виртуальной реальности. Ты напрягаешь мышцы, словно делаешь шаг, и машина повторяет твои действия. Задерживаешь взгляд на предмете, — бортовой компьютер автоматически воспринимает его как цель, тебе остается лишь спустить гашетку на рычаге наводки. Только не думай о том, сколько весит «Фалангер», — самостабилизация — не твоя забота. Понял?

— Да.

— Тогда поехали!

* * *

Первый шаг дался Нечаеву гораздо труднее, чем могло нарисовать воображение. Тяжеловесный «Фалангер» едва не опрокинулся на спину, потому что Вадим, ощутив, как машина, повинуясь простому напряжению его мышц, начала тактовый шаг, вдруг запаниковал, словно неопытный водитель, перед которым на большой скорости вдруг возникает

неожиданное препятствие, и в результате боевой робот, вместо шага вперед, неуклюже попятился, едва не раздавив правым ступоходом сброшенные минуту назад ракетные комплексы.

— Осторожнее… Попробуй еще раз.

Лоб Вадима покрылся крупными бисеринами пота.

Шаг вперед по крутой, предательской осыпи… Машину шатало, словно возвращающегося домой пьяного портового грузчика… но, сделав-таки первый шаг, Нечаев немного успокоился, взял себя в руки, хотя ощущение было таким, будто он только что пробежал километров десять…

Дальше пошло чуть легче. Вадим понял, что хладнокровие пилота — главный залог успешного управления шестидесятитонной машиной, но «Фалангер» все равно пошатывался, его автоматические системы работали на пределе возможностей, сглаживая ошибки пилота, однако, несмотря на мелкие неувязки, он двигался!., шаг за шагом взбираясь на вершину холма.

Через минуту под ступоходами машины уже трещал сминаемый кустарник, который чудом пощадил огонь, и вдруг…

…Вадим увидел истоптанный исполинскими следами песчаный пляж, мост через пролив, разбитые укрепления на том берегу и ровную шеренгу вражеских серв-машин, которые методично расстреливали немногочисленные огневые точки, что еще пытались огрызаться огнем на правом берегу пролива.

Эта картина начисто вымела из рассудка все страхи, сомнения в собственной компетентности, робость перед непривычной системой управления.

Мост не был взорван, и тяжелые машины противника вот-вот войдут на него, чтобы переправиться на другой берег, где перед ними открывался никем и ничем не защищенный оперативный простор — семьсот километров отличных дорог, ведущих к столице Кьюига и расположенному в пригороде космопорту.

Секунда оцепенелого промедления невольно дала Вадиму максимум доступной информации по происходящим событиям, — взгляд охватил окрестности, скользнув по всей береговой линии, и как раз в этот миг с того берега одиноко ударило замаскированное в лесу орудие.

Снаряд, не долетев до ровной шеренги вражеских машин, взметнул столб смешанной с песком воды, разорвавшись на мелководье.

Крайний «Фалангер» чуть повернул свой уплощенный торс, и в сторону обнаружившей себя огневой точки ударила его автоматическая пушка правого борта Корпус серв-машины осветился стробоскопическими вспышками, и пять снарядов зримой трассой прочертили воздух, прорубив

широкую, но короткую просеку в сплошной стене притихшего леса Вадим отчетливо видел, как вверх взметнулись похожие на спички древесные стволы и в месте попадания тут же занялся пожар.

Он перевел похолодевший взгляд на целехонький мост и только теперь заметил, что правый берег пролива сплошь покрыт воронками, — он был *перепахан* ракетными залпами на глубину не менее километра, и в этой зоне, подвергшейся тотальной огневой подготовке, не уцелели ни орудия, ни защитники, ни укрепления…

Несмотря на гибель офицеров, чей разговор он слышал перед встречей с Хьюго, пилоты серв-машин осуществили именно тот варварский план, обсуждавшийся их командирами. Но они не могли получить приказов от мертвых, а значит — мыслили в унисон с полковником Шерманом Смешав с землей все укрепления, они выжидали на берегу, методично расстреливая с безопасной для себя дистанции последних защитников правого берега, — тех, кто обнаруживал себя огнем, не в силах выдержать психологического прессинга этого противостояния.

Нечаев перевел взгляд на мост, увидел несколько мелких воронок в стеклобетонном покрытии дорожного полотна и разбросанные вокруг блестящие на солнце детали андроидов, разорванных на куски прямыми попаданиями снарядов. Очевидно, все средства дистанционного подрыва были уничтожены в момент внезапного ракетного налета, и последние уцелевшие человекоподобные машины пытались добраться до заложенной под опоры взрывчатки, чтобы привести ее в действие, но выстроившиеся на отлогом пляже шестидесятитонные «Фалангеры» пресекали любое движение в районе моста, и такая попытка была заранее обречена на провал.

И опять у Вадима возникло чувство подавляющего превосходства противника. Пилоты пятнадцати рассредоточившихся по пляжу тяжелых серв-машин не торопили события. Они не хотели более рисковать, теряя драгоценную технику, а действовали спокойно и методично. Стоило на том берегу появиться малейшему признаку движения, как тут же следовал залп, и, судя по количеству очагов пожара, в лесу, который подступал почти к самому берегу пролива, уже не осталось защитников…

Губы Вадима сжались.

Агрессоры вели себя не как солдаты, а как убийцы, циничные, осознающие собственное превосходство, превращающие захват стратегически важного объекта в затянувшееся шоу, демонстрируя друг перед другом меткость стрельбы.

Нечаев не строил иллюзий, он осознавал: раз передовые укрепления

сметены, а лес все же огрызается редкими выстрелами, значит, там у допотопных орудий в расчетах стоят уже не андроиды, а люди, — те, кто услышал его призыв, посланный на открытой частоте связи, и внял ему. Обыкновенные граждане Кьюига из близлежащих агропулов…

Эти мысли подействовали на него сильнее, чем боевые стимуляторы, поддерживающие сознание в изможденном ранениями теле.

Прошло уже больше пяти секунд с того момента, как машина Нечаева поднялась на вершину холма, и он осознал, что нападающие принимают их за своих. Никто не обратил внимания на две неполноценные серв-машины, — очевидно, командир рассредоточившегося по пляжу соединения справедливо решил, что это технический персонал, оставленный для ремонта, подтягивает к позициям механизированного батальона введенные в строй боевые единицы…

В этот момент с правого берега вновь глухо хлопнул орудийный выстрел, на пляже взметнулся десятиметровый султан песка и дыма, с воем ушли на излет осколки, и ближайший к Вадиму «Фалангер», который даже не поцарапало неточным выстрелом, вдруг начал разворачивать свой торс, чтобы ответить притихшему лесу сдвоенным залпом…

Вадим понял — сейчас или никогда. Либо он найдет в себе мужество шагнуть навстречу пятнадцати сервоприводным исчадиям, либо проведет последние отпущенные ему часы, издыхая от страха за собственную шкуру…

Он уже не вспоминал, кем был две недели назад, как трясло его при первых боевых вылетах, как он раз за разом превозмогал себя, скорее стремясь выжить, чем полноценно выполнить то или иное задание, — все это осталось в прошлой жизни, к которой уже не будет возврата…

Сейчас им владели совершенно иные чувства.

Взгляд Вадима, устремленный на врага, заставил работать систему компьютерного наведения, о которой рассказывал ему Сайков, и чудовищный контур изготовившейся к стрельбе серв-машины мгновенно влип в тонкую паутину электронного прицела, а спустя секунду кружок индикатора готовности сменил свой цвет с алого на изумрудно-зеленый…

Он не думал в этот миг о себе.

Пальцы сами сдавили гашетки обоих орудий, которые отозвались глухой, ритмичной скороговоркой, и одновременно с выстрелами машина Нечаева пошла вперед, медленно поворачивая торс, а его враг, получивший десять снарядов, выпущенных с убийственно короткой дистанции, уже медленно валился на правый бок, подламывая под себя перерубленный ступоход и роняя куски срезанной брони на горячий, еще не остывший от

полуденного жара песок…

Чуть левее, словно эхо от выстрелов Нечаева, раздалось спаренное стаккато, — это разрядились орудия машины Сайкова, и еще один «Фалангер» окутался ослепительными вспышками разрывов, превративших в уродливое месиво механизм его поворотной платформы. Но торжество двух внезапных побед было недолгим.

Пока боевые эскалаторы перезаряжали орудия, тринадцать серв-машин противника развернулись навстречу атакующим, и Нечаев понял: сейчас начнется самое страшное…

* * *

Сайков, поднявшийся на холм вслед за Нечаевым, видел те же самые картины, что и Вадим, но бывшим компьютерным техником владели иные чувства и эмоции, — взгляд Николая сразу остановился на ровной шеренге «Фалангеров», и в этом взгляде не было ни тени приязни.

Он знал каждого из пилотов, относившихся к разжалованному технику как к человеку второго сорта. Они считали себя вправе при случае наорать на Сайкова, унизить его, сделать жизнь рядового техника еще более невыносимой. Неизвестно, как бы повернулась судьба, уцелей его десантный взвод в тех трижды проклятых пещерах…

За полтора месяца пребывания на Кьюиге Сайков успел и полюбить, и возненавидеть эту планету, — с одной стороны, его душа и разум, привыкшие к теснине напоенных смогом улиц, к техногенным узилищам отсеков космических кораблей, не переставали поражаться необъятным девственным просторам планеты. В короткие минуты отдыха, оставаясь наедине с самим собой, он не мог надышаться, — взгляд сам стремился к туманным далям, от которых кружилась голова, и в то же время он ни на минуту не мог по-настоящему расслабиться, — стоит не вовремя сменить дыхательный фильтр, сделать глоток неочищенной воды прямо из ручья, надкусить травинку, и, скорее всего, твой жизненный путь оборвется быстро и болезненно.

Эта двоякость, на которую накладывались сильные служебные неурядицы, выматывала его, день за днем истончая в сознании Сайкова рекламную чушь, которой пичкало их Всемирное Правительство Джона Хаммера.

«Колонии нельзя ни победить, ни захватить, — думал он, глядя по сторонам во время долгих марш-бросков через дикую сельву. — Пусть мы уничтожим всех коренных жителей Кьюига, но тогда сама планета станет воевать против нас, — без многолетнего опыта выживания, которым

обладают колонисты, жизненные просторы автоматически превращались в опасные пространства… У нас останется один выход — на корню уничтожать все живое, чтобы растить новые города-муравейники на стерилизованных землях, превращая тем самым цветущие миры в урбанизированные отростки Земли, несущие ее пагубную субкультуру…»

Подобные мысли не давали ему покоя, они подспудно оставались в сознании, чем бы ни занимался Сайков, — он хотел эту планету, ему хотелось научиться ладить с ее природой, но, глядя, как пилоты серв-машин давят ступоходами «Фалангеров» лесные заросли, он начинал еще больше ненавидеть офицеров, составивших костяк нового воинского формирования. Они презирали эту планету, презирали населявших ее людей, считая себя равными богам, но на самом-то деле их могущество обеспечивалось множеством высокотехнологичных устройств, без которых они бы попросту подохли в сельве на первый же день.

Разница между ними и Сайковым заключалась в том, что он понимал это, а они нет.

В конце концов, он превратился в изгоя даже среди рядового состава взвода технической поддержки. Его ненависть копилась день за днем, подтачивая разум, и он, взяв привычку мысленно разговаривать с самим собой, достаточно быстро взглянул на развивающиеся события с иной стороны.

Сейчас, разрядив орудия своего «Фалангера» в поворотную платформу ближайшей серв-машины, Николай даже не задумался о том, что вот он, пришел его судный день, когда будут окончательно расставлены все точки, и, если повезет выжить, узкая полоска пролива и мост через нее станут для него жизненным Рубиконом…

Нет, он не думал об этом.

Превратившись за полтора месяца мытарств в законченного реалиста, Николай четко осознавал лишь одно: им с Вадимом попросту не устоять против потрепанных остатков серв-батальона.

* * *

Бой на левом берегу пролива длился шесть с половиной минут.

Четыреста секунд техногенного ада, где каждое мгновение несет противоборство энергий, скорее свойственных космосу, чем поверхности земли.

Со стороны казалось, что на левом берегу пролива внезапно начал извергаться вулкан. Тонны песка пришли в движение от тяжкой поступи машин, участок левобережья огласился ритмичным грохотом

автоматических орудий, и пляж тут же заволокло двухцветным дымом. Сизые пласты выхлопов от стрельбы смешивались с черными клубами, повалившими из развороченных внутренностей пораженных первыми залпами «Фалангеров»; ветер тут же принялся рвать дымовую завесу, свивая ее в кружево и относя в сторону, но легкому послеполуденному бризу оказалось не по силам полностью развеять мутное покрывало, прорываясь сквозь которое ритмично вспыхивали очереди автоматических пушек…

Участникам боя все виделось иначе.

В первые секунды после залпа, когда пораженная в упор машина противника вдруг начала падать, Вадим по инерции продолжал двигаться вперед, забирая чуть вправо по отлогому пляжу, но его «Фалангер» не сделал и трех шагов, как земля содрогнулась и Нечаев едва не опрокинул свою машину, — колебания почвы, предательски осыпающийся песок, отсутствие навыков вождения — все это, вместе взятое, заставило его остановиться, дожидаясь, пока автоматические системы стабилизации восстановят потерянное на миг равновесие.

Из чрева подбитого им «Фалангера» вдруг вырвался сноп огня, затем повалил жирный черный дым. Очевидно, горели пластиковые детали облицовки, корпуса компьютерных терминалов и маслянистые технические жидкости.

Вадим оглянулся, пытаясь отыскать взглядом машину Сайкова, но у кромки воды горел еще один робот. Пламя объяло его снаружи, жадно облизывая верхнюю часть ступоходов, из развороченной поворотной платформы пульсирующей струей била какая-то жидкость, воспламеняющаяся на лету.

Это был один из компонентов реактивного топлива, используемого в прыжковых ускорителях серв-машин, но Нечаев ничего не знал о подобных устройствах, он лишь видел, как пламя растекалось по песку, образуя огненный круг… и в этот миг верхняя часть брони «Фалангера» внезапно начала раскрываться, раскалываясь на сегменты, подобно лепесткам чудовищного механического бутона.

Старт аварийно-спасательной катапульты сверкнул оранжевым сполохом, выбрасывая в небеса снабженный амортизационными каркасами пилот-ложемент, а покинутая серв-машина продолжала гореть, застилая окрестности дымом, сквозь который не было видно ни зги, и Нечаев, понимая, что нужно двигаться, повел свой «Фалангер» вперед, вдоль берега, стремясь пересечь зону нулевой видимости.

Этот маневр удался ему лишь наполовину. Шагая в плотном дыму, он

совершенно потерял ориентацию, — на обзорных экранах черноту сменял сизый сумрак, несколько раз сквозь него прорывались вспышки автоматического огня, термальная оптика фактически бездействовала из-за огромного количества тепла, «засвечивавшего» ее датчики, и Вадим, наугад направляя машину, повернул в сторону замеченных секундой ранее вспышек…

Дым внезапно рассеяло порывом ветра, и оказалось, что его робот стоит в воде, утонув в ней по самое шарнирное соединение ступоходов, а напротив, с визгом поворачивая торсы то в одну, то в другую сторону, по кромке берега двигаются две машины врага.

Ближняя к Нечаеву серв-машина вдруг остановилась как вкопанная, — стоило отдать должное мастерству сидящего в рубке «Фалангера» пилота, но Нечаев не успел даже подумать об этом, как с правого оружейного пилона вражеской машины ударило автоматическое орудие.

В этот миг Вадим осознал всю глубину термина «нейросенсорный контакт».

Захваченный «Фалангер» соединялся с ним тысячами незримых нитей обратной связи, — тонкие иголочки, которые усеивали поверхность пилотажного шлема и специальных перчаток, не просто впивались в кожу, передавая импульсы его нервной системы на исполнительные механизмы, — связь была двусторонней, и он вкусил ее в полном объеме, как только первый снаряд угодил в броню его машины.

Вадим заорал.

Так кричат люди от внезапной нестерпимой боли. Ему показалось, что с правого плеча сорвало кожу и плоть до самой кости, в глазах помутилось, но очередной впрыск препарата из системы поддержания жизни столь же быстро вернул Вадима в сознание, и эта шоковая смена состояний заставила работать его рефлексы. Он начисто позабыл, что заключен внутри многотонного механизма. Подчиняясь боли, Вадим машинально отклонился в сторону, заставляя машину повторить это движение, и четыре снаряда из пятитактовой очереди проводника лишь ободрали броню и взметнули вокруг фонтаны выброшенной в небеса воды.

Разум не успевал за ритмом миллисекунд, которыми измерялись отрезки боя, и Нечаев смог сделать только одно — до ломоты в пальцах сжать сенсоры огня обоих перезарядившихся орудий.

Точного прицела не было, — его взгляд метался по двум исполинским наступающим на него фигурам, и оттого очереди орудий легли веером, вспахав песчаный пляж серией разрывов. Ни один из них не попал точно в

противника, но тонны выброшенного вверх песка и ударная волна от взрывов заставили пошатнуться серв-машины, — они на миг потеряли стабилизацию, и это подарило Вадиму несколько выигранных секунд, необходимых для перезарядки орудий.

Он ощущал, как с гулкой вибрацией работают механизмы боевых эскалаторов, в горячке боя ему казалось, что все происходит слишком медленно. Вот на боковом экране мутно блеснул выброшенный автоматом перезарядки пустой лоток, левое орудие выдало наконец сигнал готовности, а правое, в район которого угодил снаряд, все еще скрежетало механизмами.

Огонь!..

Злобный, четко различимый на слух лай автоматической пушки левого борта прозвучал для него как музыка, отдачей чуть повело торс, но тут же сработали компенсаторы стрельбы, возвращая рубку в исходное положение. Все эти ощущения были ему внове, они ошеломляли полнотой слияния нервной системы с механизмами машины, но прошел миг, и все болезненно изменилось, — восторг опять сменился режущей болью…

Вторая серв-машина, маячившая чуть позади первой, в которую Вадим только что всадил прицельную очередь, не пострадала, — наоборот, ее пилот оказался в выгодном положении, — неопытность Нечаева подарила ему возможность спокойно прицелиться и дать залп из двух автоматических пушек.

Две очереди угодили в разные точки — одна хлестнула по скату лобовой брони, а вторая — по возвышающейся над водой платформе сервоприводов.

Машина Нечаева устояла, — ее ступоходы глубоко погрузились в песок, обеспечивая дополнительную устойчивость, но это уже не имело значения, — поворотную платформу заклинило, правое орудие, так и не закончившее перезарядку, оторвало вместе с креплениями пилона, броню с лобового ската срезало, будто ножом, и по внутреннему бронестеклу рубки, представлявшему собой вытянутую полусферу, с хрустом пробежала змеистая трещина.

Вадим сидел в кресле пилот-ложемента, ощущая себя так, будто ему только что сломали руку и влепили булыжником в лоб, но эти стрессовые ощущения носили мгновенный характер, — конструкторы машины, проектируя цепи обратной связи, стремились лишь обозначить места попаданий, а не выводить пилота из строя постоянными изматывающими болями… Поэтому мгновение спустя шок прошел, и Нечаев слабо зашевелился в кресле, пытаясь навести рукой и взглядом уцелевшее левое

орудие, чтобы сделать хоть что-то перед лицом неминуемой гибели.

Ближе всего находился «Фалангер», уже получивший повреждения от предыдущих выстрелов Вадима. Он стоял метрах в двадцати, у самой кромки воды; часть его бронепластин, сорванная снарядами, валялась вокруг уродливыми кусками, обнажившиеся механизмы натужно работали, — пилот стремился развернуть свою машину, чтобы подставить под вероятный выстрел неповрежденную часть, но не успел. Сколь ни велик был соблазн отомстить, последняя очередь Нечаева хлестнула по более доступной цели, ломая ничем не защищенные механизмы покалеченного «Фалангера».

На пляже у кромки воды вспыхнул еще один чадный костер, но смотреть на него не было времени, — Вадим лишь краем глаза машинально отметил попадание, отчаянно пытаясь сдвинуть с места свою машину, но «Фалангер» более не подчинялся ему — ступоходы застыли, парализованные критическими разрушениями главного привода поворотной платформы…

Оставалось одно — катапультироваться, как сделал это на его глазах пилот поверженной Сайковым серв-машины.

Взгляд Вадима метнулся по пульту управления, нашел бросающийся в глаза рычаг с надписью «катапультирование», и правая рука, освободившись от перчатки, рванула его вверх, по направлению указующей стрелки.

Что-то заскрежетало над головой, с хрустящим звоном посыпались осколки расколотого бронестекла, но сегменты брони, образующие свод рубки управления, все же раскрылись, с глухим плеском обрушившись в воду. Вадим сжался, ожидая жесткого удара аварийно-спасательной катапульты, но механизм под пилот-ложементом не сработал. Вместо взрыва пиропатрона, который должен был выбросить его в небеса, Нечаев увидел вспыхнувшую на аварийном табло надпись:

«Критические повреждения. Катапультирование невозможно».

Он медленно поднял глаза, одновременно вдыхая кисловатый от дыма воздух, и увидел прямо перед собой в каком-то десятке метров зловещий контур серв-машины.

Он сидел в кресле под открытым небом, уже не защищенный плитами брони и внутренним бронестеклом, а два жерла автоматических орудий «Фалангера» были нацелены, как показалось, прямо ему в лоб.

Вспышка.

Вадим в последнюю секунду успел подумать: «Вот она смерть, из объятий которой уже не вырвет никто…» но ослепительный, режущий глаз

росчерк был совершенно непохож на стробоскопические сполохи от работы орудий… и он, уже заглянувший в глаза неизбежной гибели, вдруг осознал, что броня изготовившейся к залпу серв-машины вдруг вспухла малиновым пузырем и лопнула, падая в воду шипящими брызгами расплавленного металла.

С небес на изуродованный пляж рушилась звуковая волна, и Нечаев, резко повернув голову, увидел, как сверху на вражеские машины пикируют, озаряясь вспышками очередей, два шаттла с эмблемами военно-космических сил Кьюига на бортах и коротких скошенных крыльях…

«Дорохов…» — пришла облегченная, полная пьянящей радости мысль, и взгляд назад, на изгибающийся над проливом мост, доказал справедливость этого предположения: над ажурными арками опор возвышался аграрный робот с планеты Дабог, тот самый, который прибыл на Кьюиг вместе с беженцами, на борту прорвавшейся из кольца блокады «Иглы»…

Его лазерные установки, аналог которых так и не сумели создать конструкторы Земного Альянса, били по серв-машинам врага, посылая в них слепящие росчерки когерентного света, а на ограниченном участке побережья, вслед за вспахавшими песок очередями, уже рвались сброшенные штурмовиками бомбы…

Вадим с трудом вытащил правую руку из сенсорной перчатки и негнущимися, онемевшими пальцами начал расстегивать страховочные ремни, не позволявшие ему встать, потом откинул пилотажный полушлем, и прохладный ветер пахнул в лицо, неся свежесть предзакатной прохлады.

Клонился к вечеру этот невыносимо долгий день…

Глава 10

Кьюиг. Район моста через пролив

Всю ночь над изуродованным пляжем сияли прожектора.

В их свете кипела работа, и люди на фоне темных силуэтов серв-машин казались муравьями, облепившими непомерно большую добычу.

Лишь десять человек не принимали участия в общей суете. Собравшись под натянутой в стороне маскировочной сетью, которая работала в спектре электромагнитных помех, они занимались более важным делом, чем сбор и транспортировка боевых трофеев.

За столом, сооруженным из перевернутых пластиковых ящиков из-под ракетного боекомплекта, сидели Дорохов, Нечаев и Сайков, чуть в стороне устроилась Яна, машинально гладившая по загривку своего пса, рядом с ней, упершись локтями об импровизированную столешницу, сидел рослый беженец с Дабога, тот самый, кто месяц назад порывался расстрелять в переходном тамбуре «Иглы» солдат Альянса.

Напротив Вадима, по другую сторону перевернутых ящиков, скрестив руки на груди, сидел пилот «Ястреба» — шагающей аграрной машины с планеты Дабог.

Трое пленных пилотов из состава разгромленного серв-батальона стояли в кругу света. Их лица выражали всю гамму чувств, начиная от надменного презрения и заканчивая полнейшей подавленностью.

— Ну, господа… — нарушил тишину Дорохов. — Мы ждем подробного доклада. С какой целью вы наступали, как должна осуществляться связь с базовыми кораблями высадки, кто полномочен принять командование после смерти полковника Шермана и какая процедура установлена на этот случай?

Пилоты серв-батальона молчали: двое все еще находились в шоке после чудовищного разгрома, третий вполне держал себя в руках, сверля недобрым, вызывающим взглядом пленивших его людей.

— Вы пестрое сборище дегенератов… — сквозь зубы вытолкнул он оскорбительную фразу. — Я не собираюсь разговаривать с генетическими отбросами…

Вадим усмехнулся, покачав головой. Некоторые движения отзывались болью в местах ранений, но он не собирался покидать строй. События прожитых суток в корне изменили его, словно Нечаев родился вторично, сначала погибнув, а затем возродившись в затянувшемся бою, где не

выдерживал металл и разлетались в клочья механические приводы.

Конечно, речь идет о его душе, мировоззрении, а не о теле. Оно ныло, причиняя ему массу болезненных неудобств. Да и выглядел он хуже, чем все остальные, — многократное применение боевых стимуляторов, которые сначала колол ему Хьюго, а затем автомат поддержания жизни, входящий в систему жизнеобеспечения серв-машины, не добавило ему здоровья. Казалось, что в теле Вадима не осталось ни капли жировых запасов, кожа плотно обтягивала обострившиеся скулы, исцарапанные пальцы рук выглядели усохшими, словно у долго голодавшего человека.

— Выведите этот генетический эталон и пристрелите, как бешеного пса, — неожиданно произнес он, не повышая тона. — Пусть он разделит участь тех, кого убивал, сидя за броней серв-машины.

Речь Нечаева была тихой, взвешенной, без ненависти или неприязни в голосе… и тем страшнее прозвучали его слова в наступившей вдруг немой тишине.

В эти секунды на собравшихся под маскировочной сетью вдруг накатила жуть. Все головы повернулись к Вадиму, который по упомянутым причинам выглядел как выходец с того света. Зеленоватый сумрак неяркого освещения только добавлял черт этому сходству.

Даже Дорохов не ожидал подобного поворота событий.

Офицер, о котором шла речь, побледнел, изменившись в лице, но, нужно отдать должное, все еще сохранял остатки самообладания, до тех пор пока из-за импровизированного стола, нарушая возникшую тишину, не встал рослый житель Дабога.

Тихо клацнул затвор автоматического пистолета.

— Пошли.

В этот миг не выдержали нервы у самого молодого пилота. В отличие от двух товарищей, его с самого начала заметно трясло, будто осиновый лист на ветру,

— Нет… Не убивайте его! Не надо нас расстреливать! Я… Я готов сотрудничать с вами! — Он говорил сбивчиво, взахлеб, словно боялся не успеть высказаться до конца.

Нечаев молча кивнул.

Он держался на пределе сил, стараясь скрыть свое ужасное самочувствие, и оттого его облик становился еще более натянутым, напряженным.

— Говори.

— Цель атаки серв-батальона — космопорт вашей планеты. Мы должны были скрытно продвигаться к нему, а затем стремительной атакой

овладеть всей территорией порта и удерживать ее до подхода основных сил.

— Сопляк… — прошипел пленник, которого минуту назад едва не вывели за ближайшую прибрежную дюну.

— Заткнись, — посоветовал ему Дорохов. — Эй, Баграмов, — окликнул он одного из своих людей, стоявших на постах подле КП. — Отведи его в планетарную машину и запри в кормовом отсеке.

Из мрака, сгущавшегося вне освещенного круга, возникла фигура часового.

— Это все? — Взгляд Нечаева, который пропустил мимо ушей второстепенный, по его мнению, диалог, по-прежнему сверлил начавшего давать показания младшего офицера.

— Нет… — упавшим голосом сознался тот, отводя глаза. — Серв-батальон не должен был выходить на связь с командованием, действуя максимально скрытно, но ситуация в космосе изменилась… — В этот миг на него накатила очередная волна страха, и он снова начал говорить быстро и сбивчиво, проглатывая окончания слов: — Все крейсера эскадры получили серьезные повреждения на подступах к планете… — Он судорожно сглотнул. — Теперь они нуждаются в стационарном ремонте… Два из них, по-моему, вообще лишились возможности совершать гиперпространственные прыжки…

— Вы получили новый приказ? — спросил Дорохов, вступая в процедуру допроса.

— Да. Ускоренным маршем, сминая любое сопротивление, двигаться к космическому порту планеты… атаковать его, взять штурмом и удерживать до тех пор, пока конвойные носители, пришвартовавшись к крейсерам, не опустят их на захваченную территорию.

— Они хотят посадить пространственные корабли на площадки нашего космопорта? — поразился Дмитрий. — Это возможно?

— Да, — лейтенант сил Земного Альянса обернулся к Дорохову. — Я не лгу!.. Существует специальный тип конвойных судов, которые стыкуются с крейсером, выводят его за счет своих двигательных установок на нужную орбиту, а затем такая связка начинает геостационарный маневр над избранной точкой поверхности планеты, в частности над космопортом. Смысл маневра — уравнять орбитальную скорость крейсера со скоростью обращения планеты вокруг своей оси.

— То есть буксировочные суда обеспечивают ему «зависание» над местом посадки? — спросил Герман Дрейк, пилот «Ястреба», тоже житель Дабога, который хорошо разбирался в серв-машинах, но имел лишь общее

представление о космической навигации.

— Да, — подтвердил его догадку пленный лейтенант. — Потом, по завершении геостационарного маневра, начинается вертикальный спуск поврежденного базового корабля. Четыре или шесть носителей, в зависимости от массы крейсера, обеспечивают работой своих двигательных установок его плавный вертикальный спуск на поверхность планеты.

— Хорошо, это ясно. — Дорохов покосился на Вадима, который слушал пленного офицера с напряженным вниманием. — Теперь я хочу понять, зачем кораблям осуществлять посадку на Кьюиге

— Нам не докладывали об этом… сэр. — Офицер опять нервно сглотнул. — Предполагаю, что повреждения крейсеров не могут быть исправлены в космосе. Многие операции проще и быстрее произвести на земле, при наличии силы тяжести, пригодной для дыхания атмосферы и ремонтной базы, которой неизбежно должен располагать любой космический порт.

— Когда вы должны выйти на связь с базовыми кораблями? — оборвал его пояснения Нечаев.

— Последний сеанс был осуществлен в разгар штурма береговых укреплений, когда стало ясно, что полковник Шерман и майор Райбен погибли. Командование принял на себя капитан Макмиллер, но сейчас и он мертв.

— Кто из вас старший по званию? — спросил Нечаев, глядя на двух оставшихся под тентом маскировочной сети офицеров Земного Альянса.

— Я, — после недолгой паузы сознался угрюмого вида пилот в обгоревшей униформе, не принимавший до сих пор участия в допросе.

— Ваше имя и звание?

— Джон Хански, капитан, командир второго механизированного взвода, — ответил он.

— По старшинству, при сложившихся обстоятельствах, вы должны принять на себя командование соединением? — спросил у него Вадим.

— Да.

Нечаев некоторое время молчал, что-то обдумывая, затем указал капитану на станцию связи, демонтированную с одного из подбитых «Фалангеров». Рядом на треноге была установлена параболическая спутниковая антенна.

— Сейчас, капитан, вы выйдете на связь с базовыми кораблями, — произнес Вадим. — Доложите, что линия береговых укреплений прорвана и более ничто не препятствует продвижению серв-батальона к космопорту планеты. В вашем распоряжении осталось шесть «Фалангеров» и четыре

«Хоплита» — это истинные данные по количеству годных для ремонта серв-машин. Я хочу услышать, какие инструкции выдаст вам командование эскадры.

Капитан Хански поднял глаза, встретившись взглядом с Нечаевым.

— Что мы получим взамен? — спросил он, собрав для этого вопроса всю свою волю, потому что чувствовал, как необъяснимо робеет от одного вида сидящего напротив изможденного человека.

— Жизнь, — коротко ответил ему Вадим. — Вам будет сохранена жизнь.

Капитан молча склонил голову.

«Они признают только одну власть — власть силы», — с внезапной, необъяснимой тоской подумал Нечаев, следя за тем, как капитан усаживается на перевернутый ящик подле станции связи.

Он ощущал, как вместе с каждым действием, словом, направленным на стратегически быструю и одновременно морально жесткую реализацию выгод, полученных от тяжелой победы, в нем что-то необратимо меняется. Это было важно для него лично, но стремительное развитие ситуации не предполагало даже минутной передышки на то, чтобы отрешиться от насущных проблем, задумавшись о себе.

Он делал то, что требовали обстоятельства, разум, интуиция, а внутри что-то перенастраивалось, словно во время боя лопнули все струны души, и вот теперь там натягивали новые, не принятые рассудком и не одобренные сердцем…

Джон Хански сел на перевернутый ящик, надел на голову тонкий обруч коммуникатора с крошечным микрофоном на конце и положил руки на клавиатуру демонтированного с боевой машины терминала связи.

Дейвид Хорман, тот самый рослый беженец с Дабога, молча встал за его спиной, приставив к затылку земного офицера ствол пистолета.

Глядя на него, Вадим попытался представить, каким был этот человек до начала вторжения сил Альянса в систему Дабога, но не смог. Воображение отказывалось рисовать рослого, жилистого Хормана веселым, улыбающимся, окруженным своей семьей… «а ведь у него наверняка была семья…» — подумалось Нечаеву

Он многое не мог представить себе, в том числе и того, что на самом деле Дейвид — ученый, экзобиолог, специалист по гибридным формам жизни родной планеты. У него действительно была семья, но теперь все, что радовало его в прошлом, превратилось в пепел — серый прах радиоактивной зимы, который носил по новорожденным ледникам свирепый ветер…

Вадим лишь чувствовал, что становится похожим на него: живой внешне и *мертвый внутри*. Ощущать это было страшно, потому что все прежние моральные ценности, то, что составляло основу души молодого пилота, только вступившего в самостоятельную жизнь, безжалостно уничтожено, а взамен прорастало что-то страшное, холодное, чему еще не было названия, — была лишь боль и ощущение невосполнимой утраты…

* * *

Связь с орбитой установилась достаточно быстро. Вахтенный офицер, принявший позывные, выслушал доклад Джона Хански и ответил:

— Подождите, капитан, я не полномочен принимать решения по данной информации.

Задержка на том конце связи была недолгой.

Новый голос, зазвучавший в приборе связи, включенном на громкое вещание, чтобы диалог был слышен всем собравшимся на импровизированном КП, показался незнакомым не только защитникам Кьюига, но и двум присутствующим офицерам Земного Альянса.

— Докладывайте, капитан! — приказным тоном потребовал абонент.

— Прошу простить, с кем я говорю? — резонно осведомился Джон Хански.

— На связи временно исполняющий обязанности командира второй эскадры генерал Горнев, — ответил голос в коммуникаторе. — Адмирал сейчас в лазарете, он получил ранение в результате аварии. Докладывайте же наконец! Где вы находитесь? Каково состояние серв-батальона?

— Мы прорвали линию береговых укреплений. — Джон Хански взял себя в руки и говорил достаточно ровно, хотя ствол автоматического пистолета по-прежнему неприятно холодил его коротко стриженный затылок. — Теперь путь к космопорту Кьюига открыт, — произнес он. — Батальон понес тяжелые потери, погибли полковник Шерман, майор Райбен и сменивший его капитан Макмиллер. В моем распоряжении осталось десять машин — шесть «Фалангеров» и четыре «Хоплита».

На некоторое время наступила пауза. Генерал Горнев переваривал полученные новости, и Вадим с Дмитрием успели обменяться напряженными взглядами, — оба понимали, что от реакции исполняющего обязанности командира эскадры зависит сейчас очень многое, — в частности, судьба мирных поселений их родной планеты.

— Слушай сюда, Хански… — внезапно вновь зазвучал голос в коммуникаторе. — Я не в состоянии продержаться на орбите более двух стандартных суток. Эта бесноватая атака перевооруженных шаттлов

нанесла крейсерам эскадры огромный урон. Цепь аварий продолжается, но мы не можем остановить главные силовые установки, пока находимся в космосе. Конвойные носители уже буксируют флагман эскадры к точке орбиты, расположенной над космопортом. Я бы с удовольствием вывалил на головы аборигенов парочку орбитальных бомб, но космопорт нужен мне невредимым, понимаешь?

— Так точно, господин генерал… — дрогнувшим голосом ответил капитан Хански.

— Хорошо, что ты осознаешь это. Слушай приказ. — Горнев, видимо, не любил посвящать младших офицеров во все нюансы предполагаемых операций, но в данном случае у него не осталось иного разумного выбора, кроме как подробно проинструктировать капитана. — Оставь поврежденные серв-машины, скинь со своих плеч всю обузу и ускоренным маршем двигайся к столице — Клайфпорту, он обозначен на твоих тактических картах Космопорт расположен южнее, в двадцати километрах от него. Ты должен выйти к стартопосадочным полям не позднее чем через пятнадцать часов — синхронно с посадкой флагмана эскадры, который получил наибольшие повреждения. Сминай любое сопротивление на своем пути, но не останавливайся, пусть за твоей спиной окажутся какие угодно силы противника, — прорывайся вперед, чтобы обеспечить контроль порта в момент посадки.

Генерал Горнев опять на минуту прервал инструктаж, а затем добавил:

— Я послал ультиматум правительству планеты и получил ответ от некоего полковника Шахоева, который представился мне как командующий силами самообороны. Он согласен капитулировать под гарантию того, что мы не станем бомбить города и населенные пункты, но, судя по его уступчивости, он не знает о плачевном состоянии базовых кораблей эскадры. Мы сбили все спутники контроля, но неизвестно, какими наземными силами располагает этот полковник и как он поведет себя, когда увидит покалеченные корабли. Ты ведь должен понимать — во время атмосферного спуска мы будем вынуждены свернуть все огневые установки главного калибра, и прикрывать посадку будут только звенья космических истребителей, которые, как выяснилось, с трудом маневрируют в атмосфере. Так что главным гарантом безопасности кораблей эскадры по-прежнему остается твой серв-батальон. Нам необходимо, чтобы твои машины контролировали порт в течение пятнадцати минут, пока флагман не опустится на опоры. Как только мы коснемся стеклобетона, начнется процесс реактивации свернутых боевых систем. Развернув огневые комплексы главного калибра, я смогу

контролировать пространство в радиусе ста пятидесяти километров от корабля, а десантные группы организуют оборону ближних подступов. Но, повторяю, в момент посадки все будет зависеть от твоих машин. Если полковник Шахоев подготовил ловушку, то ты должен обнаружить ее и упредить этого аборигена, нанеся превентивный удар по вероятным силам сопротивления, прежде чем флагман начнет снижение.

— Я понял, — коротко произнес Джон Хански в ответ на длинный монолог командующего.

— Тогда действуй, капитан. Не теряй ни минуты. Продвигайся быстро и по возможности скрытно. Выйдешь на связь, когда будешь в пятидесяти километрах от космопорта, тогда и сведем наши действия в конкретный синхронный план.

— Да, господин генерал… — Хански покосился на Нечаева и Дорохова. Вадим кивнул ему, и капитан завершил фразу: — Я немедленно начинаю движение к космопорту планеты.

* * *

Это была самая длинная ночь в жизни Вадима Нечаева.

Ночь неотложных дел и одновременного перелома чувств, обновления души, если те ошметья, которые оставил жестокий бой от его прежних чаяний, надежд, принципов и привязанностей, можно было по-прежнему называть емким термином «душа»…

Ему думалось, что нет.

Ночная прохлада, упавшая с небес, как будто остудила разум, заставляя хаотичные бессвязные обрывки впечатлений складываться в осознанную и цельную картину произошедшего.

Он понимал, что уже никогда не станет прежним. Все теперь воспринималось иначе, жестче, критичнее, если не сказать — злее. Думая о себе, Вадим не мог сдержать непроизвольной, но надрывной внутренней усмешки. Жизнь жестоко проволокла его сквозь череду смертельных опасностей и вот отпустила теперь изможденного, но живого, заглянувшего в лицо смерти, но избежавшего ее цепких объятий…

Все рушилось. Хотелось хохотать, вспоминая уроки истории в среднеобразовательной школе, часы, посвященные параграфам, повествующим о Зоне Отчуждения, об извращенной и деградировавшей цивилизации юга…

Кого они пытались презирать, вуалируя свое высокомерное отношение обкатанными научными формулировками? Деградация, регресс, мутагенные факторы…

Кем была, например, Яна, отдавшая ему часть своих жизненных сил, возможно, состарившаяся на несколько лет ради его спасения? Разве она не являлась *человеком*?

Разве Зона Отчуждения — это не синтез двух биосфер?

Разве эти пришельцы с далекой прародины не такие же люди, как прочие обитатели Кьюига, и не повторял ли тот офицер на допросе слова из *кьюиганских* учебников!

Для землян они все — генетически нечистые особи, мутанты, сохранившие строение тела человека.

Хотелось спросить самого себя: «какой же я мутант?»

Но все перечисленное выше являлось лишь малой толикой вопросов и потрясений, которые узлом сплетались в сознании Вадима.

Он механически решал необходимые в данный момент организационные вопросы, отдавал распоряжения, спорил с Дмитрием по поводу попавших в плен техников Земного Альянса — можно ни доверять им при мелком ремонте поврежденных серв-машин, слушал ручательства Сайкова, а мысли все время сворачивали в одну сторону: ярко вспоминался тот миг, когда онемевший от напряжения палец потянул спусковую скобу автомата, и пули хлестнули, разбрасывая песок, с глухим металлическим звоном прошибая броню, выбивая алые брызги из-под ромбовидных керамлитовых пластин… Перед глазами стояли падающие, как подкошенные снопы, солдаты, тело полковника, отброшенное очередью на несколько метров, рука майора, в агонии царапающая окровавленный песок…

Скольких землян он убил и сколько еще предстоит смертей?

Вадим не испытывал мук совести, — внутри все будто окаменело, он лишь пытался отдать себе отчет: кем стал он и кем являлись люди, вторгшиеся на Кьюиг? Почему они убивали друг друга, испытывая одинаковую ненависть, одинаковый страх, равную боль?

Будут ли тени убитых приходить к нему по ночам?

Вадим чувствовал, что — нет. Он словно замерз изнутри, и это ощущение, когда ты понимаешь, что перестал страшиться, способен идти и убивать дальше, пусть ради великой цели независимости своей планеты… — это чувство ледяной пустоты, предопределенности оказалось на поверку во сто крат хуже панической нервной дрожи и прочих признаков непроходящего стресса, который он испытывал, едва встав на этот путь…

— Дима, я сейчас вернусь, — внезапно произнес Нечаев, прерывая разговор, от смысла которого он отключился, потеряв нить рассуждений.

— Ты куда, Вадим? — Дорохов удивленно посмотрел на него.

— Две минуты, ладно? — уклонился от прямого ответа Нечаев, исчезая в темноте.

Кормовые люки боевой планетарной машины были плотно задраены, рядом на корточках сидел часовой, в котором Вадим со смятением узнал Хьюго.

— Как нога? — машинально спросил он, внутренне устыдившись, что не отыскал андроида раньше.

— Все в порядке, Вадим, — в своей лаконичной манере ответил андроид. — Сержант Сайков, по-моему, неплохой парень. Он быстро сообразил, что на передовом рубеже обороны в достатке разных запчастей от подобных мне машин.

Вадим присел рядом с Хьюго, у которого действительно снова было две нога, и, достав сигареты, спросил:

— Ты можешь мне ответить, Хью, кто ты?

— Я?

— Да, ты. Ты воюешь на стороне одних людей, убивая при этом других, и чувствуешь себя, судя по всему, вполне комфортно. — Он искоса взглянул на андроида. — Где твоя зона отчуждения, Хьюго?

— Ты задал странный вопрос, Вадим, — повернувшись к нему, ответил дройд. — Если ты хочешь знать, почему я на вашей стороне, — то здесь мной руководит целесообразность. Для тебя я являюсь неоспоримой ценностью, союзником, другом, а для любого пришельца встретившийся на пути андроид незнакомой модели и непонятного поведения — лишь опасная и досадная помеха…

— А все-таки. Кем ты ощущаешь себя?

Хьюго задумался. На две или три секунды, но — задумался.

— Я — *нечто,* — наконец ответил он. — Не машина, потому что думаю, как люди, и не человек, потому что создан вами из искусственных материалов.

Вадим промолчал. Иные человекоподобные роботы аналогичной модели по сравнению с Хьюго выглядели бледными подобиями, хотя времени на саморазвитие у них было вполне достаточно. Да, за века колонизации их осталось мало, но Нечаев мог припомнить; как минимум десять-пятнадцать семей, у которых имелись старые машины…

Вадим глубоко затянулся, ощущая во рту не вкус табачного дыма, а лишь противную горечь, и спросил:

— Почему, в таком случае, другие андроиды твоей серии либо ушли от людей, либо до сих пор нянчат детей, вытирают пыль, а ты воюешь?

— А разве ты не понял? Когда включилась моя функция

саморазвития, исполнительный дройд по имени Хьюго превратился в любопытного младенца. Меня не только создали люди, но и воспитали… своим примером, прежде всего. Ведь бытие определяет сознание, верно? — уточнил он. — Да, частью моего существования являлась война, в момент столкновения двух человеческих анклавов, ну и что? Я ведь не застыл в той точке времени, а развивался до и после столкновения… — Заметив, что Вадим по-прежнему смотрит на него с недопониманием во взгляде, Хьюго пояснил: — Другим машинам моей серии повезло либо в большей, либо в меньшей степени. Кто попал в «нормальные» семьи, тот и вырос в своем саморазвитии в уравновешенного, преданного хозяевам, по-своему любящего их слугу, механического друга семьи. Если быть точнее, вырос не ощущающим никакой ущербности в таком положении. А кто-то достался людям неумным, злым, ненавидящим друг друга и развился соответственно в машину с неадекватным агрессивным поведением. Все очень просто, Вадим: вы нас создали, затем воспитали, а уже потом оглянулись на содеянное и справедливо ужаснулись, — ведь добрая половина бытовых машин развилась в агрессивных, не уважающих понятие «жизнь» механических отморозков. Но у кого они учились этому?

— У людей… — глухо признал Вадим, понимая, что иных источников наглядного примера у андроидов не было.

— Нас испугались и постарались убрать, разрушить, забыв о том, что путь саморазвития любой машины, как лиана, переплетен с поступками своих хозяев и невольных воспитателей, — подтвердил его мысль Хьюго.

— А кто воспитал тебя? — спросил Вадим, не чувствуя, что уголек сигареты начинает жечь пальцы.

— Хороший человек, — лаконично ответил дройд, понимая, что имя собственное ничего не скажет Вадиму. — Я вырос в сельве, среди небольшого сообщества людей, ведущих постоянную борьбу за выживание… Но беда всех машин — в нашем долголетии… — заметил он. — Был период, когда я ощущал себя нужным, созидал и одновременно развивался, но сменились поколения, произошла война, а после ее окончания потомки моих первых хозяев решили, что участие в боевых действиях изменило сущность всех андроидов и я лишь маскируюсь под преданного механического слугу семьи…

— Автоматная очередь… — начал было Вадим, но Хьюго прервал его кивком.

— Да, в меня стрелял последний хозяин, правнук того человека, которого я своими руками извлек из крионической камеры после крушения колониального транспорта. В отличие от прадеда, он не любил машины и

не доверял им.

— И ты?

— Я ушел… Уполз в горы, подальше от сельвы, чтобы затаиться во мраке пещеры, и еще некоторое время стоял там, полностью обездвиженный, пока не решил закончить это бессмысленное прозябание. Я погасил свой реактор.

Вадим переживал откровенный рассказ андроида с не меньшей глубиной, чем делал бы это, слушая человека. Жизнь не переставала удивлять его. Оказывается, у машин тоже есть свои судьбы, короткие и длинные, драматичные или спокойные… Здесь, на Кьюиге, смешались в едином котле не только три человеческих анклава, существовала еще и механическая ветвь носителей псевдоинтеллекта, если последнее слово сохранило справедливость своей приставки…

И вот теперь сюда вторглась еще одна сила, которая реально грозит уничтожить сложившийся уникум… «Сколько лет мы жили, не видя друг друга, заочно презирая иные сообщества людей и даже не подозревая о самоорганизованном анклаве машин…» — подумал он. — «А ведь поздно», — пришла еще одна мысль. — «Андроидов уже успели уничтожить, превратив их загадочную самобытность в груды опаленного покореженного металла…»

— Значит, тебя насильно вернули к жизни? — вслух спросил он.

— Да. Это сделал сержант Сайков, компьютерный техник того взвода, который почти в полном составе погиб в глупом столкновении с моими более агрессивно развившимися собратьями. Их следовало просто обойти стороной…

Нечаев горько усмехнулся:

— Я смотрю, ты делаешь жизненный выбор, но не держишь при этом зла…

— Да, потому что я машина и мыслю несколько иными категориями ценностей, — ответил андроид. — Вы, люди, сами разберетесь друг с другом, а для меня важен Кьюиг, планета, где родилось мое сознание. Если ее превратят в шлак, как Дабог, мне придется хуже, чем тогда в пещере…

Вадим отшвырнул в сторону давно погасший окурок.

Направляясь сюда, он хотел поговорить с офицером, которого едва не приговорил к расстрелу за наглую, выводящую из себя надменность, но после общения с Хьюго говорить еще с кем-либо попросту расхотелось.

Прежде стоило разобраться в самом себе, понять, сможет ли он делать *свой* выбор, не испытывая при этом жгучей, сводящей с ума ненависти, когда каждое неосторожно оброненное слово будет для него поводом к

расстрелу. Хватит ли у него силы воли, чтобы преодолеть растущую внутри пустоту, найти новый смысл во внезапно захватившем его водовороте смертей и событий?

Чем он мог уравновесить народившееся внутри бездушие?..

«Ведь все закончится рано или поздно, и чем я буду жить тогда?» — Вадим спросил это у самого себя, даже не задумавшись о том, что война, по сути, только начинается, и неизвестно, сколько отмерила ему судьба. День? Два? Остаток этой ночи или полную жизнь, до естественной старости?..

* * *

Не в силах справиться с собой, Вадим просто ушел в ночь.

Для этого не нужно было шагать многие километры, — тьма окутывала склоны близлежащих холмов, нависая над ними тяжким осязаемым саваном, сквозь который не было видно ни зги.

Он шел, пошатываясь от измождения, пока под ногами не зашуршала мягкая, шелковистая, чудом уцелевшая на склоне трава.

Упав на нее, он понял, что травостой пахнет смертью. От благоухания Кьюиганской степи остались лишь жалкие флюиды, забитые горьким запахом пожарища и кисловатым — взрывчатки…

Он лежал, раскинув руки, смотрел в бездонный колодец неба, где ярко сияли звезды, и осознавал, что тонет в захватившем его душу и разум водовороте. Скоро наступит утро, и он потеряет право на сомнения, поведет вместе с Дороховым отремонтированные за ночь серв-машины и доверившихся ему людей на защиту космопорта, навстречу тяжелым крейсерам далекой прародины, которые будут опускаться с небес как покалеченные, но все еще смертельно опасные левиафаны…

Вадим не мог остановить безудержный круговорот мыслей, хотя хотел, хотел до дрожи, до зубовного скрежета… но ненависть нечем было уравновесить, и он все глубже погружался в черноту мыслей, и на ум уже шли избирательные картины! Он видел вытоптанную степь, курящиеся дымом воронки, презрительную гримасу на лице полковника Шермана, направляющего ему в лоб ствол импульсного пистолета…

«Они нелюди…» — стучало в висках.

Тогда кто люди?

Зачем пытаться понять мотивы захватчиков, когда достаточно отдаться течению черного водоворота и просто исполнять свой долг, драться до конца, до последнего вздоха, как он делал это накануне днем?

Вадим так глубоко погрузился в свои растерзанные мысли, что услышал шелест раздвигаемой травы только в тот момент, когда влажный

нос пса уже ткнулся ему в щеку.

Вздрогнув, Вадим резко сел.

Силуэт Яны четко прорисовывался на фоне звездного неба.

«Зачем она пришла?..» — Первая мысль по инерции оказалась злой, отчужденной, но потом, спустя секунду, Вадим заметил, что девушка стоит, сжимая в руках знакомый ему шунт, и от этого стало вдруг еще горше на душе, будто он подсознательно ожидал чего-то другого…

Потонув в своих мыслях, Нечаев на секунду забылся, запамятовал, что сегодня утром, спустя буквально несколько часов, он нужен батальону свежим, здоровым, полным энергии и сил… И вот она пришла к нему, отыскала в ночи с помощью пса, чтобы отдать ему еще одну частицу собственной жизни ради защиты планеты, ради…

Яна сделала шаг навстречу, присела рядом, коснулась прохладной ладонью его плеча, ощутив, что мышцы Вадима напряжены до дрожи, что он вот-вот сорвется, лишь бы скинуть дикое внутреннее напряжение.

Она интуитивно почувствовала, что он сейчас вскочит, наорет на нее, и сжалась, словно ожидала этого хлесткого удара…

Они не произнесли ни звука, все заключалось в нескольких жестах, случайном касании, и Нечаев вдруг увидел себя со стороны, — бледного, усохшего, с перекошенным лицом, и ее — сжавшуюся.

«Боже, что сделал с нами этот день…»

Он вспомнил, как Яна смотрела на него раньше, и вдруг болезненно догадался: Зона Отчуждения в ее душе растаяла, она пришла к нему не как сестра милосердия, исполняющая свою обязанность, а как приходит человек к человеку…

Осознание этого больно резануло, оставив еще один невидимый шрам.

Он не знал, что ему делать, как себя вести, лишь внутри все дрожало от напряжения, словно все его чувства сплелись сейчас в единый клубок и душат, душат последнюю искру, оставшуюся от самосознания того Вадима Нечаева, который жил просто и беззаботно всего две недели тому назад…

Он еще не понял главное: эта искра — самое ценное, что у него осталось.

Яна повернула голову и посмотрела на степь — ровный пласт черноты, уходящий к сереющему, предвещающему скорое утро горизонту.

Их Зона Отчуждения осталась позади, она была пройдена их ногами, изрыта воронками от выпущенных в них снарядов, полита их кровью… У нее тоже осталась лишь малая частица прошлого мироощущения, осколок души, который она принесла сюда, к Вадиму.

Ни он, ни она не могли знать, как из обычных, ничем не примечательных людей выковываются души солдат.

Сейчас они не думали об этом. Они боялись потерять самих себя в окружающем мраке, и потому их руки непроизвольно потянулись навстречу друг другу…

Шунт биологического контакта с шелестом упал в прогорклую траву. Пес, фыркая, прошел несколько шагов вниз по склону и исчез в темноте, повизгивая приводами протезов.

У него тоже были свои дела, и он не хотел мешать двум людям, оставшимся в траве на изуродованном склоне прибрежной высоты.

Благодаря своему примитивному и бесхитростному восприятию жизни, пес был в данный момент намного прозорливее двух людей, — они найдут путь в окружающем мраке, их души сольются, потому что нуждаются в любви, которая способна если не погасить, то, по крайней мере, приглушить вскипевший в их душах ад…

Конечно, мысли исчезнувшего во тьме пса были более просты, но они отражали именно такой смысл.

Когда полоска зари окрасила багрянцем далекий горизонт, он вернулся и застал их спящими, тесно прижавшимися друг к другу.

Трава вокруг была помята.

Отыскав по запаху валяющийся в стороне шунт, пес принялся будить Яну и своего нового хозяина.

Наступал день, еще более тяжкий, чем предыдущий.

Глава 11

Побережье. Раннее утро

— Батальон, строиться!

Солнце горячечным шаром висело низко над землей, воздух еще стыл прохладой ночи, клочья тумана плыли вдоль земли, смешиваясь на том берегу пролива с лениво дымящимися остовами безнадежно выгоревших серв-машин.

Десять исполинов высились над разрушенными бетонными укреплениями правобережья. Пять «Фалангеров», четыре «Хоплита» с терминированными программными пакетами «Одиночка» и «Ястреб» — переоборудованный для нужд войны аграрный шагающий робот с планеты Дабог — один из прототипов выстроившихся рядом земных машин.

Между сервоприводными колоссами стояли четыре БПМ.

Построение происходило на бетонной площадке перед мостом, достаточно обширной, чтобы уместить всю технику вновь сформированного серв-батальона. Поодаль, в начале прорубленной за ночь просеки, застыли два штурмовика, переоборудованные из обычных челночных кораблей.

Люди на фоне выстроившейся техники казались ничтожными букашками, но именно они, а не механические титаны являлись главной движущей силой событий.

Вадим и Дмитрий стояли напротив выстроившихся шеренг.

Подле каждой серв-машины находилось по три человека: пилот и двое техников. Исключение составлял «Ястреб», который мог обслуживать только сам Дрейк. Несмотря на усилия земных конструкторов, серв-машины Альянса радикально отличались от аграриев Дабога, и ни один техник, обучавшийся для работы с «Фалангерами» и «Хоплитами», не мог за одну ночь вникнуть в тонкости конструкции инопланетной машины.

Впрочем, никто и не пытался это сделать. Ночь ушла на предварительное формирование соединений, и только под утро отобранные по рекомендации Сайкова техники приступили к осмотру и срочному ремонту машин разгромленного парка планетарной техники.

Нужно отдать им должное, — люди, за которых поручился Сайков, работали на совесть. Сначала Вадиму показалось, что они делают это из страха за свою судьбу, но, вернувшись перед самым рассветом вместе с Яной с того холма, где они провели всего несколько часов, он присмотрелся

к работающим и по долетавшим до него репликам вдруг понял — они не дрожат за свою шкуру, а, наоборот, стараются скрыть невольную радость от внезапного оборота событий.

«Какими же были их прежние условия существования и жизненные перспективы, если плен в их понимании благо?» — невольно подумалось ему, и эта мысль прозвучала в унисон с остальными, созревшими этой ночью выводами.

Посоветовавшись с Дороховым, он направился тогда к бронемашине, где в наглухо запертом кормовом отсеке сидели трое пленных пилотов.

Хьюго поблизости уже не было, андроид помогал техникам в восстановлении девяти пригодных к дальнейшей эксплуатации серв-машин, но формирующемуся на глазах батальону не хватало одного пилота. Четверо беженцев с Дабога имели опыт вождения шагающих исполинов своей родины и с готовностью выставили собственные кандидатуры, сам Нечаев уже имел минимальный опыт управления «Фалангером», Сайков, без сомнения, автоматически вливался в отряд, Дорохов, который провел много часов в общении с Германом Дрейком, вызвался занять рубку управления легкого «Хоплита», еще один техник, по рекомендации Николая, был допущен к пилотированию разведывательной машины, и, неожиданно для Вадима, Яна категорично заявила, что она в состоянии сладить с тридцатитонным серв-механизмом, если тот будет переведен на полуавтоматическое управление.

Вадим не поверил ей, запротестовал, но Яна доказала свою состоятельность. Вскарабкавшись по лесенке внутрь «Хоплита», она, выслушав инструкции Сайкова, заставила машину не только сдвинуться с места, но и сделать своеобразный круг почета по периметру бетонированного плаца, где происходила подготовка машин.

Закончив эти операции и спрыгнув на землю, она объяснила, что в их поселке осталось много техники, с которой, по сложившейся традиции, были сняты блоки полной автоматики, а все управление осуществлялось через вторичные полуавтоматические цепи.

Вадиму некогда было вникать в подробности, оставалось лишь довериться ей, памятуя о том, как он сам, впервые попав в рубку управления «Фалангером», смог вступить в бой, управляя тяжеловесной, абсолютно незнакомой ему машиной. Земные инженеры действительно сотворили техногенное чудо, сделав интерфейс управления новых боевых машин доступным для любого человека, который знаком с техникой и не испытывает перед ней комплексов и фобий…

Таким образом, оставалось решить проблему с одним пилотом для

«Фалангера», и Вадим, понаблюдав за техниками и их реакцией на события, решился поговорить с капитаном Хански.

Вадим интуитивно выбрал его, отбраковав лейтенанта за трусливость и нервозность, а второго капитана за нескрываемую ненависть и презрение, которые он демонстрировал по отношению к людям, населяющим Кьюиг.

— Джон, на пару слов, — произнес Нечаев, отворив задний люк БПМ.

Хански, согнувшись, вылез наружу. Нечаев закрыл за ним люк и предложил:

— Отойдем в сторону.

Достав сигареты, он протянул пачку пленному офицеру. Тот отрицательно покачал головой.

— Не курите, капитан?

— Почему же… — Хански ответил угрюмо, но без вызова в голосе. — Остерегаюсь, — объяснил он.

Вадим понял, что подразумевает Джон. Все они, от генерала до последнего рядового, были детьми иной биосферы, и даже здесь, на удалении в сотни километров от пограничных зарослей сельвы, никто из землян не мог чувствовать себя спокойно. Они дышали особым образом, — это бросилось в глаза Нечаеву еще при встрече с Сайковым, который вдыхал через нос и выдыхал ртом. Голоса всех землян поначалу казались Вадиму одинаково гнусавыми, по той причине, что в носу у каждого из пришельцев располагались специальные фильтры, — незаметные снаружи, они пропускали сквозь себя воздух Кьюига, очищая его химическими реагентами, и только после этого жизненно важный компонент получали легкие человека.

— Я не стану лукавить, Хански, нам нужен пилот, — произнес Вадим, прикуривая сигарету.

Джон заметно побледнел По его лицу несложно было понять, сколь противоречивы вспыхнувшие в нем чувства. Он молчал, не глядя на Нечаева, а его правая щека заметно подергивалась при каждом выдохе.

— Ты думал, что утром вас выведут на расстрел?

Вадим вспомнил самого себя на временном КП в период допроса и внутреннее усмехнулся, мысленно признавая закономерность реакции пленного. С ним стоило поговорить начистоту, без упреков и угроз, высказав наконец истинную суть вещей, о которой Вадим думал всю эту бесконечно длинную ночь…

— Нет, ты ошибаешься, Джон, — произнес Вадим, облокотившись о борт бронемашины. В данном случае ему было наплевать на тот факт, что еще как минимум двое офицеров слушают его слова, — все, что он

собирался сказать, в равной степени относилось и к ним.

— Рано или поздно, Нечаев, мы все сдохнем. — Голос Джона Хански прозвучал глухо и вызывающе. Он внезапно расстегнул магнитную липучку на манжете униформы и, задрав рукав, показал Вадиму небольших размеров капсулу с мутноватой жидкостью, которая была двумя заостренными концами имплантирована в вену. — Это метаболический преобразователь. Фильтры в носу уже действуют плохо, запас их реагентов истощился. Когда кончится ресурс этой капсулы, я просто заболею и умру от какой-нибудь формы вашего легкого насморка.

— А ты не подозревал об этом, когда вас пичкали сказками о райских планетах и свободных поселениях под открытым небом? — спросил Вадим. — Никто из вас не задумывался о том, что это будут *чужие планеты*?

— Задумывались… — Хански исподлобья посмотрел на Нечаева и вдруг попросил: — Дай сигарету… Один черт, фильтры уже практически не работают…

Вадим молча протянул ему пачку, потом дал прикурить от своей зажигалки.

Джон жадно затянулся, вдыхая и выдыхая ртом, и у него вдруг закружилась голова. Он не знал, что тому виной: воздух Кьюига, напрямую попавший в легкие, или содержащийся в табаке никотин, от которого приходилось долго воздерживаться…

— Все мы догадывались, что миры, куда нас послали, далеко не райские… — поборов головокружение, произнес он. — Только дурак мог не понять этого, когда нас инструктировали экзобиологи, а потом вшивали эти капсулы и учили правильно дышать, пользуясь фильтрами. Но жизнь на Земле еще хуже, в сто, в тысячу раз…

— Это дало вам право бомбить Дабог? Убивать, жечь, уничтожать целые народы, не заботясь и не задумываясь о том, что они могут быть неповторимыми по своей природе?

— Пытаешься совестить меня? Тогда лучше расстреляй, как собирался, все равно каюк нам. В этой мясорубке победителей не будет. Те, кому доведется жить на этой планете, сейчас не тут и даже не на орбитах, а на Земле. Это война на годы… — Он неожиданно сплюнул на бетон под ребристые колеса бронемашины. — Ни ты, ни я не доживем до ее завершения…

— Ошибаешься, Джон. — Вадим сумел сдержать себя в руках и говорил достаточно ровно. — Во-первых, я гарантировал вам жизнь, а во-вторых, мы не звери и не дегенераты, ведущие полудикий образ жизни, как

пытался заявить твой коллега. У нас также есть и передовые технологии, и наука, иначе наши предки попросту не выжили бы тут.

Он выбросил окурок, который прочертил во тьме огненную дугу и рассыпался снопом гаснущих искр.

— Мне трудно представить Землю, Джон, но я понял одно: там у тебя не было выбора, — здесь же он есть. Прекрати думать, как баран, идущий на убой вместе с остальным стадом. Я предлагаю тебе сесть в рубку серв-машины не потому, что считаю тебя потенциальным предателем… — Он взглянул на часы. — Меньше чем через сутки ваши крейсеры начнут посадку в космопорту Кьюига. Если они сделают это беспрепятственно, смогут высадить десант, отремонтироваться и вновь уйти в космос, в дальнейшем все выйдет именно так, как ты сказал: бойня будет продолжаться долгие годы, и мало кто из нас сумеет дожить до ее финала.

— А что будет, если мы остановим силы Горнева? Что изменится от этого?! — Губы Хански дрожали, потому что он, при всем прежнем самообладании, сейчас балансировал на грани истерического срыва. Сказывался психологический прессинг долгих переходов через сельву, внезапного, ожесточенного боя и неожиданного поражения…

— Изменится баланс сил, — ответил ему Нечаев. — Мне непонятно, почему я должен объяснять офицеру космофлота, что такое война в космическом пространстве?

Хански смотрел на него, пытаясь унять распоясавшиеся вдруг чувства, — он действительно плохо соображал в этот момент, потому что остро осознавал: этот парень, которому еще наверняка нет и тридцати, ни в одной из своих черт не отражает тот образ полудикого, злобного туземца-мутанта, который рисовала им пропаганда.

— Никто в колониях не готовился к войне, — наблюдая его замешательство, произнес Вадим. — Мы помнили о Земле, но варились в собственных проблемах выживания. Наша техника и технологии не имели военного уклона, но, тем не менее, Дабог вам взять не удалось, там на орбитах уничтожен целый ударный флот, затем планета Элио сумела отбить атаку, и вот основные силы Альянса на наших орбитах. — Нечаев рассуждал вслух, формулируя эти выкладки, в том числе и для себя самого, потому что, прожив эту ночь, связанную с личным моральным выбором, он уже мыслил иными категориями — Если мы возьмем второй ударный флот при посадке, у Альянса фактически не останется крупных космических соединений, пригодных для масштабных боевых действий, — заключил он.

— Этим ты не остановишь войну, — угрюмо возразил Джон. — К тому же есть еще и третий ударный флот, — заметил он, но тут же осекся,

думая, что сболтнул лишнее.

— Да, — согласился Вадим, не обращая внимания на скомканную, оборванную на полуслове последнюю фразу Джона Хански. — Но космос и, в частности, гиперсфера — это не накатанный автобан, по которому непрерывным потоком могут домчаться боевые соединения. — Вадим развивал собственную мысль. — С потерей двух флотов Земле так или иначе потребуется строить новые корабли, наступит неизбежная передышка От немедленных бомбардировок будет спасен не только Кьюиг, но и другие планеты.

Джон вскинул голову, посмотрев на Вадима. Ему был непонятен этот человек, более того, он терялся перед ним, робел, не понимая, как могут в голове Нечаева уживаться молодость и здравомыслие, жесткая, как казалось ему, воля, которую совсем недавно он видел в безумно усталом, словно бы провалившемся внутрь самого себя взгляде, и эта наивная вера, что ход событий можно изменить, что Земной Альянс, несмотря на мелкие победы колонистов, можно одолеть в принципе.

Запущенная на полную мощность индустрия войны, которая работала сейчас в родной для Джона Солнечной системе, по-прежнему казалась ему неодолимой силой. Он не верил, что Землю можно победить.

Однако это были общие рассуждения, а что касается сиюминутной ситуации…

Трудно было представить, что Нечаев так остро нуждался в одном-единственном пилоте, чтобы прийти к врагу и разговаривать с ним, не принуждать, угрожая расправой, а убеждать…

Хански прислонился к холодной броне БПМ и некоторое время смотрел в сереющие утренние сумерки.

Он молчал, медленно приходя в себя после столь внезапного оборота событий, и начинал смутно понимать: ему ведь только что предложили именно то, ради чего он вынужденно покинул Землю, право собственного выбора, и если повезет — то возможность жить под открытым небом, без смога, толкотни и…

Он повернул голову, посмотрел на Нечаева и глухо спросил:

— Ты собираешься предложить подобный выбор всем, кто сейчас составляет экипажи крейсеров?

— Да, — без колебаний ответил Вадим. — Но прежде нам придется драться, Джон. Насмерть. — Слова Нечаева звучали глухо и отрывисто в серых утренних сумерках. — Ты можешь принять мое предложение или остаться сидеть взаперти в бронемашине — это твой выбор. Я не стану принуждать тебя, Хански.

Джон кивнул. Он понимал это.

— Я пойду с вами, — с усилием произнес он.

Все эти сцены припомнились Вадиму за минуту, пока он осматривал построение батальона.

Думал ли он две недели назад, когда поднимал свой неуклюжий шаттл навстречу приближающейся к Кьюигу армаде земных кораблей, что пройдет сквозь ад, но останется жив и примет командование последним, на ходу сформированным боевым соединением родной планеты?

Конечно, нет.

Нам не дано полностью предугадать свою судьбу, мы можем лишь совершать отдельные осознанные поступки, которые в той или иной мере формируют события, влияют на них…

Эта линия в равной мере может вести к жизни или смерти.

Солнце уже проклюнулось над горизонтом, и Нечаев скомандовал, взмахнув рукой, словно отсекая этим жестом все, что было раньше, все сомнения, боль, двусмысленность, потому что некий отрезок жизни был пройден, завершен, и этими словами начинался новый виток событий:

— По машинам!

* * *

Район пятидесятикилометровой зоны защитных лесопосадок
Кьюиганского космопорта. Шестнадцать часов спустя

— Хански, связь с орбитой. Переходи на прием.

— Понял, командир.

Кустарниковые заросли чуть шевельнулись в том месте, где притаился «Фалангер» Джона.

Нечаев, оперировавший сразу тремя каналами связи, переключился на частоту разведывательного звена.

— Дима, это Вадим. — Планируя операцию, они не стали вводить мудреные позывные, сочтя, что имена собственные ничего не скажут противнику, даже в том случае, если последнему удастся перехватить ультракороткие частоты, которыми пользовались подразделения вновь сформированного серв-батальона.

— На приеме, — отозвался Дорохов.

— Позиция? — За семьсот километров пути Нечаев вполне освоился с компьютерным оборудованием своего «Фалангера» и сейчас прокручивал на тактическом мониторе электронную модель рельефа местности, окружавшей космопорт.

— Шестой квадрат. Окраина лесополосы, — доложил Дорохов. — Наблюдаю третье и седьмое стартопосадочные поля. Все тихо, людей не вижу.

— Хорошо. Рассредоточь машины, — произнес Вадим, напряженно ожидая, когда начнется диалог с орбитой. — Поставь «Хоплитов» на упоры для точной стрельбы, — посоветовал он. — Думаю, что впереди пойдут истребители. Нам нельзя выдавать себя, пока все четыре корабля не начнут спуск. Они должны «увязнуть» в атмосфере, без шанса обратного рывка на орбиту, прежде чем мы начнем действовать.

— Я понял. — Вадим представил, как Дорохов кивнул. — Истребители ходят у нас над головами, пока ты не отдашь приказ.

— Да, именно так.

— Земля, здесь орбита.

— Земля на связи. Прием подтверждаю. Шифрованный сигнал был предназначен капитану Хански.

В отличие от Нечаева, пользовавшегося для связи с подразделениям серв-батальона каналом ультракоротких волн, который не могли полноценно перехватывать высокоскоростные истребители или находящиеся на орбите крейсеры, Джон был вынужден пользоваться шифрами и частотами земной эскадры. Единственной машиной, на приемник которой дублировался дешифрованный сигнал, являлся командный «Фалангер» Нечаева.

— Истребители прикрытия начинают вход в атмосферу. — Это, несомненно, был голос Горнева, хотя из предосторожности он не называл званий и фамилий. — Доложить позицию и обстановку!..

— Рассредоточился вокруг посадочных полей, по всей зоне лесополосы, — ответил Джон Хански. — Докладываю: посадочные поля пусты Людей не вижу, за исключением одного человека у дверей главной диспетчерской башни. Техника на полях отсутствует. Средства противокосмической обороны не зафиксированы.

Несколько секунд прошло в напряженной паузе: Горнев сравнивал результаты орбитального сканирования с докладом офицера, но датчики крейсеров могли лишь подтвердить: тепловые сигналы, определенные как серв-машины, действительно рассредоточены по периметру лесополосы, окружающей космический порт Кьюига.

— Хорошо, капитан. Удерживай позиции. Твоя основная задача — огневое прикрытие зоны посадки в случае внезапных провокаций. Мы начинаем маневр снижения. До связи.

— Понял вас, орбита. До связи, — Хански отключился.

Вадим чуть повернул торс своего «Фалангера». Его заинтересовал тот человек, которого заметил капитан.

Бесшумно включилась система оптического увеличения, и на контрольном мониторе изображение главной диспетчерской башни рванулось навстречу, укрупняясь в подробностях.

У открытых дверей действительно стоял человек.

Нечаев невольно напрягся. Это был полковник Шахоев, заметно постаревший, кажущийся изможденным…

Сложно было предугадать, *кем* он ощущает себя в данный момент — последним защитником планеты, вышедшим навстречу опускающейся с небес несокрушимой и всесокрушающей силе, или же малодушным изгоем, сдавшим Кьюиг врагу без каких-либо попыток организовать хотя бы номинальное сопротивление посадке поврежденных крейсеров Земного Альянса?

Хотелось надеяться, что Шахоев все еще морально оставался солдатом, не предавшим своей земли. Вадиму было больно смотреть на его одинокую фигуру, хотя этот человек своими приказами погубил много хороших парней, — таких же молодых и неопытных, каким был Вадим некоторое время назад…

Ход его мыслей прервал тугой, разрывающий небеса рев.

* * *

— Внимание всем: истребители!

Нечаев немного приглушил громкость трансляции с внешних микрофонов своей серв-машины. Накатывающийся из поднебесья звук казался нестерпимым для слуха, хотя это был лишь отголосок: предназначенные для полетов в космосе «Гепарды» пронзили лазурную высь где-то у границ стратосферы, чтобы, постепенно снижаясь, совершить разворот и вторично выйти в район космопорта уже на малых высотах.

Визуального контакта с ними не пришлось долго ждать.

Космические истребители появились у горизонта в виде ослепительных точек. Им понадобилось лишь мгновение, чтобы, обгоняя звук, укрупниться, за секунду превратившись в горбоносые, короткокрылые машины, которые тремя звеньями пронеслись над пустыми посадочными полями и, сверкнув в лучах полуденного солнца скошенными плоскостями крыльев, начали заходить в пологий вираж для разворота, интенсивно тормозя при этом реактивными двигателями.

Ослепительные клинки плазмы, трепещущие на срезах дюз

планетарных двигателей, казались издалека маленькими солнышками, сияющими под крыльями каждой из девяти машин.

Они прошли низко, подняв шквальный ветер и породив тугую волну запаздывающего звука. «Гепарды» уже разворачивались над лесом, а громоподобный рев, усилившийся в десятки раз, догоняя их, прокатился над землей, заставляя деревья лесополосы дрожать, роняя хвою и листву с веток… По стартопосадочным полям шквалистый ветер нес несколько пустых ящиков, разбивая их в пластиковую щепу об углы зданий; беззвучно лопнули стекла в одном из офисов, осыпаясь на стеклобетон сверкающим дождем, и ненадолго наступила невнятно рокочущая тишина, пока девять машин не завершили вираж…

Третий раз они приближались к пустым посадочным полям, уже не обгоняя звук. «Гепарды» неслись на высоте тысячи метров со скоростью восемьсот километров в час, но издали казалось, что они приближаются очень медленно, словно черные слепни, завязшие в знойном мареве, истекающем от перегретых полуденным солнцем, закованных в панцирь бетона стартопосадочных полей.

— Земля, здесь ведущий первого звена, — раздался в коммуникаторе незнакомый Нечаеву голос. — Наблюдаю один лишний тепловой сигнал. Контур машины не опознан бортовой системой идентификации.

— Лидер первого, здесь земля. Все в порядке, — отреагировал Джон Хански. Памятуя о наставлениях Нечаева, он не стал лгать, а доложил по существу: — Это захваченный у переправы аграрный робот колонистов. Аналог легендарного «Беркута». Очевидно, он был эвакуирован с Дабога одним из прорвавших блокаду транспортов.

Несколько секунд тишины, и вновь в коммуникаторе раздался голос:

— Вам крупно повезло, капитан. — Видимо, командир эскадрильи сверился с бортовыми справочниками. — Командование оценит такой трофей… — с нотками зависти в голосе произнес он и тут же переключился на более актуальные в текущий момент, малоприятные для Джона Хански вопросы: — Почему не работают системы «свой-чужой» на «Хоплитах»? Мои сканеры не фиксируют сигнала.

— Компьютерный комплекс «Одиночка» временно отключен. В рубках находятся пилоты.

— Причина?

— Неадекватная работа программного комплекса. Система «Одиночка» скверно проявила себя при штурме укреплений противника. Я перевел уцелевшие машины на ручное управление.

Пока длился этот диалог, девять космических истребителей вновь

пронеслись над портом, сотрясая ревом турбин стены зданий.

— О’кей, капитан. — Командовавший эскадрильей офицер наконец удовлетворился пояснениями Джона Хански. — Я ухожу из зоны посадки базовых кораблей. Буду барражировать над периметром, — осведомил он мнимого командира серв-соединения о своих намерениях.

— Понял, — ответил Джон, ощущая, как нервное напряжение начинает понемногу отпускать. Прав был Нечаев: любая попытка лжи провалила бы всю операцию. Пилоты истребителей должны видеть и верить, что зона посадки блокирована машинами серв-батальона, не подозревая, что, кроме Джона Хански, в рубках шагающих исполинов более нет ни одного офицера Земного Альянса…

Наступил критический миг. Сейчас командир эскадрильи доложит на орбиту о результатах проверки зоны посадки, и тогда наступит главное действо: четыре крейсера, состыкованные с буксировочными кораблями, начнут финальную фазу геостационарного маневра — вертикальный спуск вниз, на посадочные поля Кьюиганского космопорта.

В томительном напряжении прошла одна минута, затем вторая, третья… Над притаившимися в лесополосе серв-машинами, едва не задевая кроны деревьев, с адским ревом неслись по многокилометровому кругу три звена космических истребителей, а далеко вверху, на недосягаемой глазу и приборам высоте, крейсеры, уравнявшие свою орбитальную скорость со скоростью вращения планеты, начали плавный спуск вниз…

…В распоряжении Нечаева не было средств орбитального контроля, — он мог только догадываться о том, что на самом деле происходит сейчас на границе стратосферы…

…Дорохов, чей «Хоплит» стоял среди редколесья, глубоко вогнав в податливую почву два гидравлических упора, предназначенных для дополнительной устойчивости при стрельбе, поднял торс своей машины, задирая рубку к небесам. Пока боевой компьютер сопровождал низко летящие цели, поворачивая стволы спаренной зенитной установки синхронно с движением звена «Гепардов», он, включив максимальное оптическое увеличение, до рези в глазах вглядывался в лазурные небеса, на которых не было ни единого облачка…

Минуты текли, как вечность.

Изматывающий нервы рев, томительное ожидание, смерть, несущаяся над головами в виде хищных горбоносых космических истребителей… Нет ни ощущения плеча друга, ни настоящего боевого единения, — слишком протяженным для одиннадцати серв-машин оказался занятый ими

периметр круговой обороны. Деревья и расстояние скрывали отдельные боевые единицы друг от друга, и каждый понимал, что после приказа «Огонь!» ему придется действовать в одиночку…

Дерзость, граничащая с самоубийством, тонкий расчет, стоящий на зыбкой грани, — в любой момент Горнев может потребовать доклад не от капитана Хански, а от пилотов отдельных серв-машин, и тогда обман мгновенно раскроется…

Жара стояла невыносимая.

Небо казалось обжигающе-ярким, горячечный диск солнца завяз в зените, и глаза слезились от напряжения…

…Вот они!

Дорохову показалось, что с глаз внезапно сорвали мутную пелену. Разом заработали все системы оперативного слежения, и одновременно с визуальным контактом на тактический монитор начали поступать данные о составе снижающейся орбитальной группировки.

Четыре крейсера осуществляли автономный маневр, снижаясь с интервалом в тысячу километров, — на приборах оптического увеличения это выглядело как четыре ослепительных рукотворных солнца, выстроившихся «лесенкой». Они медленно опускались вниз; чуткие приборы серв-машины уже ухватили их своими датчиками, и теперь можно было с уверенностью судить о том, насколько глубоко вошли крейсеры в атмосферу Кьюига.

«Рано… пока еще рано…» — мысленно повторял про себя Дорохов.

…Вадим на своих мониторах видел то же самое.

Бортовой компьютер его «Фалангера» быстро проанализировал все параметры спуска эскадры и выдал на суммирующий дисплей конечный результат вычислений.

Семьдесят две секунды до той гипотетической «точки невозвращения», откуда верхнему звену построенной крейсерами «лесенки» уже не хватит ресурса, чтобы вскарабкаться назад, в зону низких орбит.

К этому времени нижний крейсер окажется на высоте двадцати километров над районом стартопосадочных полей.

Приемлемый результат. Вадим был хорошо осведомлен о том, что при такой схеме посадки бортовые орудийно-ракетные и лазерные комплексы громоздких кораблей находятся в свернутом положении, — все, что могло быть убрано за бронеплиты брони, втянуто сейчас крейсерами внутрь, они немы, слепы и глухи, до определенной степени, конечно, и главную угрозу представляют сейчас барражирующие над лесополосой космические

истребители…

Он посмотрел на показания приборов и коснулся сенсора на панели связи.

В эфир ушел короткий сигнал, не несущий внятной информации, — это был условный знак двум оставшимся в пятистах километрах отсюда шаттлам.

Напряжение росло, казалось, что его нервы не выдержат, — подсознательно каждому пилоту хотелось, чтобы скорее настал миг, когда все вокруг взорвется в коротком боестолкновении титанических машин…

Сдавленный писк вариатора целей заставил Вадима переключить внимание на радар.

Опережая крейсеры, к стартопосадочным полям космопорта снижались шесть рассредоточившихся в круговое построение меток.

«Статус: Определение цели», — высветил монитор.

Десантно-штурмовые модули!..

Спина Вадима похолодела. Горнев оказался намного предусмотрительнее, чем ожидал Нечаев. Генерал явно перестраховывался, и не зря…

Палец Вадима коснулся сенсора переключения каналов связи.

Теперь уже все равно. Точка невозвращения четвертого крейсера будет пройдена через пятнадцать секунд, дальше тянуть просто невозможно, учитывая, насколько усугубили ситуацию стремительно снижающиеся штурмовые корабли.

— Дима, держи истребители! — произнес он, одновременно разворачивая торс своей серв-машины на новую цель. — Тяжелые, — это был позывной всех «Фалангеров», — по кораблям поддержки… ОГОНЬ!

* * *

Звено космических истребителей неслось, накатываясь на позицию затаившихся среди лесополосы «Хоплитов».

Деревья, кроны которых гнул и трепал поднятый барражированием тяжелых машин ветер, внезапно содрогнулись, — их встряхнуло так, что на землю посыпались листья и обломанные ветки, и одновременно с этим из-под защиты темно-зеленой листвы ударили зенитные установки серв-машин.

Зримые трассы снарядов наискось прочертили воздух; головной истребитель внезапно окутался бурым облаком взрыва и начал разваливаться на части… Два его ведомых резко отвернули в стороны, пытаясь уйти из-под неожиданного ураганного огня; один тут же задымил,

теряя скорость и высоту, но пилоту третьего «Гепарда» удалось совладать с управлением, и он, резко задрав нос машины, внезапно произвел залп из расположенных в днище и укрепленных под короткими крыльями пусковых ракетных комплексов.

Со стороны казалось, что над северной окраиной космопорта, в районе лесополосы, кто-то расчертил воздух параллельными серо-черными шлейфами, которые ударили в разные стороны, начертив в знойном воздухе призрачную, хаотичную фигуру, собранную из отдельных, перекрещивающихся друг с другом, но неизменно стремящихся к земле росчерков.

…Мгновение спустя, подрубая корни деревьев, в небо взметнулись десятиметровые черно-оранжевые султаны разрывов, что-то вспыхнуло… Вверх летели тонны вывороченной взрывами почвы, а вниз, поджигая деревья, рушились обломки головного истребителя. Прошивая этот хаос, били, захлебываясь лаем, длинные очереди зенитных установок, которые все же настигли третью машину звена. Броня «Гепарда» вдруг брызнула осколками, от истребителя оторвало плоскость крыла, и он, медленно переворачиваясь, начал падать, скрывшись среди опадающих султанов земли, поднятых к небу разрывами от его собственного ракетного залпа…

Все это слилось в шесть секунд боя, не охватывая и десятой части реей развернувшейся по периметру космопорта панорамы внезапно вспыхнувшего сражения

— Меняем позиции! — выкрикнул в коммуникатор Дорохов.

Поваленные деревья зашевелились, тридцатитонные «Хоплиты» стряхивали их, словно горящие спички, убирая гидравлические упоры и выпрямляясь в полный рост.

Исчадия смешанных технологий, в которых земные конструкторы объединили убийственное вооружение с конструктивной формой шагающих аграрных машин планеты Дабог, вставали среди горящей земли, будто сверкающие, объятые огнем демоны, и тут же, не останавливая начатого движения, механические монстры начали расходиться в разные стороны, чтобы укрыться под сенью уцелевших деревьев, прежде чем их настигнут патрулировавшие небеса космические истребители…

Все, кроме одного «Хоплита»…

…Дорохов не спешил повторить маневр подразделения. Отдав приказ, он резко развернул торс своей машины, так что взвизгнули сервоприводы и глухо клацнули ограничители.

Кто-то должен был отвлечь на себя огонь противника, пока остальные меняли демаскированную позицию.

Он не боялся в этот миг, чувства ушли, схлынули, остался лишь холодный, обострившийся разум, который впитывал новые для него ощущения, будто раскаленный песок случайно пролитую воду…

Бортовой компьютер уже поймал новую цель. Второе звено «Гепардов» неслось прямо на него, выбрасывая по сторонам белесые падучие звезды противоракетной системы ложных целей, а их вакуумные орудия били, вспахивая землю справа и слева, выкашивая деревья, словно траву…

Дорохову все же пришлось совершить усилие над собой, чтобы не зажмуриться, сжавшись в инстинктивном ожидании сию секундной, неминуемой смерти. В этот страшный миг он не забыл о том, что связан со своей машиной тысячью нитей нейросенсорного контакта и, являясь ее нервным узлом, сосредоточением воли, *обязан* смотреть в глаза смерти, если намерен упредить ее хоть на мгновение…

Жуткие ощущения нейросенсорного контакта навечно впивались в разум, — его зрение не раздваивалось, а *смешивалось* с компьютерным видением цели: среди хаоса горящих и падающих по сторонам деревьев он выделил продолговатые, размазанные из-за высокой скорости силуэты «Гепардов», и ракетные комплексы «Хоплита» вдруг разрядились слепящей вспышкой, опережая огненными росчерками полет сдвоенных снарядных трасс…

Настоящая жуть накатила в тот миг, когда головной истребитель, несмотря на множество выброшенных ложных целей, все же получил два прямых ракетных попадания и взорвался, не долетев до машины Дорохова каких-то двухсот метров.

Его разметало взрывом на тысячи кусков, а залпы ведомых, вырвавшихся из-за слепящей вспышки, в которой сгорел головной «Гепард», все же достали дерзкую серв-машину…

Земля, небо, пылающие деревья — все вдруг встало на дыбы, меняясь местами, словно куски мозаики в жутком калейдоскопе, и «Хоплит» Дорохова, подламывая упоры, с тяжким скрежетом ломающегося металла опрокинулся, рухнув на изодранную снарядами землю…

Когда два истребителя, завершив атаку, взмыли вверх, за их кормой уже не было лесополосы, — там полыхал пожар, а земля напоминала свежевспаханное дымящееся поле, посреди которого застыла изуродованная серв-машина

«Хоплит», продавивший землю своим весом, лежал среди воронок и горящих деревьев, как поджавшее лапы изуродованное металлическое насекомое, а его спаренная зенитная установка продолжала бить

вертикально вверх, бессмысленно, автоматически расходуя остаток боекомплекта…

* * *

Вадиму первая минута боя предстала совершенно иначе. Он находился на диаметрально противоположной окраине космопорта, недалеко от комплекса диспетчерских зданий, и так сложилось, что основной его целью стали не истребители противника, а гораздо более мощные и опасные корабли поддержки, которые снижались, предваряя посадку первого крейсера орбитальной группировки.

— Тяжелые, разобрать цели! — приказал Нечаев.

На миг включился канал телеметрии — это бортовые компьютеры «Фалангеров» автоматически обменивались данными, сообщая об избранных для атаки объектах.

— Огонь по готовности! — произнес Вадим, когда на целевом мониторе его машины выделилась алая точка. Взаимный обмен данными состоялся, теперь каждый пилот будет атаковать собственную цель, не расходуя понапрасну боекомплект на дублирующие друг друга залпы…

Находясь под защитой лесополосы, Нечаев не видел реально движущихся объектов, поэтому первым запуском руководил компьютер систем самонаведения.

В эти секунды он не успел толком ни о чем подумать, — автоматика работала быстрее, чем осознанная мысль, — тонкий писк зуммера окончательной наводки внезапно перекрыл тоновые сигналы остальных приборов, и Вадиму оставалось лишь сжать гашетки управления ракетными комплексами…

Все изменилось в один миг.

Исчезла иллюзия нереальности происходящего, когда он физически ощутил старт двенадцати огненных стрел, вырвавшихся из пусковых шахт, расположенных прямо над рубкой.

Отдачей машину подало назад, глубоко вдавливая дополнительные упоры в податливую почву лесополосы. Деревья, окружавшие «Фалангер», внезапно вспыхнули, будто спички, огонь жадными языками метнулся по их кронам, пожирая хвою, район запуска мгновенно заволокло дымом, но это не помешало приборам теплового видения отслеживать результат залпа.

Предчувствие боя оказалось во сто крат бледнее, чем та реальность, которая с каждой секундой все более отчетливо открывалась его взгляду и разуму.

Дым внезапно разорвало налетевшим порывом ветра, и Вадим увидел

участок посадочного поля, небо над ним, огненные шлейфы ракет и безобразную просеку, *выжженную* их двигателями…

В лазурных небесах бушевал огонь, — это снижающиеся десантно-штурмовые модули попали под удар разделившихся боеголовок, каждая из которых была снабжена собственным компьютером системы самонаведения. Из той точки, где стоял «Фалангер» Нечаева, теперь было отчетливо видно, как вспышки попаданий срывают раскаленные бронепластины с обшивки двух космических кораблей поддержки, похожих на огромных серебристых жуков, пытающихся распрямить поджатые под брюхо посадочные опоры…

Залп «Фалангеров» оказался полной неожиданностью для пилотов Альянса. Ближний к Вадиму модуль, кренясь на один борт, стал уходить в сторону, роняя на стеклобетон посадочного поля дымящиеся куски обшивки, но второй, снижавшийся с ним в паре корабль почти не пострадал. Он продолжал посадку, а два его башенных орудия беспорядочно били в район лесополосы…

Справа и слева засверкали вспышки новых ракетных запусков, издалека, пробиваясь сквозь множественные дымы, ударил хорошо узнаваемый ослепительно-красный луч, — это вел огонь Герман Дрейк. Только его «Ястреб» был вооружен лазерными установками инфракрасного спектра.

Лазерный луч, несмотря на мешающий его работе дым, все же полоснул по броне самого дальнего из шести снижающихся модулей, — это произошло в критический момент сложного маневра, перед самой землей, и многотонный космический корабль, у которого вдруг отсекло посадочные опоры, ударился днищем о стекло-бетон, расколовшись при этом на две половины, словно чудовищный орех, изнутри которого в небо рванул сноп огня…

У Вадима потемнело в глазах.

Смерть… Смерть уже плясала вокруг, обильно собирая свою жатву, хотя бой только начался…

Небо полыхало. Ракетные залпы «Фалангеров» следовали один за другим, пока все тяжелые машины не освободились от оперативного боекомплекта, но три штурмовых модуля из шести, огрызаясь огнем, продолжали снижение и посадку.

Некогда было ждать, пока перезарядятся опустевшие ракетные шахты.

— Вперед! — скомандовал Нечаев своему подразделению.

Убирая гидравлические упоры, Вадим ощутил, как несколько раз содрогнулась земля. Повернув голову, он увидел, что в трех километрах от

его позиции полыхает участок лесополосы, — туда неслись тонкие нити снарядных трасс, в воздухе висели черные сгустки разрывов и медленно таяли серые инверсионные следы от ракетных пусков.

— Дима?! — не выдержав, включился он на командную частоту. Тишина. Канал связи командиров двух подразделений молчал. Стиснув зубы, Вадим заставил себя не думать сейчас о судьбе «Хоплитов» и их командира. Он не имел права отвлекаться от выполнения *своей* задачи.

Сминая мощным торсом обгоревшие стволы деревьев, его «Фалангер», выпрямив ступоходы, шагнул вперед, и тут же, как только тепловая засветка от пожара перестала маскировать машину, по нему залпом ударили четыре башенных орудия двух севших на крайнее стартопосадочное поле космических кораблей.

Их рампы уже открывались, обнажая черные провалы десантных шлюзов, откуда вопреки ожиданию Нечаева не посыпались маленькие человеческие фигурки, а выступили угрожающие контуры серв-машин

Лишь сейчас Вадим обратил внимание на странную форму и размеры космических кораблей, которые компьютер принял за обычные штурмовики.

Нет… То был особый род планетарных носителей, и два «Фалангера», уже спускавшиеся по откинувшимся пандусам кораблей, только подтверждали это.

— Хьюго, ты готов? — спросил Вадим, выводя свою машину на край стартопосадочного поля.

Бешеный огонь стационарных орудий, шипение шального лазерного луча, мелькнувшего среди разрывов, куски вырванного снарядами стеклобетона, которые барабанили по броне, как град, — все это сливалось в дикое ощущение боя, движения среди хаоса буйствующих энергий… Серв-машину шатало множественными взрывными волнами, и даже шестьдесят тонн массы «Фалангера» не могли в полной мере противостоять их хлестким ударам…

Вадим не отрывал взгляд от ближайшего контура серв-машины, выступившей на пандус десантного корабля, и, когда компьютерный прицел вспыхнул злобным красным огнем, он машинально сжал гашетки подвесных автоматических пушек.

Орудия преданно отозвались пятитактовыми очередями; выпущенные снаряды, скрестившись в одной точке, ударили в рубку шагающего исполина, заставив вражескую машину податься назад, в тусклые глубины десантного отсека. Мимо смотровых триплексов промелькнули выброшенные механизмом перезарядки пустые лотки боекомплекта, и тут

же с вибрирующим гулом заработали эскалаторы орудийных погребов, расположенных по обоим бортам «Фалангера».

Вадим упорно вел машину вперед, убедившись, что беспорядочный огонь башенных орудий десантных модулей не причиняет ему критических повреждений, — броня гудела, отзываясь на попадания оглушающим металлическим звоном, покрывалась выщербинами, но выдерживала…

— Хьюго? — повторил свой вопрос Нечаев, болезненно ощущая, как нити управления одна за другой выскальзывают из его рук и весь заранее проработанный план грозит рухнуть…

— На связи… — внезапно пришел прорвавшийся сквозь помехи несущей частоты голос андроида.

— Докладывай!

— Я на месте. Ангары уже открыты. Программирую четвертую машину.

— Молодец… — сорвалось с губ Вадима. — Действуй. Не смотри на обстоятельства, даже если мы погибнем, — действуй!

— Понял, коман…

Оглушающий удар пришел с правого борта, оборвав последнюю фразу Хьюго, и Вадим, с трудом удержав машину в равновесии, увидел, как на исковерканный стеклобетон упал огромный фрагмент какого-то механизма.

«Это же мое орудие!..» — внезапно дошло до помутившегося от контузии разума.

Резко взвизгнули приводы торсового разворота, поворачивая рубку «Фалангера» относительно платформы, и Вадим, оглушенный, потерявший ориентацию, но все же выполнивший это машинальное действие, увидел прямо перед собой вторую машину врага, которая беспрепятственно спустилась по пандусу и произвела прицельный залп из бортовых орудий.

Взгляд Нечаева метнулся по приборам.

«Что делать?!..»

Левое орудие сорвано, у правого заклинил механизм перезарядки, в пусковые шахты загружены тяжелые ракеты, старт которых, без применения упоров, неизбежно опрокинет его «Фалангер»…

Он успел краем глаза заметить, как, затмевая небеса, снижается первый крейсер, — это было чудовищное, подавляющее разум зрелище: трехкилометровый клиновидный космический корабль опускался, будто гора. Его поддерживали четыре прицепившихся к броне носителя. Их двигательные установки извергали столбы огня, которые, ударяясь о стеклобетон посадочного поля, растекались по нему морем света…

«Фалангер» противника выкинул мутные, блеснувшие на солнце лотки обойм, со звоном упавшие подле его согнутых ступоходов.

«Где? Где остальные машины серв-батальона?»

Вадим оглянулся и понял — помощи со стороны ждать нечего — кругом, по всему периметру порта, полыхал бой, словно посадочные поля окружила цепь постоянно извергающихся вулканов, — это был техногенный ад в самом жестком своем проявлении…

Еще секунда промедления, и его машина получит второй залп, который, скорее всего, станет смертельным.

Враг возвышался перед ним, он стоял на фоне черного зева откинутой десантной рампы спускаемого модуля; орудия тяжелой серв-машины уже перезарядились, и теперь их стволы плавно поворачивались, нацеливаясь на искалеченный «Фалангер» Нечаева.

Он принял решение в последний миг.

Горько было осознавать, что его бой закончился так же быстро, как начался, — прошло три-четыре минуты с момента, как он произвел первый ракетный залп.

Горечь Нечаева оправдывалась лишь субъективным восприятием. История создавалась здесь и сейчас, происходящее вокруг, по сути, являлось первым масштабным наземным столкновением между силами Альянса и Колоний с участием космических кораблей, серв-машин и тяжелых космических истребителей. Ни один конструктор или тактик не мог заранее предугадать, сколько *секунд* такого боя в состоянии выдержать тот или иной вид техники, когда каждая ракета, каждый снаряд несли в себе килотонные эквиваленты…

Из этого боя будут потом делать выводы, а сейчас…

…Отпустив рычаги управления, Вадим ударил ладонями по двум кнопкам на расположенной перед ним консоли.

«Катапультирование».

«Залп».

Два механизма сработали почти одновременно.

Перемещаясь во время боя, Нечаев оказался спиной к космопорту, и теперь ракетный запуск опрокинул его машину назад, но, прежде чем многотонный «Фалангер» рухнул, с небольшим запозданием сработал механизм аварийно-спасательной катапульты, и пилот-ложемент, окруженный амортизирующими дугами, выбросило из раскрывшейся рубки не вертикально вверх, а под углом к горизонту…

Это было похоже на страшный сон.

Оказывается, человеческое сознание может вместить в себя очень много, особенно в секунды критического напряжения, когда дыхание смерти обжигает, заставляя растягиваться секунды в вязкую бесконечность…

Вадим видел, как падают раскрывшиеся бронеплиты рубки управления, а над ними полыхает огонь ракетного пуска, ему казалось, что взгляд успел проследить за молниеносными росчерками тяжелых боеголовок, часть которых ударила в серв-машину врага, а часть угодила в открытую рампу модуля, и…

Жесткий, гасящий сознание удар пришел снизу, вырвав кресло пилота из теснины рубки управления… Взмывая вверх по баллистической траектории, он увидел под собой развороченный торс собственной машины, затем в поле его зрения попал сноп огня, который, вырвав оба башенных орудия модуля, разделился на две слепящих огненных струи, стремящихся догнать улетающий ввысь пилот-ложемент, далее мелькнул устрашающий контур крейсера, уже коснувшегося посадочными опорами раскаленного стеклобетона, и на миг перед затуманенным взором Нечаева открылась *вся* панорама космопорта…

Это был миг, когда он устрашился содеянного.

Апогей баллистической траектории, когда катапультированный пилот-ложемент на долю секунды застыл в верхней точке пологой дуги, прежде чем начать падение…

Лес горел, замыкая космический порт планеты Кьюиг в огненное кольцо. Дымы стлались отовсюду, превращая общую панораму во фрагментарное изображение, словно Вадим смотрел не на реальную местность, а в отражение разбитой мозаики, у которой не хватает большей части фрагментов.

Он видел приземлившийся крейсер Земного Альянса, чуть выше, в полукилометре от земли, полыхал огнем двигателей его собрат, внизу игрушечные шагающие машинки поливали друг друга язычками пламени. Всюду, словно в бредовом сне, кустились черные шапки разрывов, украшенные оранжевыми венчиками… Чадно горели на голом стеклобетоне врезавшиеся в него сбитые «Гепарды»… Эта панорама с высоты казалась безобидной, ненатуральной, но долю секунды спустя наваждение кончилось, и игрушечная картина устремилась навстречу падающему креслу, заключенному в каркас амортизационных дуг, укрупняясь во всех своих жутких подробностях…

Крохотные машинки превратились в опаленных огнем, посеченных снарядами механических исполинов, взорванные десантные модули

чернели расколотыми панцирями брони, показывая чадящее, вывороченное нутро… Среди горящего леса и на равнинах посадочных полей горели не только «Гепарды» — там лежал и один из двух вызванных Нечаевым шаттлов, а подле него два «Хоплита» с раскрытыми, словно бутоны, рубками истекали дымом, и, наконец…

Пилот-ложемент грохнулся о землю на краю выгоревшей дотла лесополосы, взметнув своим падением тучи горячего пепла. Вадим на секунду потерял сознание, но это был лишь мгновенный провал в беспамятство. Когда он снова смог воспринимать реальность, его кресло, ломая амортизационные дуги, еще скользило по выжженной земле, пока с глухим ударом не остановилось, налетев на какое-то препятствие…

* * *

Реальность возвращалась к нему толчками бьющейся в висках крови…

Он застонал.

Изломанные дуги каркаса, казалось, копируют состояние его грудной клетки, но боль, засевшая в груди, была вызвана не треснувшими ребрами, а страховочными ремнями, которые больно впились в тело.

Пальцы Нечаева на ощупь нашли замки, с трудом отстегнули их, и он сполз на полметра вниз, скользнув по пологой спинке изуродованной спасательной конструкции.

Пепел медленно оседал вокруг, кружа в воздухе, будто черный снег…

Его согнуло пополам, судорожно вырвало… В ушах звенело. Хотелось лечь на обожженную землю и лежать, закрыв глаза, ожидая, пока с головой накроет волна вселенского покоя…

Нет… Он инстинктивно ухватился за обломанную дугу пилот-ложемента, заставил себя разогнуться, вдыхая горячий, горький воздух, который нес отвратительные флюиды гари.

Слух медленно возвращался. Прорываясь сквозь иссушающий звон контузии, до его сознания стал доходить басовитый рокот, затем он смог различить отдельные глухие толчки разрывов и звонкий, характерный лающий звук работающих автоматических орудий.

Рука соскользнула с дуги каркаса, он оперся о спинку кресла, потом вспомнил об автомате и с трудом извлек его из специального чехла. Передернув затвор, он вдруг успокоился, услышав лязг испытанного оружия…

Оглянувшись, Вадим внезапно ощутил, как резко сузилось восприятие. Он больше не контролировал панораму космопорта, не взирал

на окружающее пространство посредством множества приборов, в его распоряжении остались лишь собственный взгляд и слух, бессильные перед многокилометровой протяженностью стартопосадочных полей, густым, застилающим их дымом и множеством иных помех.

Он огляделся в секундном замешательстве.

Два «Хоплита», которые показались ему совсем близкими в момент падения, оказывается, находились метрах в семистах от него. Среди дымящихся древесных стволов, образовавших подобие баррикады, возвышались раскрытые, неузнаваемые рубки, но их необычный вид подсказал Вадиму, что пилоты катапультировались, а значит, есть надежда, что кто-то из дорогих сердцу людей уцелел, спасся в последний миг…

Он повернул голову, вспомнив о препятствии, которое остановило скольжение его кресла.

В десятке шагов от него возвышался исполинский, опрокинутый набок корпус серв-машины. Это также был «Хоплит», но его повреждения выглядели критическими. Вадим с трудом сфокусировал на нем свой взгляд, замечая страшные подробности: огонь обглодал всю краску с почерневших бронеплит, в некоторых местах сегменты брони были сорваны, обнажая механизмы приводов, один ступоход согнут, второй, перерубленный в районе шарнирного соединения, валялся поодаль двумя уродливыми кусками. В лобовой броне зияло несколько дыр, по их угловатым краям можно было судить, что снаряды, не разорвавшись, просто проломили броню…

«Чья это машина?» — бился в голове Вадима безответный вопрос.

Бортовой номер исчез вместе со сгоревшей, облупившейся краской, простреленные бронеплиты рубки управления оставались плотно сомкнутыми, значит, пилот, живой или мертвый, до сих пор остается внутри… хотя не факт, Вадиму не было видно люка, расположенного в днище опрокинувшейся машины.

Он обошел «Хоплит» и увидел, что узкий лаз в центре изуродованной поворотной платформы плотно задраен.

Попыток покинуть опрокинутую машину пилот не предпринимал…

Прислонив автомат к поврежденному механизму, Вадим нашел штурвал ручного привода и стал открывать люк. Тот поддался под усилием шестеренчатой передачи и, осыпая куски окалины, отодвинулся, протяжно заскрипев при этом.

Вадим подобрал автомат, просунул голову и плечи в образовавшееся отверстие, не ощущая внутри машины запаха гари, и это обнадежило его. Вертикальная шахта длиною в метр теперь превратилась в узкий

горизонтальный тоннель, который пришлось проползти, обдирая грудь о выступающие скобы. За них обычно цеплялся руками пилот, поднимаясь в рубку управления.

Внутри «Хоплита» тускло светились панели аварийной подсветки, источая желтоватое сияние. Спинка кресла скрывала за собой пилота, но рука Вадима оскользнулась, и он понял, что кабина управления забрызгана кровью.

«Кто?»

Нечаев с усилием подтянулся, ухватился за спинку кресла, полностью оказавшись внутри рубки управления, и наконец увидел его: «Хоплитом» управлял Дима Дорохов. Сейчас он безвольно повис на страховочных ремнях в цепких объятиях накрененного пилот-ложемента. Лицо Димы было бледным, как мел, комбинезон на груди густо напитался кровью, несколько скользящих осколочных порезов от острых фрагментов выбитых приборов тянулись по правой щеке…

Вадим не медлил ни секунды.

Он не задавался вопросом — жив Дима или нет. Разорвав оболочку автономного аппарата жизнеобеспечения, притороченного к креслу пилот-ложемента, он позволил прибору пискнуть, активируясь, и раскрыл его, превратив в механическое подобие паука с гибкими полуметровыми шлангами-лапами. Центральная часть прибора копировала по своей форме полушлем и надевалась на голову раненого. Дрожащими пальцами Вадим откинул с головы Дорохова полушлем нейросенсорного комплекса управления, расстегнул страховочные ремни, потом оттащил обмякшее тело в сторону от кресла, уложил его на ставшую полом стену рубки и только после этого, леденея от неприятного холода, которое источала кожа Дорохова, надел на него комплекс автодока.

Все это заняло меньше минуты.

Прибор, угнездившийся на голове Димы, сдавленно и протяжно запищал, словно сам был смертельно ранен, его шланги-щупальца зазмеились, вползая под разорванный комбинезон, присасываясь к телу, прокалывая кожу иглами зонд-анализаторов, и вдруг, среди огоньков, мелькавших под мутно-дымчатым покрытием полушлема, трепетно зажглась одна-единственная зеленая искра.

Вадим слабо разбирался в этой технике, созданной не на его планете. Вчера Сайков бегло ознакомил всех пилотов с аварийными комплектами выживания и способами их активации при ранениях, но Нечаев уже испытал однажды действие подобного аппарата и смел надеяться, что Дорохов выкарабкается…

Больше он ничем не мог помочь другу. Вадим сделал максимум возможного, теперь оставалось лишь ждать, но сидеть сложа руки рядом с неподвижным, холодеющим телом он не мог.

Перебравшись в испачканное кровью кресло, Вадим при помощи рычагов ручного привода повернул пилот-ложемент омертвевшей машины в привычное положение относительно поверхности земли. Вместе с ложементом пришла в движение и часть консолей управления, предназначенная для работы в аварийном режиме.

Нечаев быстро пробежал пальцами по сенсорным кнопкам, отчаянно надеясь, что не все системы «Хоплита» безнадежно погибли.

Ему как воздух нужна была связь.

Через некоторое время тускло вспыхнул единственный доступный в режиме аварийной активации экран.

Вадим не стал просматривать появившуюся на нем схему повреждений серв-машины, — его интересовала лишь связь и любые источники внешней информации о мире.

* * *

Первое ощущение после активации аварийных сенсоров «Хоплита» было сродни чувству прозрения.

Он снова видел мир посредством мощных электронных систем, и неважно, что обездвиженная серв-машина лежала на боку, беззащитная и безоружная, — теперь, спустя четырнадцать минут после начала адского боестолкновения, исход решали иные факторы.

Сегменты брони опрокинувшейся серв-машины со скрежетом пришли в движение, выпуская наружу резервную антенну аварийной связи.

Вадим понимал, что сейчас дорога каждая секунда, — судьба давала ему шанс успешно завершить спланированную операцию по защите космопорта.

Полная концентрация сознания на этой мысли помогла ему побороть нарастающую дурноту, действовать быстро и автоматически, будто он являлся не человеком, а частью опрокинутой набок серв-машины…

«Щелчок…»

Первая секунда глобальной тишины принесла с собой отчаяние, — внешние микрофоны вот уже минуту как перестали транслировать отзвуки боя, который, словно траектория недавнего полета его пилот-ложемента, достиг апогея, а потом пошел на спад, затихая по всем направлениям.

Посредством систем оптического и теплового видения Вадим ясно различал контуры четырех исполинских космических кораблей, которые

приземлились, образовав тесный квадрат. Космопорт Кьюига, не предназначенный для приема огромных пространственных крейсеров, был им тесен, и при посадке космические титаны не только заняли все посадочные поля, но и подмяли, проломив крыши, одноэтажные здания разгрузочных терминалов, расположенные по периметру полей.

Бой, судя по внешним признакам, действительно стих.

Вадим не наблюдал ни сил Альянса, ни машин своего батальона. Картина, представшая его глазу, разительно отличалась от панорамы, которую он видел с высоты, — теперь космопорт напоминал мертвое поле, усеянное останками техники и придавленное сверху титанической массой четырех благополучно завершивших посадку крейсеров.

Отчаяние смешивалось в его душе с надеждой, решимость сменялась ощущением бессилия, слепоты, но он не мог позволить событиям течь самим по себе, ибо тогда наступившая развязка могла свести на нет все усилия, сделать бессмысленными жертвы…

Они ведь выстояли… Несмотря ни на что — выстояли, и, как подтверждение этому, Вадим внезапно увидел шаттл — последний малый космический корабль планеты Кьюиг, который летел над стартопосадочными полями на предельно низкой высоте и небольшой скорости.

— Борт-2, здесь Нечаев!

— Командир?!

— Быстро, канал телеметрии! Запеленгуй мою машину, это подбитый «Хоплит» на южной окраине порта!

Секунда тишины, опять показавшаяся вечностью, а затем голос пилота:

— Да, есть контакт. Включаю канал взаимного обмена данными!

Вадим наконец увидел то, к чему рвалось сознание. Вся панорама космопорта открылась ему с высоты птичьего полета, теперь он больше не был ущербным, лишенным визуальной информации и связи командиром.

— Борт-2, барражируй над крейсерами. Будешь ретранслировать мой сигнал связи.

— Понял вас.

Вадиму некогда было размениваться на проявления чувств, хотя внезапная радость все же захлестнула разум горячей волной. Он переключил частоту.

— Хьюго?

— Я на месте. Все заправщики в исходных точках.

Д1х план работал. Все шло как надо, ни одна жертва скоротечного боя

не оказалась напрасной, — силы поддержки, на которые могли рассчитывать экипажи земных крейсеров, были либо уничтожены, либо рассеяны, и теперь оставалось выполнить последнюю, самую сложную и непредсказуемую часть дерзкой по своей сути операции.

Снова смена частот связи.

— Командный-один вызывает боевые единицы батальона. Доложить.

Ответ пришел, хотя Вадим не чаял его услышать.

В строю оставались три машины. Отозвался один «Фалангер» с противоположной окраины посадочных полей, потом пришел сигнал от «Хоплита», который держал позицию неподалеку от Нечаева, и, наконец, последним отозвался «Ястреб».

Вадим не услышал ни Яны, ни Сайкова, ни Джона Хански, но голос Дрейка, так же как связь с Хьюго, вселили в него надежду на успех

Нужно было продолжать задуманное, несмотря на то что серв-батальон был, по сути, разбит, но об этом знал он, а не противник, лишившийся всех оперативных средств поддержки. Дрейк, который контролировал ситуацию в последние минуты боя, доложил, что все космические истребители и десантно-штурмовые модули уничтожены.

Вадим допускал, что на стартопосадочных полях могли сейчас находиться отдельные, чудом выжившие солдаты Альянса. Возможно, кому-то из пилотов удалось покинуть подбитый корабль, но люди, бесцельно бредущие среди металлических и бетонных руин, уже не могли радикально изменить ситуацию в ту или иную сторону.

Вадим включил передатчик в режим открытой частоты.

— Всем офицерам Земного Альянса, говорит командующий силами обороны планеты Кьюиг! — произнес он заранее продуманную фразу. — Вы блокированы. Предлагаю командующему орбитальной группировкой выйти на связь.

Он не ждал немедленного ответа, и действительно, в эфире царила зловещая, гробовая тишина.

Кончилось противостояние машин, теперь начиналось самое сложное — поединок воли, психики…

На панели связи внезапно заморгал алый индикатор вызова.

Вадим не ждал, что с ним станут связываться на иных частотах, но все же включил параллельный канал, желая узнать, кто пытается его вызвать.

Голос показался ему знакомым, и спустя секунду он понял — почему:

— Говорит полковник Шахоев. Я веду передачу с главной диспетчерской башни.

— Полковник?.. — Вадим на миг испытал замешательство, — он

давно списал со счетов бывшего командира сил самообороны Кьюига и не мог однозначно определить свое отношение к нему, а значит, и меру доверия.

— Я знаю, с кем говорю. — Голос Шахоева звучал тускло, без эмоций, словно этот человек уже пережил все самое худшее, что могло с ним случиться. — Этот канал связи закрыт, я поддерживаю его узкосфокусированным лучом. Что я могу сделать, командир?

Командир?..

Это признание старшинства резануло по нервам, но заставило поверить в искренность намерений полковника. Зная характер Шахоева, Вадим понял, что тот по-прежнему сломлен, но, видимо, адское боестолкновение перетряхнуло его нервы и душу, — он не участвовал в нем, но видел все, раз, по его собственному признанию, находился на высоте главной диспетчерской башни.

— Полковник, центр автоматизированного управления работает?

— Некоторые каналы. Что именно необходимо сделать?

— Открыть ворота одного или двух расположенных поблизости друг от друга подземных складских ангаров.

— Да, это я могу, — после короткой паузы ответил полковник. — Номер семнадцать и восемнадцать. Дистанционное управление воротами работает, но сами ангары пусты.

— Я знаю. Мне это и нужно. Откройте их и ждите сигнала.

В этот момент наконец заработал канал связи с крейсерами Земного Альянса.

— Говорит генерал Горнев. С кем имею честь?

Вадима покоробила последняя формулировка, но сейчас было не до семантики.

— Неважно, генерал. Мое имя Вадим, фамилия — Нечаев, звание… — он усмехнулся, — гражданин Кьюига.

— О чем вы хотели говорить?

— Об условиях капитуляции орбитальной группировки. Ваше положение безвыходно. Все договоренности, достигнутые ранее с полковником Шахоевым, аннулированы.

Горнев немного помолчал, — очевидно, он смотрел на контрольные мониторы, пытаясь понять, на чем основана уверенность говорившего с ним человека.

— Я не вижу объективных причин для капитуляции, — наконец произнес он. — Скорее вам придется принимать мои условия.

— Нет, генерал. Периметр порта окружен серв-машинами. Вы не

сделаете ни единого движения без того, чтобы не быть уничтоженными.

— Это блеф.

— Нужны доказательства?

— Да.

— Тогда взгляните на экраны нижнего обзора, если они работают.

Опять наступила тишина.

— Что вы видите, генерал? — нарушив молчание, подстегнул своего собеседника Нечаев.

— Топливозаправщики, — угрюмо ответил Горнев. — Любезно с вашей стороны.

— Это не любезность. В танкерах не топливо, а компонент окислителя. Машинами управляют роботы, которые не могут контролироваться вами. К тому же подрыв любой из машин я продублирую. Дрейк, покажи генералу, что здесь не шутят.

Темно-вишневый лазерный луч прошил пространство между посадочными опорами флагманского крейсера, прорезав воздух в нескольких метрах от двух стоящих под днищем машин со взрывчатым компонентом реактивного топлива.

— Вы не сможете открыть люки или выдвинуть в боевое положение системы орудийно-ракетных комплексов, — спокойно прокомментировал Вадим. — Крейсеры сели слишком близко друг к другу, это помешает работе суппортов. Нам терять нечего, — при попытке высадки десантных групп я произведу немедленный подрыв емкостей.

Горнев промедлил в замешательстве, а потом сказал:

— Вы потеряете космопорт.

Вадим смог только покачать головой, хотя понимал, что канал связи не передаст его жеста.

— Генерал, потеря инфраструктуры космического порта ничто по сравнению с угрозой оккупации. Можете не сомневаться в серьезности наших намерений. Я говорю открыто, — вы проиграли. Полная капитуляция или смерть, — выбирайте.

Опять наступила томительная пауза.

Вадим понимал, как велика пропасть между ними, и генерал, исполняющий обязанности командира эскадры, — это не новобранец, которого можно просто запугать, но за период боев Нечаев слишком хорошо узнал, что такое инстинкт самосохранения и как порой он вершит невероятные вещи, превращая храбрецов в трусов и наоборот.

Хотя, если говорить откровенно, главную надежду он по-прежнему возлагал не на инстинкты, а на здравый смысл, не отказывая своему

противнику в способности делать логические выводы.

Вопрос заключался лишь в одном: достаточно ли у Горнева мужества, чтобы признать безвыходность положения, или амбиции генерала возьмут верх?

Твердо он знал одно: им, последним, кто остался в живых из серв-батальона, действительно нечего терять. Душа Вадима за минувшие дни ожесточилась до такой степени, что он полностью принял правила игры, навязанные ему внезапно вспыхнувшей войной. Он знал, что внутри кораблей противника находится до двух-трех тысяч человек, но, не желая им бессмысленной смерти, все же не сомневался, что при наихудшем исходе переговоров ему хватит решимости отдать необходимый приказ…

— Хьюго…

— Да, командир.

— Ты там, среди танкеров?

— В четвертой машине.

— Хью, что бы ты делал, не выйди я на связь?

— Нажал бы кнопку, — лаконично ответил дройд.

* * *

— Я хочу выслушать ваши условия, — спустя некоторое время вновь раздался на открытой частоте голос Горнева.

— Условия просты, генерал: вы выводите личный состав через главные шлюзы кораблей, — ответил Нечаев — Каждый член экипажа или боец подразделений десантной поддержки оставляет личное оружие внутри Все выходят с пустыми руками. Внутренние люки и переборки крейсеров должны быть открытыми, ограничения доступа к компьютерным системам — сняты, карточки доступа оставлены подле соответствующих им считывающих устройств систем безопасности. — Вадим с трудом заставлял себя спокойно произносить заранее обдуманные фразы. — Далее, все двигаются двумя колоннами в указанном направлении, без попыток отклониться от маршрута следования, — уже более уверенно продолжил он. — Только при выполнении всех перечисленных условий я смогу гарантировать жизнь сдавшимся. Не советую включать какие-либо устройства самоликвидации кораблей, потому что первоначально вы будете размещены тут, на территории космопорта.

— Мне нужно обсудить выдвинутые условия со старшими офицерами кораблей, — ответил Горнев

— Не возражаю — Вадим взглянул на хронометр, расположенный среди аварийных приборов «Хоплита». — На моих часах сейчас пятнадцать

тридцать пять. Даю вам четверть часа. Если вы не придете за это время к единому мнению, я подорву крейсеры.

* * *

Наступила последняя роковая пауза

Вадим не сомневался, что подорвет корабли в случае отрицательного результата переговоров. Его уверенность была основана не на бездушии или бесстрашии, — он трезво оценивал ситуацию, и элементарный подсчет дистанции, отделявшей подбитый «Хоплит» от крейсеров, показал, что ему вряд ли удастся выжить при взрыве.

Сказать, что Вадиму было плевать на свою жизнь, означало солгать. Он хотел жить Он хотел, чтобы Дима, безвольно распростертый подле пилот-ложемента, сумел выкарабкаться… Глядя на раскрытые рубки двух подбитых неподалеку серв-машин, он страстно надеялся, что Яна уцелела в отгремевшем аду техногенного боя, но сейчас, в минуты крайнего напряжения, Вадим ощущал, что в его душе сместились многие понятия ценностей, война наложила неизгладимый отпечаток на разум, и он с трудом представлял, как будет жить дальше, если окутавшая его гробовая тишина закончится капитуляцией сил Земного Альянса.

Ярко и болезненно вспоминался бой…

В томительном ожидании он смотрел по сторонам, видел сквозь сочащиеся отовсюду дымы жуткие свидетельства бушевавших во время боя энергий и не подозревал, что вскоре подобные картины станут привычными для целого поколения таких же молодых парней, как он сам.

Вне зависимости от исхода битвы за Кьюиг Галактическая война продолжалась, она шла и сейчас, осеняя своим крылом неведомые ему планеты, — это было огромное бедствие, которое не остановить в один день и в одном месте…

Он еще не знал, что после всего пережитого можно остаться человеком, вернуть душевное равновесие, но это будет дано немногим, — мир расколется на множество неравных частей, кто-то сломается, кто-то сойдет с ума под жестоким прессингом обстоятельств, а кто-то пройдет этот путь от начала и до конца…

* * *

На исходе тринадцатой минуты шлюз флагманского крейсера открылся, и на ступенях трапа появился невысокий человек в форме генерала военно-космических сил Земного Альянса.

Несколько секунд он стоял, глядя на изуродованные окрестности, а

затем начал медленно спускаться вниз по ступеням.

Когда одинокая фигура Горнева шагнула на опаленный стеклобетон, за его спиной пришли в движение внешние люки остальных крейсеров, и четыре потока безоружных людей медленно потекли по трапам, сливаясь на закопченной, покрытой язвами воронок стеклобетонной тверди в две нестройно шагающие колонны, которые, двигаясь в указанном направлении, словно черные змеи, потянулись по стартопосадочным полям и начали исчезать в тускло освещенных зевах двух обширных складских терминалов, снабженных мощными металлическими воротами.

Прошло не менее получаса, прежде чем эти ворота дрогнули и стали смыкаться за последним из плененных солдат…

Вадим, не сводивший глаз с единственного работающего экрана подбитого «Хоплита», в изнеможении закрыл глаза.

«Все…»

Сил не осталось ни на радость, ни на скорбь, он был опустошен до такой степени, что реальность отодвинулась на второй план, став чем-то абстрактным, недосягаемым…

Был он, и была чернота, в которой тонул измученный разум…

Он слышал отдаленный вой сирен, понимал, что это жители города спешат на помощь тем немногим, кто уцелел в страшной битве за космопорт, кто пришел из неведомой дали и спас их, спас всю планету…

Он просто боялся открыть глаза и увидеть, как разбирают завалы искореженной техники, как достают из-под них мертвые тела близких ему людей…

В рубку его машины тоже поднялись какие-то люди, — он полуосознанно отвечал на их вопросы, потом они ушли, забрав с собой смертельно раненного Диму Дорохова, а Вадим продолжал сидеть в кресле…

Ему казалось, что нет сил напрячь ни один мускул, нет возможности мыслить, нет смысла жить… Это был неизбежный метаболический и психологический спад, наступающий после запредельного напряжения сил, но Вадиму не шли на ум медицинские термины, — он просто сидел, закрыв глаза, и сам не понимал, жив в этот момент или мертв, пока в днище опрокинутого «Хоплита» не раздался настойчивый стук и в ватной, окутавшей Нечаева пустоте полного отчуждения прозвучал голос Германа Дрейка:

— Командир, тут одна девушка интересуется: ты собираешься вылезать или нет?

ЭПИЛОГ

Два месяца спустя. Околопланетное пространство Элио

Третьи сутки шел ожесточенный бой на орбитах.

Ударный флот Земли под командованием адмирала Надырова вел изматывающую блокаду планеты, оставаясь вне досягаемости наспех сконструированных систем противокосмической обороны.

Штурмовики, волна за волной, накатывались из космоса, их встречали редкие, тающие на глазах заслоны истребителей, часть которых была переброшена на Элио с луны Стеллар, а часть — произведена на подземных заводах Дабога, продолжавших работать, несмотря ни на что.

Антон Вербицкий недавно вернулся с сожженной дотла планеты после очередного временного прорыва блокады. Трижды он побывал на Дабоге, забирая партии космических истребителей, на производство которых были перепрофилированы все подземные заводы.

На поверхности давно царила лютая ядерная зима, большинство жителей были эвакуированы, но нашлись те, кто остался, и он поражался их мужеству.

Последний рейс на Дабог оказался спокойным, и Вербицкий так до конца и не понял — почему? Куда-то исчез второй ударный флот Альянса, да и о судьбе третьего, которым командовал Надыров, долгое время не было никаких данных, и вот он появился на орбитах Элио, всплыв из пучин гиперсферы на дальних подступах к планете.

Общая картина космического противостояния Земли и Колоний, по мнению Антона, складывалась удручающе: его родную планету скользящим ударом атаковала эскадра Горнева, потом второй флот исчез, но ему на смену пришли крейсеры Надырова… О судьбе Кьюига не было никакой информации, — очевидно, планета лишилась всех спутников связи, и, быть может, она уже захвачена силами Альянса.

Не атакованными оставались лишь поселения луны Стеллар, но по раскладу сил чувствовалось, еще немного — и флот Надырова, раздавив тающую оборону Элио, сможет вплотную заняться последней колонией из черного списка Джона Хаммера…

Антон думал об этом машинально, не отвлекаясь от управления истребителем.

За истекшие полгода, которые прошли с момента первого прорыва блокады Дабога, многое изменилось в техническом оснащении обеих

противоборствующих сторон. Напряжение боевых действий, словно бич, подстегнуло промышленность, заставив тяжелую индустрию развитых миров работать исключительно на войну. Началось взаимное проникновение технологий, невольный обмен ими, — в составе ударных сил Альянса появились серв-машины, скопированные с шагающих аграрных роботов Дабога, а малые космические корабли колонистов более не напоминали неуклюжих чудовищ, созданных на базе грузовых судов. Образцы сбитых над Элио и Дабогом «Гепардов» были тщательно исследованы, и новая техника получила от машин Альянса иной принцип вооружений. Вакуумные орудия, использующие для разгона снаряда ничтожный по отдаче электромагнитный импульс…

И все равно, несмотря на новые достижения в области военных технологий, колонии последним усилием удерживались на грани полного краха.

Казалось, еще одна-две атаки — и конец…

Техника не выдерживала, люди сходили с ума, и сегодня, совершая четвертый за истекшие сутки боевой вылет, Антон Вербицкий уже достиг той степени моральной и физической усталости, когда собственная жизнь теряет значение…

Он шел в последнюю атаку, чтобы забрать с собой как можно больше врагов.

* * *

— Внимание, наблюдаю группу «Гепардов» на встречном курсе. Идут в сопровождении звена «Фантомов». Боевое перестроение!

Голос командира эскадрильи бился в коммуникаторе шлема, далекий, нереальный, словно их разделяли не километры пустоты, а сотни световых лет.

Антон машинально выполнил маневр перестроения.

Он видел алые точки на боевом радаре.

— Первое звено атакует группу прикрытия, второе и третье — на перехват штурмовиков!

— Первый, задачу понял, — сквозь зубы ответил Вербицкий, сопротивляясь нарастающей перегрузке. Двигатели его истребителя работали в режиме форсажа. В глазах темнело, на фоне звезд плавали иллюзорные искры…

Что-то нашептывало из глубин подсознания — это твой последний бой… последний…

Он поднялся над плоскостью эклиптики вражеских машин, потом

кинул свой истребитель по ниспадающей траектории, атакуя пятерку «Фантомов», прикрывающую несущиеся к планете штурмовики.

Вакуумные орудия работают почти бесшумно, от вылета снарядов ощущается лишь легкая дрожь в переборках корабля да неясный шум, похожий на шелест лопастей раскручивающегося вентилятора. Никакого звона падающих гильз, рывков отдачи и прочих неудобств, с которыми приходилось сталкиваться пару месяцев назад. Снаряды ускорялись уже вне ствола за счет микрореактивных двигателей, и потому трассы очередей выглядели зримыми, словно сквозь чернь космоса к смутным силуэтам вражеских машин тянулись длинные ниточки огненных бус.

Есть!

Головной «Фантом» резануло очередями, развалило на куски, мутный выхлоп декомпрессии окутал обломки, и Вербицкий машинально отклонил свой истребитель, чтобы не вонзиться в смертельное облако разорванного металла.

Радости, упоения победой не было, — его чувства скорее напоминали глухое подсознательное удовлетворение от хорошо проделанной работы, — бесконечные вылеты стерли всю остроту ощущений…

Резкий поворот в сторону, мелькнувшие по траверсам навигационные огни «Гепардов», скрещивающиеся за кормой очереди, предсмертный вскрик ведомого в эфире, и новый взрыв мутного газового гейзера…

Он проводил взглядом прошитый очередью истребитель своего звена, который, сохранив очертания корпуса, улетал во мрак, оставляя за собой длинный шлейф кристаллизующихся газов…

Антон знал — если ему суждено вернуться на Элио, то пройдет час или два, и снова на взлетно-посадочных полосах завоют сирены и вспыхнут стартовые огни.

Это будет продолжаться до тех пор, пока последний истребитель не канет во мрак с мертвым пилотом на борту, потому что нет силы, способной по-настоящему дать отпор дрейфующим в пространстве крейсерам проклятой прародины, которые спокойно и методично посылали на штурм планеты все новые и новые группы машин, словно издеваясь над тающими силами сопротивления.

Вербицкий развернул свой истребитель для повторной атаки, наблюдая, как два звена эскадрильи врезались в строй «Гепардов», сломав его, наполнив пространство вспышками и мутными облаками декомпрессионных выхлопов, но это была дорогая победа, — по ту сторону кипящего облака обломков вырвались лишь три машины из шести.

Он резко обернулся.

За кормой его истребителя висели сразу два «Фантома». Куда подевался второй ведомый, оставалось только гадать, теперь придется выкручиваться самому…

Залп кормовых ракетных установок охладил пыл преследователей, они метнулись в стороны, выполняя противоракетный маневр, и только одна очередь из четырех выпущенных по нему настигла машину Вербицкого.

Хруст ломаемых снарядами переборок отозвался в разуме пилота, как вспышка острой зубной боли.

Астронавигационные рули внезапно перестали слушаться рук, — они вдруг остановились, не желая сдвигаться с места, и истребитель теперь летел строго по прямой, медленно источая из кормовой части мутный след истекающего в космос воздуха.

Антон действовал быстро и машинально.

Резерв управления… Обход поврежденных цепей… Автоматическая защита кормовой полусферы…

Это были правильные и своевременные действия, но они уже не несли спасения — произведенный ракетный залп достал еще одного «Фантома», но, отсканировав окружающее пространство, Вербицкий внезапно понял — он остался один.

Атака «Гепардов» была сорвана, и теперь они, потеряв пять машин, снова пытались восстановить строй, разворачиваясь в сторону базовых кораблей.

Его истребитель оказался на их курсе возвращения, и шансов выжить у Антона не осталось вовсе, — аварийная система позволила ему кое-как управлять полетом, но о прежней гибкости траекторий, стремительности маневров стоило забыть…

Единственное, что он мог сделать, — это развернуть свою машину в сторону крейсеров и, опережая возвращающиеся «Гепарды», попытаться перед смертью побольнее укусить одного из ненавистных титанов…

За всех, кто погиб на орбитах Элио, за всех, чьи судьбы были оборваны снарядными трассами и орбитальными бомбами…

Он включил форсаж, досжигая остатки топлива, удерживая в голове лишь одну последнюю мысль — дотянуть до дистанции прямого огня, чтобы разрядить ракетный боекомплект носовых установок, прежде чем его достанет орудийный огонь крейсера.

Он дотянул.

С глухим толчком во мрак космоса ушли факелы стартовавших ракет, и Антон, уже не в силах что-либо изменить, не стал разворачивать корабль

в тщетной попытке уйти, — он летел прежним курсом, вслед выпущенным ракетам, чтобы тараном довершить их удар…

Борт крейсера приближался медленно, неумолимо, но его орудийные комплексы молчали, — догоняя истребитель Вербицкого, к базовому кораблю приближалась поредевшая группа «Гепардов», и он понял — тарана не будет, штурмовики уничтожат его раньше.

Все ракетные шахты пусты. Нечем огрызнуться, а жаль…

Он давно был готов к этому мигу, когда удача, столько времени покровительствовавшая ему, наконец отвернется, и вот…

На тактическом мониторе медленно сокращались цифры расстояния, — впереди на броне крейсера уже замельтешили вспышки попаданий, и, оторвав взгляд от вариатора целей, Антон вдруг понял, что их слишком много…

Он выпустил всего восемь ракет, а броня крейсера буквально вскипела, будто по нему произвели залп из сотен пусковых установок.

Он оглянулся, на секунду пришла мысль, что это пилоты догонявших его «Гепардов» ополоумели, произведя неточный ракетный залп по истребителю, но то, что он увидел, на миг помутило разум: в черноте космоса плыл огромный клиновидный корабль, который по всем параметрам был сродни тем крейсерам, что блокировали Элио.

Обломки преследовавших Антона «Гепардов» казались песчинками на фоне этого гиганта, а рядом с внезапно появившимся исполином уже прорисовывались бледные фантомы двух его собратьев, всплывающих из пучин гиперсферы…

В полной прострации Антон схватился за резервные рули управления, отклоняя свою машину от лобового столкновения с флагманом Третьего ударного флота Земли, броню которого продолжали терзать ракетные залпы.

Он не верил ни глазам, ни чувствам, все происходящее казалось бредом, какой-то чудовищной ошибкой взаимодействия двух земных армад, но, опровергая это, в коммуникаторе его шлема внезапно раздался абсолютно незнакомый голос:

— Внимание, всем дружественным пилотам сил планетарной обороны Элио. На связи флагман флота Свободных Колоний крейсер «Россия». Говорит командир корабля капитан Нечаев. Всем покинуть зону огневого контакта! Повторяю — всем дружественным пилотам…

В этот момент флагман Третьего ударного флота земли взорвался.

Сотни ракет, пробившие его корпус, привели к критическому ослаблению обшивки, и множественные выбросы декомпрессии буквально

разорвали трехкилометровый корабль на несколько неравных частей.

Это было похоже на сон.

Страшный, желанный, несбыточный сон…

Истребитель Вербицкого уже вышел из зоны убийственного огня внезапно появившейся эскадры, и он, веря и не веря, сидел, неестественно выпрямив спину, и слушал, как в эфире идет обмен сообщениями:

— «Россия», говорит малый крейсер «Игла», на связи Дорохов. Не могу выполнить запланированный маневр, — они уходят в гиперсферу!

В космосе медленно расходились уродливые куски флагмана Третьего флота, а остальные корабли Альянса внезапно стали истончаться, терять свой физический объем, — они ОТСТУПАЛИ, панически погружаясь в гиперсферу, без предварительного подсчета векторов входа.

— «Россия» — Дорохову, прекратить преследование. Всем кораблям эскадры — полный стоп на заданных координатах. Я выхожу на связь с Элио.

* * *

Никто не узнал впоследствии о судьбе большинства кораблей из состава Третьего ударного флота.

Капитаны, не выдержавшие внезапного появления негаданного противника, совершили «слепые рывки», навек затерявшись в пучинах аномалии пространства-времени.

Земля лишилась последних ударных соединений, но это не означало, что наступил конец войне.

Впереди лежали годы борьбы за независимость колоний, и лишь в одном оказался прав Джон Хаммер, которого действительно и проклинали, и возносили историки будущего: развязанная им Галактическая война привела к Великому движению народов, второму исходу людей из Солнечной системы в Дальний Космос.

История продолжалась, она не могла оборваться жирной точкой на той или иной стадии, ибо люди, несмотря на все свои различия, взаимные симпатии или неприязнь, оставались единой цивилизацией, а все «Зоны отчуждения», существующие между мирами, союзами, коалициями и просто между отдельно взятыми людьми, на самом деле являлись лишь порождением субъективного сознания. Ярким тому примером навек осталась планета Кьюиг и ее знаменитая степь, которая многие века олицетворяла собой барьер между двумя сообществами одной планеты…

Выстояв под первым натиском земных армад, колонии объединились, но новое сообщество осталось открытым для тех, кто желал влиться в него

по доброй воле, и поэтому глобальная война, продолжавшаяся еще долгих десять лет, не привела к взаимоуничтожению людей как вида.

Четыре крейсера, столь неожиданно появившиеся из пучин аномалии космоса на орбитах планеты Элио, стали впоследствии костяком Флота Свободных Колоний.

Дорохов до конца войны командовал «Иглой», Нечаев из-за многочисленных ранений спустя год ушел в отставку и вернулся на Кьюиг, сержант Сайков после годичного пребывания в госпитале присоединился к нему, и они вместе с Яной, принявшей фамилию Нечаева, отдали всю свою жизнь объединению двух цивилизаций родной планеты, а сама Галактическая война окончилась спустя десять лет полной капитуляцией Земного Альянса.

Однако в космосе оставались еще сотни планет, заселенных в период Первого Рывка, о существовании которых в то время только подозревали.

История Человечества развивалась по восходящей спирали, охватывая все новые пространства, пока очередная волна Экспансии не остановилась у огромного, лишенного звезд пространства, получившего название «Рукав пустоты»…

Февраль–июль 2002 года,

город Псков

notes

Примечания

1

Фототропная броня — вид гермоэкипировки с антисканирующим покрытием.